ВЕСТНИК

читинского государственного университета

№ 2 (47)
2008

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ЧитГУ)

Вестник ЧитГУ

№ 2 (47)

Научные направления журнала

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
- философские и социокультурные аспекты отношения человека к обществу и природе;
- генезис и теоретико-методологические основы психологии и педагогики;
- юриспруденция;
- проблемы организации и управления высшей школой;
- экономика и управление;

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ:
- математика;
- физика;
- химия;
- экология и окружающая среда;
- биология;
- геология;
- география;

ТЕХНИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ:
- машиностроение и транспорт;
- энергетика;
- современные горные технологии;
- поиск и разведка месторождений полезных ископаемых;
- строительные конструкции и материалы.

Чита 2008

Вестник Читинского государственного университета: Вестник ЧитГУ № 2 (47). – Чита: ЧитГУ, 2008. – 138 с.

Теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Резник Ю.Н. – гл. редактор, д-р техн. н., профессор, ректор ЧитГУ;
Кудряшов Е.А. – зам. гл. редактора, д-р техн. н., профессор, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. н., доцент;
Эпова Т.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. н., профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. н., профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. н., профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. н., профессор (Чита), С.А. Иванов, к. техн. н., профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, к. техн. н., профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. н., профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. н., профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ (Чита), В.И. Летунов, к. техн. н., профессор (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. н., доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. н., профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. н., профессор (Улан-Удэ), А.Б. Птицын, д-р техн. н., профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. н., доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. н., профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. н., доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. н., профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. н., профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. н., профессор (Чита), И.И. Швецова, к. физ-мат. н., доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. н., профессор (Чита).

ISBN 5-9293-0202-2

В журнале публикуются статьи по различным научным направлениям, в том числе реферируемые по специальностям: «Политология», «Фи-

Как оформить подписку?

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по общероссийскому каталогу 78760.
Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 250 рублей. За информацией обращаться по телефону:

* (3022) 41-69-06.
E-mail:

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Качество печати иллюстраций полностью соответствует качеству представленных оригиналов.

Читинский государственный университет был основан в 1974 г. На сегодняшний день он является крупным центром образовательных услуг Забайкальского края. Мы ведем подготовку специалистов по всем основным отраслям промышленности и сферы услуг нашего региона. За годы своего существования наш вуз заслужил репутацию солидного учебного заведения в подготовке специалистов, обладающих высоким уровнем теоретических знаний и практических навыков.

В состав университета входят 8 институтов: горный институт, энергетический институт, институт строительства и экологии, юридический институт, институт социально-политических систем, институт экономики и управления, институт технологических и транспортных систем, инсти-

тут переподготовки и повышения квалификации.

За более чем 30 лет работы университета из его стен вышло свыше 20 тысяч специалистов. Наши выпускники работают в различных регионах России. Среди них есть руководители крупных предприятий и компаний, академики и члены-корреспонденты различных академий наук.

лософия», «Культурология», «Психология», «Педагогика», «Право», «Филология».

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. н., доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

© Читинский государственный университет, 2008

Вестник

Читинского государственного университета

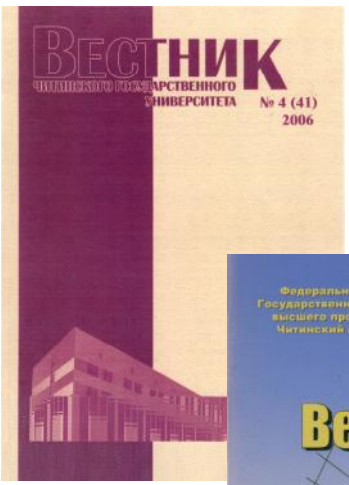
№ 2 (47) 2008

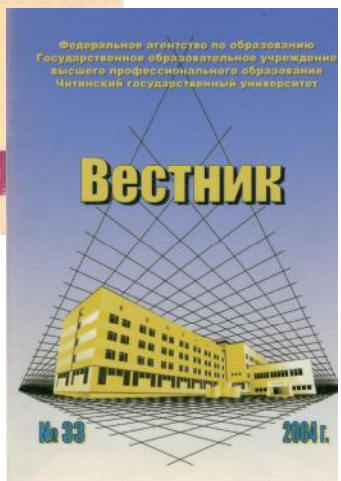
Научный редактор д-р социол. н. Н.П. Романова
Литерат. редактор Т.А. Эпова
Технический редактор М.А. Витовская
Подписано в печать 17.04.2008
Сдано в производство 20.01.2008
Форм. бум. 60 x 84 1/8
Печать офсетная
Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2
Гарнитура литературная
Усл. печ. л. 10,7
Заказ № 54

Читинский государственный университет

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30





УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В Ваших руках – очередной номер журнала «Вестник Читинского государственного университета». Его особенность состоит в том, что все мы теперь живем, работаем, учим и учимся в новом субъекте Российской Федерации, имеющем статус края и наименование Забайкальский край.

Новый субъект Российской Федерации является правопреемником Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа. Наше соседство с Монголией и Китаем открывает необходимость укрепления границ, реализации крупных совместных проектов.

Образование Забайкальского края позволяет объединить природные, материальные, интеллектуальные ресурсы, что создает благоприятные условия для выработки и реализации одной региональной политики по комплексному решению проблем развития промышленности и сельского хозяйства, освоения материально-сырьевой базы, совершенствования инфраструктуры, системы подготовки кадров для всех отраслей народного хозяйства, образования и науки.

В «Вестнике Читинского государственного университета» мы, как и прежде, размещаем наиболее актуальные материалы, освещающие разностороннюю научную деятельность ученых Читинского государственного университета и сообщества высших учебных заведений не только Забайкальского края, но и других регионов нашей страны.

В этой связи журнал «Вестник Читинского государственного университета» выражает готовность стать своеобразной площадкой для обсуждения проблем и принятия решений в интересах нового субъекта Российской Федерации. Мы приглашаем высказаться, представить на его страницах собственную точку зрения всех, кто связан с организацией научно-производственной деятельности. Надеемся, что все вместе мы привнесем свой вклад в развитие Забайкальского края.

Е.А. Кудряшов, д-р техн. н., профессор, проректор

по научной и инновационной работе ЧитГУ,
заместитель гл. редактора

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

К 70-летию
профессора кафедры «Обогащение полезных ископаемых и вторичного сырья», заслуженного геолога Читинской области
Трубачева Алексея Ивановича

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ВЕРШИНАМ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
(СУДЬБА МОЯ – ГЕОЛОГИЯ)

17 апреля исполняется 70 лет со дня рождения одного из старейших и заслуженных работников нашего университета – Трубачева Алексея Ивановича.

Выпускник геолого-разведочного факультета Иркутского политехнического института, он сделал геологию делом своей жизни, прошел все ступени профессионального роста, увлеченно работая, постиг все тонкости выбранной раз и навсегда профессии и добился в ней заметных высот. Сейчас Алексей Иванович – доктор геолого-минералогических наук, профессор, действительный член Всероссийского минералогического общества, академик Международной Академии минеральных ресурсов, член-корреспондент РАЕН.

Начиналась его трудовая жизнь в качестве техника-геолога в горной экспедиции, затем была работа научным сотрудником и руководителем группы в Забайкальском научно-исследовательском институте. Полевые и научные исследования, в которых принимал участие Алексей Иванович, проводились не только в Забайкалье и Прибайкалье, но и во многих других регионах нашей страны – Тыве, Присаянье, Приенисейском районе, Приуралье, Казахстане, Средней Азии. А.И. Трубачев изучал урановые, золотоносные, молибденовые, полиметаллические, медные месторождения этих регионов. Обобщение многочисленных материалов, особенно по месторождениям медистых песчаников и сланцев, развитых в различных геотектонических структурах земного шара, привели к выявлению и доказательству парагенетических и генетических связей и закономерностей распределения элементов в минеральных зонах; минералов, пород и руд в рудных телах, рудоносных горизонтах и формациях; установлению парагенетических рядов в латерально-вертикальном расположении осадочно-рудоносных формаций, приуроченности их к важнейшим геотектоническим структурам и стратиграфическим горизонтам земной коры; выводу пяти новых морфолого-генетических типов месторождений медистых песчаников, являющихся основой их классификации; раскрытию генезиса и главных этапов формирования этих месторождений для целей прогноза, оценки, поисков, разведки и эксплуатации. Все это явилось существенным вкладом в углубление теории осадочного рудогенеза, разработку стратегии и тактики освоения месторождений, в создание научной школы по

изучению стратиформных месторождений, получившей мировое признание.

В Читинский политехнический институт (ныне государственный университет) Алексей Иванович пришел в 1974 г. уже сложившимся специалистом, профессионалом высокого уровня, имея в своем активе солидный багаж производственного опыта и знаний. Став одним из первых ученых и преподавателей, стоявших у истоков нашего вуза, он своим трудом внес огромный вклад в его создание и развитие. Успешно освоив новую для себя преподавательскую работу, занимаясь подготовкой специалистов горно-геологического профиля, Алексей Иванович продолжил активную научно-исследовательскую деятельность, уделяя большое внимание проблемам технологической минералогии и геолого-технологической оценки важнейших промышленных типов месторождений и истории геологического изучения недр Забайкалья. Совместно с недавно ушедшим из жизни выдающимся ученым, заслуженным профессором нашего университета Леонидом Францевичем Наркелюном, им разработана типизация и подробная характеристика месторождений облицовочно-поделочного сырья. В результате этой работы была выделена перспективная Забайкальская минерагеническая провинция. А.И. Трубачев входил в группу энтузиастов, усилиями которых был организован геолого-минералогический музей университета.

Алексей Иванович успешно внедряет результаты своих научных исследований и достижений мировой научной геологической мысли в учебно-педагогический процесс, являясь автором около 250 научных трудов. Придавая большое значение подготовке кадров высшей квалификации, А.И. Трубачев уже много лет работает в составе диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, является научным редактором ряда монографий и научных сборников. Научные достижения он активно пропагандирует, работая в общественных научных организациях, таких как МАМР и ВМО, а также участвуя в подготовке и проведении многих межрегиональных конференций.

За свой самоотверженный труд Алексей Иванович Трубачев удостоен различных правительственных наград, но наиболее близко его сердцу – почетное звание «Заслуженный геолог Читинской области», ведь геология – это дело всей его жизни, которому он никогда не изменял.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.147

И.С. Буракова, ст. преподаватель каф.
«Естественные и общенаучные дисциплины»,
филиал ГОУ ВПО МГУС

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СЕРВИСА

Научные интересы: теория и методика профессионального образования

Статья посвящена проблеме формирования профессиональной компетентности будущих специалистов сферы информационного сервиса, определена ее структура, уровни и критерии сформированности. В статье раскрывается содержание организационно-педагогических условий, способствующих формированию профессиональной компетентности студентов. В статье нашли отражение материалы, характеризующие положительные результаты педагогического эксперимента ■

I. Burakova, Branch of “The Moscow State University of service” in c. Pyatigorsk

MOLDING OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE FUTURE SPECIALISTS OF THE INFORMATION SERVICE

Article is dedicated to the problem of molding of the professional competence of future specialists in the sphere of information service, is determined its structure, levels and criteria of formation. In the article the content of the organizational-pedagogical conditions, which contribute to molding of the professional competence of students, is opened. In the article the materials, which characterize the positive results of pedagogical experiment, was reflected ■

* * *

В концепции модернизации российского образования до 2010 г. в качестве основополагающей цели подготовки будущего специалиста выступает формирование его профессиональной компетентности [1].

Изучение психолого-педагогической литературы и анализ диссертационных исследований позволили выявить недостаточную разработанность аспектов развития профессиональной компетентности будущих специалистов сферы информационного сервиса. Разработка теоретических аспектов данной проблемы включала уточнение понятия «профессиональная компетентность», выявление ее структуры и определение содержания каждого структурного компонента, определение уровня сформированности профессиональной компетентности, теоретическое обоснование и описание модели

процесса формирования профессиональной компетентности будущих специалистов сферы информационного сервиса.

Исследования, посвященные профессиональной компетентности, широко представлены Е.В. Бондаревской, Б.С. Гершунским, И.А. Зимней, И.А. Колесниковой, А.К. Марковой и др. В исследованиях специалистов ведущих зарубежных стран происходит смещение акцента к требованиям с формальных факторов его квалификации и образования к социальной ценности его личностных качеств. В исследованиях Дж. Мериля, Д. Юла, И. Стевика предприняты попытки выделить индивидуально-психологические составляющие профессиональной компетентности специалиста, куда отнесены дисциплинированность, самостоятельность, коммуникативность, стремление к развитию.

В настоящее время во многих работах термином «компетентность» обозначают самые разные явления: умственные действия (процессы, функции), личностные качества человека, мотивационные тенденции, ценностные ориентации, практические умения и навыки и т.д. Также разделяются ключевые компетенции, определяющие значение для характеристики специалиста, и дополнительные компетенции, опосредованно влияющие на общую компетентность. В толковых словарях термин «компетентность» (от лат. «competo» – совместно добиваюсь, достигаю, соответствую, подхожу) трактуется как обладание знанием, позволяющим судить о чем-либо, осведомленность, правомочность, полноправность [2].

Анализ зарубежных и российских информационных источников показал, что в настоящее время не существует общепризнанного определения термина «компетентность» («профессиональная компетентность»), однако выработано единое смысловое поле складывающейся концепции компетентности, включающее в себя общее понимание того, что компетентность:

а) относится к личности обучаемого (студента);

б) не сводится к знаниям, умениям и навыкам, хотя и проявляется в них;

в) может развиваться и, соответственно, диагностироваться в специальным образом организованной учебной деятельности студентов, имитирующей профессиональную.

Проведенный сопоставительный анализ существующих трактовок понятия «компетентность» позволяет определить профессиональную компетентность как интегративную профессионально-личностную характеристику, определяющую способность и готовность выполнять профессиональные функции в соответствии с принятыми в социуме в конкретно-исторический момент нормами, стандартами и требованиями.

Профессиональная компетентность на основании работ Г.В. Безюлевой, Э.Ф. Зеера рассматривается нами как набор компетенций, позволяющих человеку использовать свой потенциал, осуществлять сложные виды деятельности, оперативно и успешно адаптироваться в профессиональной среде [3].

При построении модели специалиста были выделены базовые и специальные компетенции. На основе базовых компетенций создается модель оценки возможности быть специалистом информационного сервиса «в принципе» (порог входа в профессию), затем создается модель компетенций, необходимых для эффективной профессиональной деятельности. Проведя структурно-функциональный и информационный анализ профессиональной деятельности с целью определения системы ключевых, базовых общепрофессиональных, профессионально профилированных компетенций для мониторинга уровня сформированности профкомпетентности специалиста информационного сервиса, мы остановились на следующих (табл. 1):

Таблица 1

Модель компетенций специалиста сферы информационного сервиса

Компетенции	Проявление компетенции
Ключевые компетенции (надпрофессиональные)	
Объективность восприятия	Воспринимает ситуацию исходя из наблюдаемых фактов, а не на основании личных оценок
Гибкость и системность мышления	Выделяет все факторы, влияющие на состояние исследуемого объекта. Устанавливает причинно-следственные связи. Выделяет ключевые показатели, определяющие состояние проблемы или влияющие на результат
Самостоятельность, нацеленность на результат	Ставит цели, определяет способы их достижения и привлекает необходимые ресурсы. Достигает цели в указанные сроки и в соответствии с требуемым качеством
Обучаемость	Усваивает и применяет в своей деятельности новую информацию, технологии, модели поведения. Обладает внутренней самомотивацией на приобретение новых знаний, навыков, опыта
Умение понимать других, доброжелательность	Умеет понять других людей, их позицию. Признает и уважительно относится к праву других быть такими, какие они есть. Учитывает мнение сторон в любой ситуации конфликта
Уверенность в себе	Адекватно оценивает себя. Мало подвержен изменению самооценки под воздействием внешнего влияния. Отделяет влияние на успех или неудачу внешних факторов и собственных действий/усилий
Ответственность	При принятии решений оценивает возможные последствия. Выполняет принятые на себя обязательства
Адаптивность	Поддерживает высокую работоспособность в изменившихся условиях. Ведет себя конструктивно в различных ситуациях
Дисциплинированность	В профессиональной деятельности четко следует правилам и инструкциям, действует в рамках, установленных извне
Коммуникабельность	Умеет устанавливать контакт. Умеет слушать и слышать, задавать вопросы. Умеет аргументировать. Использует навыки презентации себя, своих услуг
Специальные компетенции (функциональные)	
Общетехнические	Экспериментально определяет основные характеристики оборудования и программного обеспечения автоматизированных и телекоммуникационных систем
Базовые общепрофессиональные	Использует справочную и техническую документацию в профессиональной деятельности
	Оценивает работоспособность оборудования и программного обеспечения автоматизированных, информационных и телекоммуникационных систем

Окончание табл. 1

Компетенции	Проявление компетенции
Профессионально-профилированные	Проводит диагностику оборудования и программного обеспечения автоматизированных и телекоммуникационных систем; анализирует результаты проводимой диагностики
	Настраивает специальное программное обеспечение автоматизированных и телекоммуникационных систем
	Владеет инструментами экспресс-обследования предприятия, проводит обработку и анализ информации
	Составляет проектную документацию, формирует технологическую документацию, отчетную документацию по результатам работы
	Использует в своей работе современные языки программирования. Проводит оптимизацию алгоритмов работы
	Разрабатывает методику обучения пользователей информационных услуг. Выбирает методологию ведения работ по оказанию информационных услуг. Консультирует пользователей

Успешная деятельность преподавателя по формированию профессиональной компетентности будущего специалиста определяется осмыслением и реализацией условий, способствующих качественному усвоению профессиональных знаний и умений студентами – будущими специалистами. Нами выделены организационно-педагогические условия, способствующие успешному формированию такого важного феномена, как профессиональная компетентность. Считается неправомерным сводить организационно-педагогические условия только к обстоятельствам, т.к. формирование профессиональной компетентности будущего специалиста является процессом, представляющим единство объективного и субъективного. Под условиями понимается нечто самостоятельно существующее, в деятельности трансформирующееся в предмет, являющееся совокупностью всех субъективно значимых реализованных условий. Знание организационно-педагогических условий позволяет добиться такого результата, когда профессиональная компетентность будущего специалиста, формируемая в процессе его подготовки, становится обязательной для будущей профессиональной деятельности и профессионального роста обучаемого.

Рассмотрение организационно-педагогических условий начнем с моделирования процесса формирования профессиональной компетентности. Структура модели данного процесса (рис. 1) представляет собой интеграцию взаимосвязанных компонентов: организационно-подготовительного, организационно-технологического и результативно-диагностического.

I компонент – организационно-подготовительный – включает:

– цель, сформированную с учетом социального заказа общества: потребности общества в конкурентоспособных профессионалах в сфере информационного и микропроцессорного сервиса, потребности в инновационных преобразованиях в процессе подготовки специалистов, потребности личности будущего специалиста в реализации личностного потенциала, на нормативной базе закона РФ «Об образовании», закона РФ «О вузовском и послевузовском образовании», Концепции модернизации россий-

ского образования на период до 2010 г., Декларации Болонского процесса;

– содержание государственных образовательных стандартов и профессиональных стандартов;

– задачи обучения и воспитания;

II компонент – организационно-технологический – включает:

– содержание процесса обучения и воспитания;

– формы организации учебного процесса (индивидуальные, групповые), технологии (компетентностный подход, личностно-ориентированный подход);

– методы формирования сознания личности, проектный метод, метод «электронный портфолио», кейс-стадии и др.;

– педагогический процесс, включающий исследование и проектирование с соответствующими аналитическим, прогностическим, проективным, технологическим этапами, обеспечивающими удовлетворение потребности личности;

– комплекс педагогических условий, включающий педагогические средства и педагога, способного организовать эффективный процесс подготовки будущего специалиста для сферы микропроцессорного сервиса;

– принципы системности и интегративности, учета индивидуальных особенностей личности студентов, вариативности, гибкости и прозрачности, фундаментализации, межпредметных связей, профессиональной направленности образовательного процесса, учета региональных особенностей, ориентированности на спрос со стороны рынка труда;

III компонент – результативно-диагностический – включает уровни, критерии, показатели и мониторинг эффективности формирования профессиональной компетентности будущих специалистов.

В исследовании под мониторингом эффективности формирования профессиональной компетентности студентов понимается процедура отслеживания и сравнения достигнутых обучающимися профессиональных результатов обучения с запланированными через организацию системы контроля, сбора, обработки информации, представляющую собой совокупность критериев и показателей для анализа, прогноза и моделирования оптимального процесса. Учитывая, что компетентность – это не только владение компетенциями, но и личностное отношение человека к предмету деятельности, мы выделили компоненты профессиональной компетентности будущих специалистов: мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный (рис. 1).

Становление каждого компонента связано с формированием его характеристик и свойств как части целостной системы. Другое обязательное организационно-педагогическое условие – создание комплексной системы мотивации образовательного процесса. Для этого используется технология личностно-ориентированного обучения в процессе конкретной работы на основе ее свободного выбора будущим специалистом с учетом его интересов. Такое обучение как альтернатива традиционного образования ориентировано на личность как цель, субъект, результат и главный критерий ее эффективности. С этой целью в процессе обучения используются проектный метод, метод «электронный портфолио», кейс-стадии и др. Продуктивная учебно-профессиональная деятельность есть практическая ценность, значимый результат осознаваемого образования для будущего специалиста.

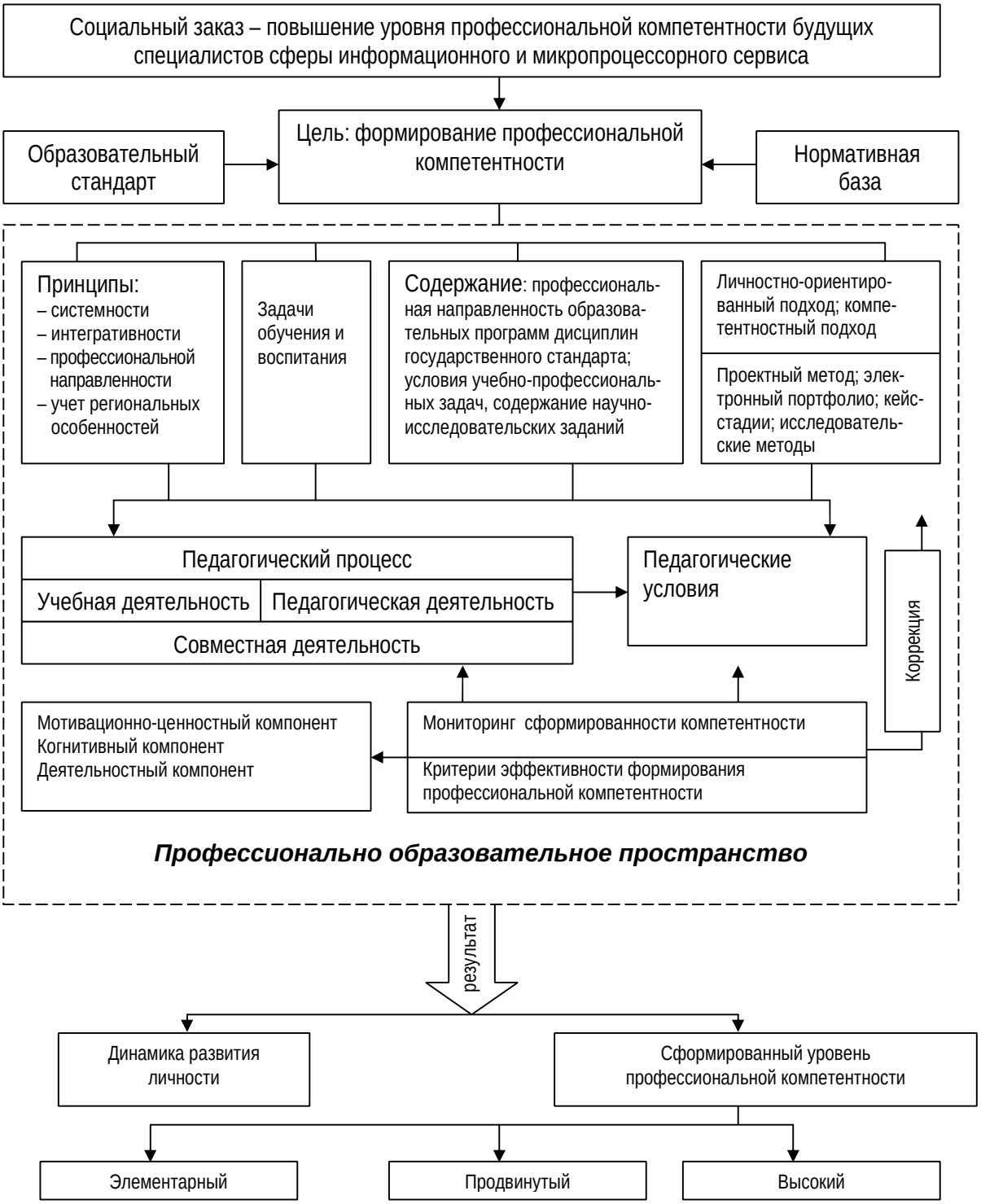


Рис. 1. Структурная модель процесса формирования профессиональной компетентности будущих специалистов сферы информационного сервиса

Результаты мониторинга развития профессиональных и познавательных мотивов студентов в ходе педагогического эксперимента представлены на рис 2.

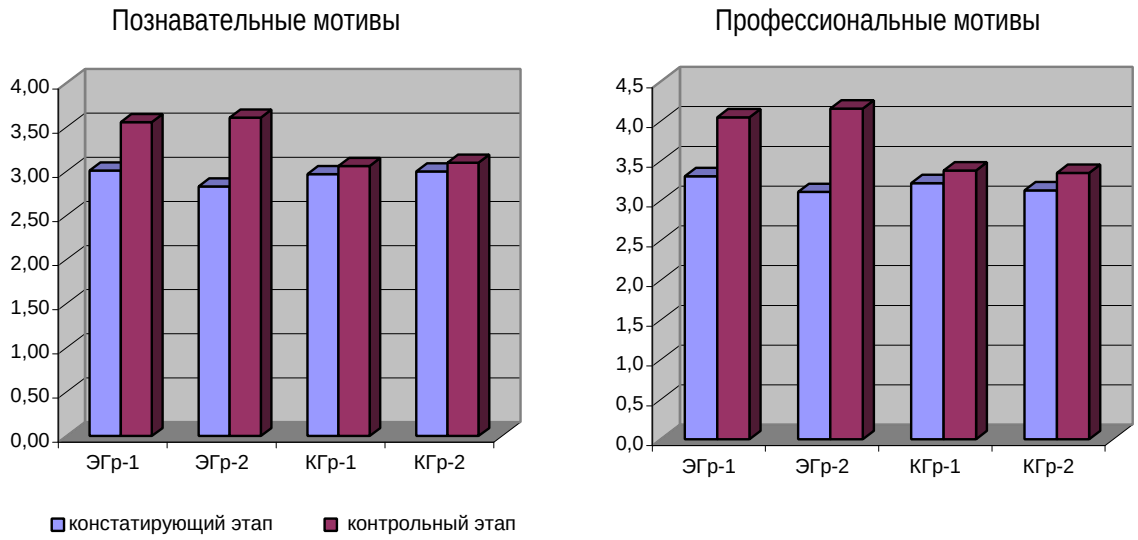


Рис. 2. Мониторинг развития познавательных и профессиональных мотивов будущих специалистов

Обработка количественных данных осуществлялась на основе методов статистики, в задачи которой входит определить достаточно ли велика разность между средними двух распределений, для того чтобы объяснить ее действием независимой переменной (в нашем случае модель процесса формирования профессиональной компетентности будущих специалистов сферы информационного сервиса), а не случайностью, связанной с малым объемом выборки. Статистические данные, представленные в табл. 2, убедительно свидетельствуют о том, что формирование профессиональной компетентности будущих специалистов сферы информационного и микропроцессорного сервиса эффективней при выполнении выделенных организационно-педагогических условий.

Мы считаем, что реализация данного подхода создает условия согласования индивидуальных компетентностей студента с их профессиональным развитием, мотивацией поступления в вуз и получения высшего образования. В результате получаем не только положительную динамику развития личности, но и определенный уровень сформированности профессиональной компетентности будущего специалиста информационного сервиса.

Таблица 2

Результаты экспериментальной работы по формированию профессиональной компетентности будущих специалистов

Группа	Кол-во испытуемых, чел.	Результаты				Метод оценки «хи-квадрат»
		Улучшили		Не улучшили		
		чел.	%	чел.	%	
Мотивационно-ценностный компонент						
Эгр-1,2	70	37	52,9	9	12,8	x^2=18,54 $p<0,05$
КГр-1,2	63	11	17,5	38	60,3	
Когнитивный компонент						
Эгр-1,2	70	32	45,7	14	20,0	x^2=10,014 $p<0,05$
КГр-1,2	63	8	12,7	35	55,5	
Деятельностный компонент						
Эгр-1,2	70	31	44,3	15	21,4	x^2=3,94 $p<0,05$
КГр-1,2	63	6	9,5	33	52,4	

В итоге отметим, что формирование профессиональной компетентности будущих специалистов сферы информационного сервиса при всей его индивидуальности и неповторимости не стихийный, а управляемый, регулируемый процесс, результативность и успешность которого зависят от определенных организационно-педагогических условий. К ним относятся разработка структуры процесса формирования профессиональной компетентности будущих специалистов; создание комплексной системы мотивации образовательного процесса, определяющего средства формирования интегративных характеристик специалиста; разработка критериев и методов оценки сформированности профессиональной компетентности, позволяющих оценить эффективность педагогического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М.: АПКиПРО, 2002.
2. Словарь иностранных слов. – 18-е изд. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с.
3. Зеер Э.Ф. Психолого-дидактические конструкты качества профессионального образования / Э.Ф. Зеер // Образование и наука. – 2002. – № 2 (14).

УДК 378

О.В. Иванова, ст. преподаватель каф.
«Английский язык», ГОУ ВПО МГПИ

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Научные интересы: новые педагогические и информационные технологии обучения иностранному языку: применение компьютерных обучающих программ, ресурсов и услуг Интернет в обучении иностранному языку в вузе, применение метода проектов, разноуровневого обучения как технологий личностно-ориентированного обучения иностранному языку в педагогическом вузе

Рассматривается актуальность процесса формирования информационной компетентности педагога в процессе изучения иностранного языка в вузе. Конкретизируется понятие «информационная компетентность учителя иностранного языка». Рассматривается структура, принципы, педагогические условия, технологии формирования информационной компетентности учителя иностранного языка. Излагаются результаты исследований и экспериментальной работы по реализации модели формирования информационной компетентности студента – будущего учителя иностранного языка ■

O. Ivanova, GOU VPO MGPI

SHAPING OF INFORMATION COMPETENCE OF A MODERN TEACHER IN THE PROCESS OF LEARNING FOREIGN LANGUAGES

Shaping of information competence is analyzed in the process of learning foreign languages in a higher educational institution. The meaning of the definition of information competence of a teacher of foreign languages is given. The structure, principles, pedagogical conditions and technologies of shaping of informtaion competence are shown. The results of the research and experimental work on realization of the model of shaping information competence of a student – a future teacher of foreign languages are explained ■

* * *

В условиях современного российского общества важнейшим стратегическим ресурсом развития и модернизации образования становится информация. В Концепции модернизации отечественного образования на период до 2010 г. отмечается, что одним из основных требований к модернизации системы российского образования является эффективное использование информационных ресурсов, а также обеспечение всеобщей компьютерной грамотности [4].

Однако внедрение информационных технологий в процесс обучения в вузе связано с решением ряда проблем. С одной

стороны, это необходимость материально-технического и дидактического обеспечения возможности студентов и педагогов применять информационные технологии в процессе обучения в вузе (т.е. компьютеризация и обеспечение выхода в Интернет в большинстве вузов, появление большого количества разнообразных образовательных программных продуктов и т.д.), с другой стороны – низкий уровень готовности преподавателей, в первую очередь, гуманитарных дисциплин, к применению информационных технологий в учебном процессе.

Проведенный нами опрос 75 преподавателей педагогического вуза позволяет утверждать, что только 12 % регулярно используют информационные технологии в практике преподавания своего предмета, 27,9 % делают это эпизодически, 40 % не применяют вообще. В числе причин, затрудняющих применение информационных технологий в практике преподавания своей дисциплины, преподаватели отметили недостаток компьютерных классов, отсутствие необходимого программного обеспечения, отсутствие методики работы с информационными технологиями (последнюю причину отметили все преподаватели, не использующие информационные технологии).

Следовательно, проблема подготовки педагогов, способных осуществлять применение новых педагогических и информационных технологий в своей профессиональной деятельности, является актуальной в современном обществе. Студент уже в процессе обучения в вузе должен овладеть навыками использования информационных технологий в своей учебной, научно-исследовательской и практической деятельности.

В связи с этим возрастают требования к информационной компетентности как одного из важных структурных компонентов профессиональной компетентности современного педагога. От уровня развития информационной компетентности студентов – будущих учителей иностранного языка во многом зависит успешное осуществление ими профессиональной деятельности в современном информационном обществе.

В процессе обучения иностранному языку значимость применения информационных технологий обусловлена в первую очередь тем, что расширение возможностей межкультурных коммуникаций и международного партнерства невозможно как без знания иностранного языка, так и без овладения информационными технологиями. Кроме того, обучение иностранным языкам в контексте межкультурной парадигмы имеет большой личностно-развивающий потенциал, что соответствует направлениям модернизации российского образования, предполагающей «ориентацию образования не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей» [4].

Именно на осуществление процесса формирования информационной компетентности педагога в процессе изучения иностранного языка и были направлены усилия преподавателей факультета дополнительных профессий МГПИ им. Н.К. Крупской г. Йошкар-Ола в 2005-2006 учебном году.

Анализ определений информационной компетентности позволяет утверждать, что имеется значительный разброс в её толковании, свидетельствующий о незаконченности процесса оформления новой педагогической дефиниции: под информационной компетентностью понимают профессионально значимое качество, состоящее в овладении основными навыками работы с информацией (М.Г. Дзугкоева) [1, 31-36], сложное индивидуально-психологическое образование на основе интеграции теоретических знаний, практических умений в области инновационных технологий и определённого набора личностных качеств (О.Б. Зайцева) [2, 9], новый вид грамотности, в состав которой входят умения активной самостоятельной обработки информации человеком, при-

нятие принципиально новых решений в непредвиденных ситуациях с использованием технологических средств (А.Л. Семёнов) [6, 3]. И.А. Зимняя выделяет понятие «компетенция в области информационных технологий», в состав которых включает прием, переработку, выдачу информации; преобразование информации (чтение, конспектирование), массмедийные, мультимедийные технологии, компьютерную грамотность; владение электронной, Интернет-технологией [3, 10], М.Б. Лебедева [5] и О.Н. Шилова [7] оперируют понятием ИКТ-компетентность, рассматривая его как ключевую компетенцию современного человека, проявляющуюся в деятельности при решении различных задач с привлечением компьютера, средств телекоммуникации, Интернета и т.д.

Нами было конкретизировано понятие «информационная компетентность учителя иностранного языка» как важного компонента профессиональной компетентности педагога. Информационная компетентность учителя иностранного языка определяется нами как сложное индивидуально-психологическое образование, основанное на интеграции теоретических знаний и практических умений работать с информацией различных видов, используя новые информационные технологии. Основными элементами структуры информационной компетентности являются когнитивный, поведенческий, мотивационный и личностный компоненты. Когнитивный компонент структуры информационной компетентности учителя иностранного языка включает в себя знания о границах применимости компьютерной техники, информационных технологиях, способствующих реализации межкультурной направленности обучения иностранным языкам. Поведенческий компонент отражает умения и навыки творческого использования информационных технологий в учебно-воспитательном процессе и проявляется в различных учебных ситуациях по изучению иностранного языка с применением информационных технологий. Мотивационный компонент обеспечивает интерес, готовность и стремление применять новые информационные технологии при изучении иностранного языка. Личностный компонент информационной компетентности проявляется в личностных качествах учителя иностранного языка и включает в себя адекватную самооценку собственных возможностей в использовании информационных технологий, уверенность в их выборе и реализации, а также совокупность необходимых эмоционально-волевых качеств личности, необходимых для творческого применения приобретенных информационных знаний и умений в учебном процессе по изучению иностранного языка.

Все составляющие информационной компетентности педагога тесно взаимосвязаны между собой и формируются в течение всей жизни. В настоящее время информационная компетентность педагога является важным показателем его конкурентоспособности и профессионализма, готовности вести профессиональную деятельность в условиях модернизации и информатизации образования.

Непосредственно методика формирования информационной компетентности педагога составляет комплекс методов, приемов и совокупности взаимосвязанных компонентов (целей, принципов, условий реализации и организационных форм). В методике формирования информационной компетентности педагога выделяются следующие цели и задачи:

– основная цель предполагает формирование информационной компетентности учителя иностранного языка как одной из ключевых профессиональных компетентностей современного педагога;

– реализация данной цели осуществляется через решение задач, соответствующих конкретным этапам формирования информационной компетентности и отражающих освоение таких компонентов, как мотивационный, когнитивный, поведенческий и

личностный, а также в рамках изучения, разработки и внедрения конкретного учебного и практического материала.

Организация педагогического процесса формирования информационной компетентности будущего учителя иностранного языка требует определения системы методических принципов, обеспечивающих его эффективность.

К основным из них можно отнести следующие принципы: научности; последовательности и системности; доступности; практико-ориентированного подхода в обучении; дифференцированности; диалогичности; ориентированности обучения на развитие личности; междисциплинарной интеграции содержания и технологий формирования информационной компетентности педагога.

В свою очередь на систему методических принципов опираются педагогические условия реализации эффективного формирования информационной компетентности педагога.

В нашем исследовании педагогического процесса формирования высокого уровня информационной компетентности студентов – будущих педагогов педагогические условия обусловлены общими закономерностями организации учебного процесса и представляют собой формирование у студентов и преподавателей положительной мотивации к применению НИТ; применение личностно-ориентированного подхода к формированию информационной компетентности; интеграцию информационного компонента в содержание профессиональной подготовки учителя иностранного языка; придание процессу изучения информационных технологий практико-ориентированного характера; внедрение НИТ в процесс профессиональной подготовки учителя иностранного языка (наличие материально-технической базы и соответствующего учебно-методического обеспечения учебного процесса).

Содержание разработанной нами теоретической модели формирования информационной компетентности студентов педагогического вуза отражает вариативный и инвариантный компоненты информационной подготовки студентов конкретного учебного заведения – ГОУ ВПО МГПИ им. Н.К. Крупской. Базовый курс информатики (для студентов 2 курса всех факультетов) является инвариантной составляющей процесса формирования информационной компетентности студентов – будущих учителей иностранного языка.

Вариативным компонентом, сочетающим в себе теоретический, методический и практический аспекты изучения информационных технологий и их использования в профессиональной деятельности учителя иностранного языка, является авторский курс «Английский язык + компьютер», который и был проведен на этапе реализации эксперимента на факультете дополнительных профессий МГПИ им. Н.К. Крупской в 2005-2006 гг. Всего в эксперименте приняло участие 97 студентов.

Целью курса является повышение уровня информационной компетентности студентов – будущих учителей иностранного языка в системе дополнительного образования. Для реализации поставленной цели нами был разработан комплекс образовательных, развивающих, воспитательных и практических задач.

Структура курса включает 4 раздела «Информационное общество и информационная культура», «НИТ в обучении иностранному языку», «Способы аналитико-синтетической переработки источников информации в процессе изучения иностранного языка», «Виды профессиональной деятельности учителя иностранного языка в сети Интернет», состоящие из теоретических и практических занятий.

Выделенные нами условия и принципы формирования информационной компетентности педагога оказали влияние на выбор технологий, используемых в процессе

реализации курса. К ним нами были отнесены технологии личностно-ориентированного обучения, информационные технологии; технологии учебно-профессиональной деятельности, применяемые на теоретических и практических занятиях по формированию информационной компетентности будущих учителей иностранного языка.

Теоретические занятия курса представляют собой лекционный материал, в котором раскрывается значение информации в современном мире, изменения в образовании, вызванные информатизацией общества, содержание деятельности учителя иностранного языка по использованию информационных технологий в учебном процессе.

Практические занятия предусматривают усвоение студентами необходимых знаний, умений и навыков для эффективного использования информационных технологий в обучении иностранным языкам. Основными целями проведения практических занятий данного курса являются формирование навыков работы со следующим программным обеспечением: Microsoft Word и Excel, которые используются для создания дидактических материалов на иностранном языке; Microsoft PowerPoint, для создания конспектов лекций, презентаций материала на уроках и во внеклассной работе по иностранному языку. На практических занятиях также развиваются коммуникативные способности студентов в основных видах речевой деятельности на иностранном языке – чтении, говорении, аудировании, письме на основе применения НИТ (компьютерных обучающих программ, ресурсов и услуг Интернет), а также происходит формирование навыков практического применения обучающих компьютерных программ Professor Higgins, Talk to me, English – way to the best, TOEFL, English Platinum, Oxford Platinum, English Discoveries, Clifford reads, Funny English в процессе углубленного изучения английского языка.

На этапе экспертной оценки полученных результатов был реализован мониторинг сформированности информационной компетентности студентов. В ходе проведения опытно-экспериментальной работы был создан банк диагностических методик по выявлению уровней сформированности информационной компетентности студентов педагогического вуза, также были разработаны анкеты для студентов и преподавателей, для контроля знаний по английскому языку применялся тест TOEFL (компьютерная программа).

Для текущей и контрольной оценок информационной компетентности у студентов мы использовали следующие виды оценочных средств: тесты на выявление компьютерной грамотности, творческие задания по составлению презентаций в программе Power Point на практических занятиях, научные сообщения на английском языке, ролевые (деловые) игры, анкетирование; тестирование; наблюдение. Мониторинг осуществлялся в несколько этапов, так как оценивались все показатели уровней сформированности информационной компетентности студента – будущего учителя иностранного языка.

На первом этапе проводилась стартовая диагностика информационной компетентности студентов с целью выявления начального уровня информационной компетентности студентов на основе таких критериев и показателей сформированности информационной компетентности, как мотивационный, когнитивный, поведенческий и личностный. Результаты проведения стартовой диагностики позволяют утверждать, что в рамках традиционной системы профессиональной подготовки педагога недостаточно эффективно происходит формирование когнитивного, поведенческого и личностного компонентов информационной компетентности педагога (рис. 1).

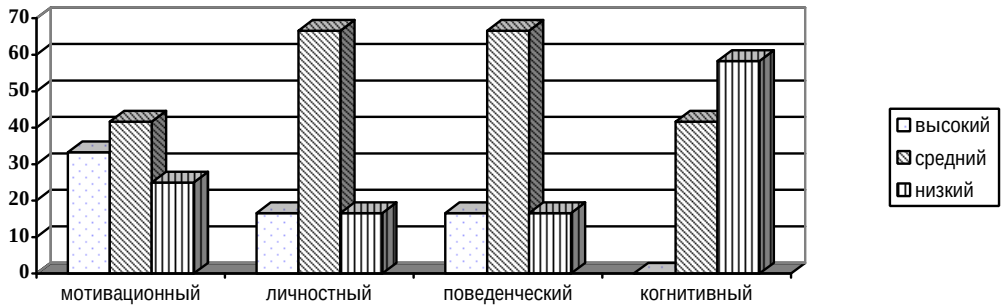


Рис. 1. Результаты стартовой диагностики уровней сформированности информационной компетентности студентов экспериментальной группы

На втором этапе мониторинг был направлен на выявление наиболее значимых показателей развития информационной компетентности студентов экспериментальной группы в динамике. Динамика формирования информационной компетентности представлена на рис. 2.

Анализ результатов контрольной диагностики показывает, что в результате реализации разработанной нами модели уровень информационной компетентности студентов экспериментальной группы повысился: количество студентов с высоким уровнем увеличилось на 35,4 %, количество студентов со средним уровнем увеличилось на 22,4 %, количество студентов с низким уровнем понизилось на 13 %.

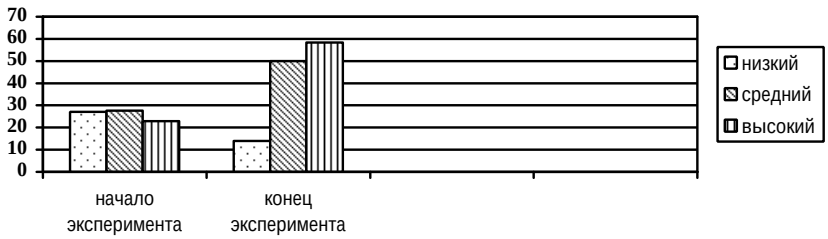


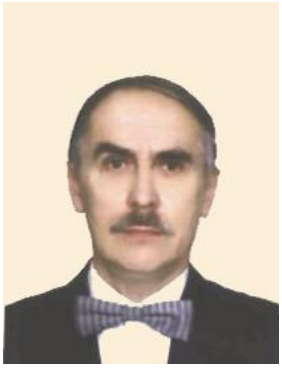
Рис. 2. Динамика формирования информационной компетентности студентов экспериментальной группы

Таким образом, в процессе экспериментальной работы доказано, что соблюдение выделенных нами педагогических условий применения информационных технологий при обучении английскому языку способствует формированию осознанного и ответственного отношения к применению информационных технологий, высокого уровня мотивации к применению НИТ в учебной деятельности студентов, совершенствованию поведенческих навыков в процессе обучения, творческой самореализации студентов в информационной среде, что, в целом, позволяет сделать заключение о формировании их информационной компетентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзугоева М.Г. Постановка и решение задач – основа информационной компетентности сту-

дентов / М.Г. Дзугоева // Проблемы качества образования: Материалы XIII Всерос. совещания. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. – Кн. 2. – С. 31-36.
2. Зайцева О.Б. Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами инновационных технологий: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / О.Б. Зайцева. – Армавир, 2002. – 19 с.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И.А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года: Приказ Министерства образования РФ от 11.02.2002 № 393 // Учительская газета. – 2002 – № 31.
5. Лебедева М.Б. Система модульной профессиональной подготовки будущих учителей к использованию информационных технологий в школе: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / М.Б. Лебедева. – Санкт-Петербург, 2006. – 34 с.
6. Семёнов А.Л. Роль информационных технологий в общем среднем образовании / А.Л. Семёнов. – М.: МИПКРО, 2000. – 12 с.
7. Шилова О.Н. Теоретические основы становления информационно-педагогического тезауруса студентов в системе высшего педагогического образования: дис. д-ра пед. наук: 13.00.08. / О.Н. Шилова. – СПб., 2001. – 365 с.



УДК 378.014.5

С.С. Руденко, доцент каф.
«Тепловые электрические станции», ЧитГУ

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

Научные интересы: система менеджмента качества образовательных учреждений, промышленная безопасность объектов Ростехнадзора, экология и эффективность энергетического производства

В статье рассмотрены процессы и измеряемые характеристики образовательной деятельности вуза. Приведены элементы внешней и внутренней оценок качества образования. Механизмом гарантии качества подготовки специалистов в вузе должна стать система менеджмента качества. Указаны пути её развития в Читинском государственном университете ■

S. Rudenko, The Chita State University

ABOUT THE VALUE OF QUALITY OF EDUCATION IN HIGHER SCHOOL

In the article it is considered the processes and measured characteristics of educational activities in higher school. It is given the elements of external and internal values of quality of education. The quarantine mechanism

of training quality of the specialists in higher school should become the management quality system. It is indicated the ways of its development in the Chita State University ■

* * *

Качество – это когда возвращается
клиент, а не продукт концерн «Даймлер-Крайслер»

Сегодня во всех сферах жизнедеятельности общества большое внимание уделяют качеству (в промышленности, сфере обслуживания, медицине, образовании). Термин «качество» существует со времён Аристотеля, который считал, что «качество – существенная определённость объекта, в силу которой он является данным, а не другим объектом, то есть это та самая определённость, которая отличает лошадь от стола». Такая основополагающая трактовка качества просуществовала, по сути, вплоть до конца XIX в.

XX в. дал мощный толчок к повышению качества в индустриальных странах: стали разрабатываться национальные системы и стандарты по обеспечению качества. Фактически первой системой управления качеством явилась знаменитая система Ф. Тейлора. В 80-х гг. в Японии было создано Всеобщее руководство качеством (TQM), которое представляло собой системный подход к руководству организацией, нацеленный на постоянное улучшение качества.

В эти же годы в Советском Союзе создаются и внедряются системы бездефектного изготовления продукции (БИП), бездефектного труда (СБТ), КАНАРСПИ (качество, надёжность, ресурс с первых изделий) и др. В середине 70-х гг. в СССР сформирована и внедрена на многих промышленных предприятиях Комплексная система управления качеством продукции (КСУКП). Целью этой системы являлось улучшение качества за счёт согласованных действий отдельных исполнителей на всех этапах жизненного цикла продукции: разработки, изготовления и эксплуатации. В это же время нормативно на уровне государственного стандарта был закреплён термин качество продукции как совокупность свойств продукции, обуславливающих её пригодность удовлетворять определённые потребности в соответствии с её назначением. Характерной особенностью данного термина является то, что он отражал существовавший подход к качеству продукции с позиции рынка производителя. Качественный товар должен был соответствовать только определённым запросам покупателя и не всегда, к сожалению, мог полностью удовлетворить потребителя.

В конце XX в. в высокоразвитых странах начался процесс перехода от рынка производителя к рынку потребителя. Основоположник управления качеством в Японии К. Исикава отмечал, что «качество должно быть ориентировано на человека». Эта направленность на человеческий фактор нашла отражение в новом определении термина «качество – как совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять установленные или предполагаемые потребности». Как видно, в новых сложившихся условиях производителю продукции становится чрезвычайно важно не только удовлетворить насущные потребности потребителя, но и даже предугадать его скрытые желания. Известный аме-

риканский специалист в области менеджмента качества А. Фейгенбаум считает, что в наступившем XXI в. в конкурентной борьбе выиграет только тот, кто предугадает требования потребителей.

В последних версиях международных стандартов ИСО серии 9000, с которыми гармонизированы и российские стандарты в области качества, закреплено уточнённое определение: «Качество – степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям». В очередной раз в нем утверждается, что производитель в области качества продукции должен быть ориентирован на требования потребителей.

Если трактовка термина «качество» более понятна для выпускаемой промышленной или иной продукции, то термин «качество образования» до сих пор вызывает дискуссии среди специалистов как в области образования, так и менеджмента качества. Современная российская педагогика рассматривает образование как процесс обучения, воспитания и развития личности. Качество образования, как главный механизм общественного интеллекта, является одной из основных составляющих качества современного человека. Поэтому качеству образования и уделяется такое неослабеваемое внимание.

Потребителями образовательных услуг вузов являются Министерство образования и науки РФ, работодатели (предприятия, организации), студенты, администрации субъектов Федерации, службы занятости и др. И когда речь заходит о качестве образования, то возникает естественный вопрос – каким запросам потребителей оно должно удовлетворять.

Для Минобрнауки РФ качество образования в вузе до последнего времени считалось тем выше, чем больше зачисленных студентов успешно заканчивали образовательную программу. Работодатели качество образования оценивают применительно к своему производству по конкретным знаниям, практическим навыкам и умению, приобретёнными выпускниками за время их обучения в вузе. Для студентов качество образования связано с вкладом вуза в индивидуальное развитие их как личности и уровнем профессиональной подготовки для занятия ими соответствующего места в обществе.

Преподаватели вузов определяют качество образования хорошей академической подготовкой студентов, основанной на высоком кадровом потенциале вуза, хорошем учебно-методическом обеспечении, развитой инфраструктуре вуза, тесной связи обучения с наукой и пр. Понятие «качество образования» можно интерпретировать поразному. Каждая заинтересованная сторона имеет собственные нормы и критерии качества образования, выработанные в соответствии со своими конкретными задачами. Абсолютного качества в природе не существует. И очевидно, что говорить о качестве образования как таковом также невозможно. Целесообразно рассматривать разные аспекты качества и провести при этом чёткую грань между требованиями к качеству образования, устанавливаемыми студентами, рынком труда, общественностью и обществом в целом.

В рамках оценки качества следует провести также четкие границы между такими понятиями, как уровень, стандарты и качество образования. В настоящее время в вузах осуществляется многоуровневая подготовка: бакалавр, специалист, магистр. Вполне очевидно, что уровень образовательной программы, ориентированной на степень магистра, существенно выше, чем на степень бакалавра. Но это совершенно не означает, что качество этой программы выше качества образовательной программы бакалавра. Каждый уровень образования должен обеспечивать качественную подго-

товку своих выпускников. Качество любой образовательной программы обуславливается при этом содержанием и уровнем учебных дисциплин – качеством проводимых лекций и способом представления учебного материала.

Для каждой образовательной программы установлены критерии – Государственные образовательные стандарты (ГОС). Стандарты высшего профессионального образования (ВПО) определяют минимум содержания основных образовательных программ, максимальный объём учебной нагрузки и требования к уровню подготовки выпускников вузов. Эти стандарты выступают основой объективной оценки уровня образования. Но они служат только базисом, т.к. соблюдением вузом ГОС и гарантия высокого качества образования не являются синонимами. Поскольку только посещение соответствующего количества аудиторных учебных занятий по дисциплинам (лекции, практические и лабораторные занятия) и сдача экзаменов ещё не гарантируют востребованность и конкурентоспособность выпускника на рынке труда.

Высшая школа всегда уделяла должное внимание оценке качества образования. В результате многолетней деятельности вузов в каждом из них сложились определённая система обеспечения качества и перечень показателей для его измерения. Ежегодный анализ деятельности вуза основывается на оценке его работы по различным направлениям деятельности: учебной, научной, методической, финансовой и пр. При этом собираются исходные сведения (количественные показатели), которые затем сравниваются с плановыми нормами, лицензионными и аккредитационными показателями. Сейчас критериями государственной аккредитации вуза является группа количественных показателей его деятельности. Но каждый из этих показателей (процент преподавателей с учёными степенями и званиями, количество изданных монографий, число защит диссертаций, объём выполненных научно-исследовательских работ и др.) только в определённой мере влияет на качество образования в вузе.

Непосредственно в вузах эффективность образовательного процесса контролируется на различных этапах обучения студентов. Существующие характеристики качества этого процесса приведены на рис. 1.

Внутри вузов качество образования традиционно оценивается главным образом по результатам промежуточной и итоговой аттестаций студентов. Но можно ли составить полное впечатление о качестве образования на факультете или в институте, опираясь исключительно на процент средней успеваемости студентов. Естественно, что показатель успеваемости, к примеру, 97 % выглядит успешнее и привлекательнее показателя 82 %. Возможно, что факультет (институт) с более высокими показателями успеваемости действительно проводит систематическую и целенаправленную работу по повышению успеваемости, а может быть, наоборот, просто снизил уровень своих требований. А факультет (институт) с более низкими показателями повысил требования к качеству знаний и проводит жёсткий отбор. Поэтому к таким количественным показателям следует относиться сдержанно, т.к. они не могут полностью характеризовать качество образования. Это, по сути, статистические данные, служащие только исходной информацией для менеджмента качества.

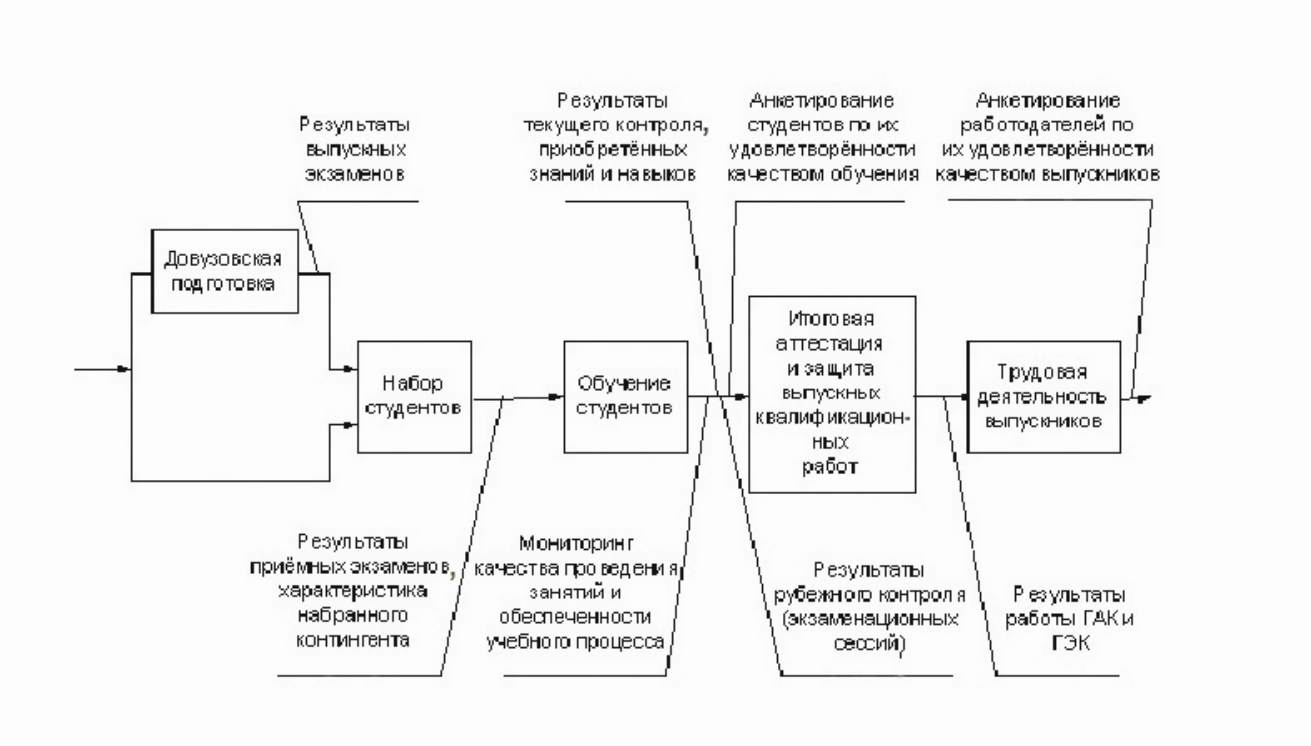


Рис. 1. Измеряемые характеристики качества образовательного процесса в вузе

Видимо, ошибочно полагать, что качество образования можно полностью оценить только по конечным результатам работы ГАК и ГЭК, используя данные ежегодных отчётов по их работе. Эти завершающие результаты обучения студентов, несомненно, важны, но это лишь вершина айсберга качества образовательной деятельности вуза.

Другими показателями качества образования являются статистические данные профессиональной успешности выпускников вуза: их трудоустройство и перспективы профессионального роста, возможность продолжения образования и пр. Высокая социальная мобильность выпускников также может служить показателем качества образования. Как видно, все указанные количественные показатели не дают полной картины состояния качества образования в вузе и характеризуют только отдельные аспекты его образовательной деятельности. Хотя, несомненно, эти показатели играют и должны играть впредь важную роль в процессе мониторинга (систематических стандартизированных наблюдений) образовательного процесса в вузе. Гораздо эффективнее оценивать и анализировать глубинные процессы, протекающие в структурных подразделениях вуза и влияющие на качество образования.

Известный российский специалист в области менеджмента качества В.А. Качалов отмечает: «Качество в образовании – это не только результаты учёбы, но и система, модель, организация и процедуры, которые гарантируют, что студенты получают комплексное личное и общественное развитие, дающее им возможность удовлетворить свои потребности и позволяющее внести вклад в прогресс и улучшение общества в целом». Систематизировав различные взгляды, он предложил классификацию качества образования [1]:

– качество субъекта получения образовательных услуг (абитуриента, студента, слушателя, аспиранта);

– качество объекта предоставления образовательных услуг (общеобразовательной школы, среднего специального учебного заведения, лицея);

– качество процесса предоставления образовательных услуг в вузе.

Сам процесс предоставления образовательных услуг, являющийся бизнес-процессом ВПО, подразделяется, в свою очередь, на сеть процессов, протекающих в вузе [2]:

– процессы, связанные с потребителями;

– проектирование и разработка образовательных программ;

– довузовская подготовка;

– отбор абитуриентов;

– учебно-организационная деятельность;

– образовательный процесс;

– процесс распределения выпускников.

Для нормального функционирования в вузе этих основных процессов предусматривается также их поддержка обеспечивающими процессами: управление документацией и персоналом, финансовая деятельность, управление информационно-техническими ресурсами, производственной средой и пр. Для эффективного управления бизнес-процессом предусматривается одновременно и функционирование процессов менеджмента: планирование, организация мониторинга, управление со стороны руководства и др. Не существует стандартизованного списка процессов, протекающих в вузах, но их общее число может составлять десятки (по крайней мере, более двадцати). Конечно, не все из внутренних процессов оказывают одинаковое влияние на успешную деятельность вуза. Поэтому следует выделять ключевые процессы, оказывающие решающее воздействие на достижение главной цели жизнедеятельности вуза.

Как видно из сказанного, образовательная деятельность вуза является, по своей сути, полиструктурной системой. И по большому счёту качество образования в вузе должно определяться качеством всей совокупности указанных процессов. В этом случае решение многокритериальной задачи оценки качества образования превратится в весьма сложную проблему. Для однозначной оценки качества эта задача потребует разработки многоуровневых алгоритмов принятия решений по оценке качества по отдельным процессам, что, в свою очередь, выдвинет необходимость активного и напряжённого участия специалистов-разработчиков по всем аспектам образовательной деятельности вуза.

В перспективе, возможно, к такой оценке и придут, но в существующих условиях понятие «качество образования» следует рассматривать в двух направлениях: внешняя оценка результатов образовательной деятельности вуза заинтересованными сторонами и внутренняя оценка, определяемая эффективностью функционирования внутривузовской системы обеспечения качества. В этом случае оценку качества образования в вузе можно представить в виде блок-схемы (рис. 2).

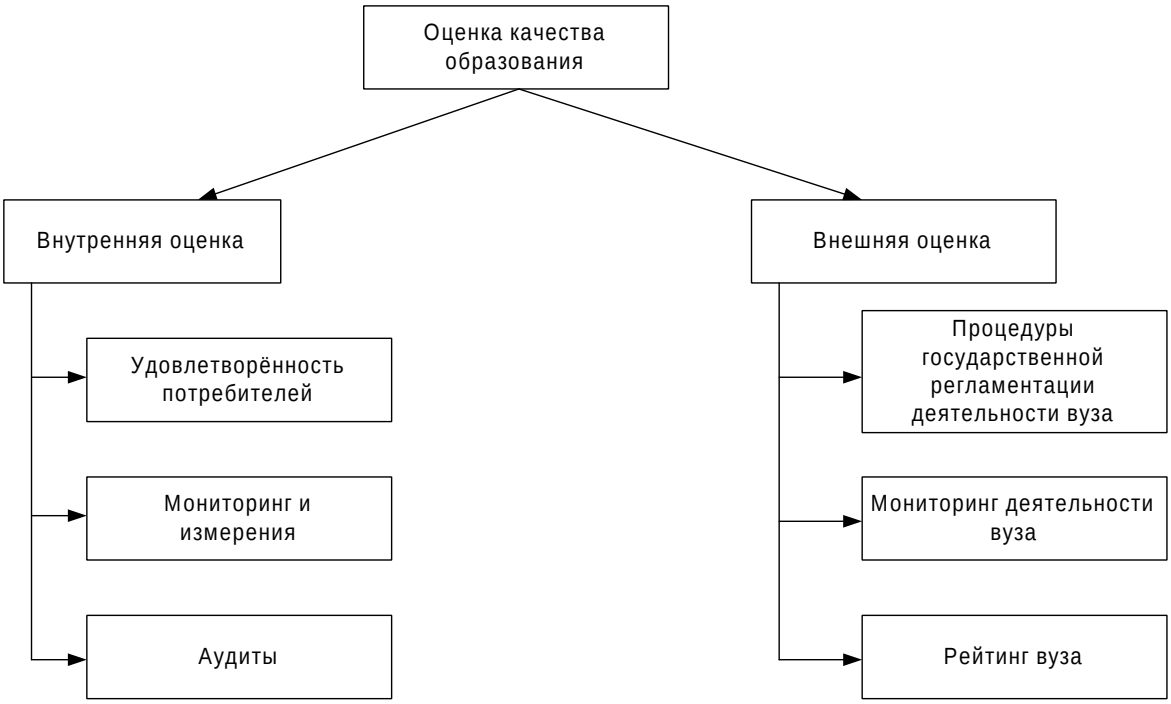


Рис. 2. Оценка качества образования в вузе

В системе ВПО России пока преобладает внешняя оценка качества, ориентированная на принятые стандарты и показатели эффективности. Основными элементами этой системы являются стандартизация образовательных программ (ГОС) процедуры государственной регламентации деятельности вузов (лицензирование и аккредитация), в том числе комплексная оценка деятельности образовательного учреждения. Перед этими процедурами предусматривается проведение самообследования вуза.

Каждая из процедур внешнего контроля направлена на оценку качества образования вуза. В частности, лицензия является государственным признанием возможности вузу давать качественное образование. «Целью и содержанием аттестации является установление соответствия содержания, уровня и качества подготовки выпускников высшего учебного заведения требованиям государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования» [3].

Обязательная комплексная оценка деятельности вуза проводится Минобрнауки РФ с периодичностью один раз в пять лет. Модуль мониторинга деятельности вуза оценивается ежегодно Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), а рейтинг вуза определяется Федеральным агентством по образованию. Для внешней оценки качества знаний в последнее время начинают привлекаться Независимый центр тестирования (г. Москва) и Национальное аккредитационное агентство (г. Йошкар-Ола), проводящие непосредственно перед комплексной оценкой

деятельности вуза выборочное компьютерное тестирование студентов по имеющимся у них сертифицированным банкам тестовых заданий по различным дисциплинам. Результаты такого тестирования учитываются Коллегией Минобрнауки РФ при оценке деятельности вуза. Например, при получении неудовлетворительных результатов тестирования в трёх и более испытуемых группах студентов срок аккредитации вуза может быть снижен до трёх лет.

Но поддержание качества образования и его гарантии не могут быть основаны на контроле и оценке качества только извне. Качество образования должно быть гарантировано механизмом внутреннего самоконтроля, т.е. постоянным вниманием к качеству со стороны вуза. Внешняя оценка качества теряет смысл без эффективно функционирующей системы внутреннего обеспечения качества.

Ещё в приказе Минобразования РФ от 12.11.99 г. № 864 «О комплексной оценке деятельности высшего учебного заведения» утверждён перечень контролируемых показателей деятельности вузов, включающий, в частности, и показатель эффективности внутривузовских систем управления качеством образования в соответствии с требованиями и рекомендациями международных стандартов по менеджменту качества серии ИСО 9000:2000 или других моделей менеджмента качества.

Подписав в 2003 г. Болонскую декларацию, Россия вошла в единую европейскую систему высшего образования. Главным критерием успешного вхождения российских вузов в европейское образовательное пространство является унификация процессов обеспечения и гарантии качества образовательных услуг. Государство готово при этом предоставить больше автономии вузам при условии гарантирования ими качества образования на современном уровне. В высшей школе Российской Федерации начинает складываться система оценки качества образовательной деятельности вузов не как система тотального контроля со стороны Минобрнауки РФ, а как осознанная необходимость внутренней самооценки для успешной работы их в новых рыночных условиях.

В настоящее время Министерством образования и науки РФ разработана типовая модель системы качества образовательного учреждения (СК ОУ). Эта модель базируется на международных стандартах серии ИСО-9000, а также стандартах и директивах Европейской Ассоциации организаций гарантии качества в сфере высшего образования (ENQA). В течение 2006-2007 гг. проведена её апробация в нескольких вузах страны. В 2006 г. это были 15 университетов страны. Ближайшими территориально к нам вузами, участвовавшими в апробации модели, были СибГТУ (г. Красноярск) и ИрГТУ (г. Иркутск). В 2007 г. в апробации СК ОУ участвовало уже несколько десятков вузов страны. К началу 2008 г. планируется официальная публикация блока нормативных документов по требованиям к созданию систем качества в вузах, мероприятиям по улучшению их деятельности и экспертизе. Обязательными элементами этих систем являются организационная структура, документирование, процессы и ресурсы. Именно внутривузовские системы качества должны стать механизмом гарантии качества подготовки специалистов. При Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки создаётся экспертная комиссия по аттестации систем качества вузов.

В ЧитГУ продолжаются работы по формированию внутренней системы менеджмента качества (СМК) – системы менеджмента для руководства и управления университетом применительно к качеству. В частности, к настоящему моменту уже разработаны Руководство по качеству, Положение о ключевых должностях в системе менеджмента качества университета, шесть обязательных документированных процедур

СМК (стандартов предприятия), Политика в области качества. Ведутся работы по созданию организационно-правовых документов, требований к оформлению и содержанию документации СМК. Подготовлены методические инструкции по разработке стандартов предприятия (СТП), Положений о структурных подразделениях (СТП), должностных инструкций и пр.

Система обеспечения качества образования должна стать составной частью общей системы менеджмента качества. Насколько эффективно будет действовать СМК вуза, настолько высоки должны быть характеристики системы обеспечения качества образования: уровень подготовки преподавательских кадров, информационно-методическое обеспечение, развитие производственной среды, инфраструктуры, использование новых образовательных технологий и др.

Поскольку понятие «качество образования» ориентировано на требования заказчика, то для определения удовлетворённости потребителей (внешних и внутренних) вуз должен поддерживать непрерывную обратную связь с потребителями образовательных услуг. Необходимо выделить несколько групп основных потребителей, с которыми вузу следует постоянно работать. Как правило, это внутренние потребители – студенты, выпускники вуза и предприятия (организации) – работодатели. Следует разработать различные анкеты и методики проведения опросов среди них, способы обработки и представления полученных результатов по удовлетворённости потребителей качеством образования в вузе.

К основным объектам аудита (внутренних проверок) СМК вуза должны относиться как качество самой образовательной услуги, так и состояние и эффективность процессов функционирования внутривузовской системы менеджмента качества. При аудите качества образовательной услуги должно определяться соответствие фактических показателей требуемому уровню, предъявляемому к качеству образовательной услуги. При этом система мониторинга должна непрерывно отслеживать уровень её качества на всех этапах обучения студентов: зачисление, обучение и выпуск специалистов. При аудите состояния и эффективности процессов СМК должна оцениваться их способность обеспечивать заданные требования. Самообследование, по существу, является основополагающим элементом СМК и важным звеном в процессе подтверждения качества. При этом внутренние проверки структурных подразделений, входящих в область применения СМК, должны проводиться относительно часто, систематически и независимо от внешней оценки. Контроль качества образования – не самодостаточная процедура, она должна быть интегрирована в единое целое с общей политикой управления вузом. Эффективно действующая СМК должна создать такое положение вуза, при котором любая внешняя проверка (аттестация, аккредитация и др.) будет уже восприниматься не как стихийное бедствие, а как очередной удобный предлог доказать высокий уровень своих образовательных услуг.

В общем аспекте развития СМК вузу ещё предстоит активизировать работы по развитию системы компьютерного тестирования студентов, внедрению новых образовательных технологий, созданию системы маркетинговых исследований рынка образовательных услуг, формированию системы социологических опросов и анкетирования студентов, преподавателей и работодателей. Современные условия требуют настоятельного и безотлагательного создания в организационной структуре вуза новых подразделений, обеспечивающих выполнение этих работ: информационно-аналитического отдела (центра), отдела обеспечения качества, социологической службы (лаборатории), отдела маркетинга и др.

В утверждённой целевой программе «Развитие Читинского государственного университета по направлению «Качество»

на 2006-2008 гг.» указанным направлениям качества образования уделено должное внимание с прогнозным планированием их финансового обеспечения. Финансовые условия функционирования системы обеспечения качества весьма важны, т.к. зачастую при обсуждении вопроса качества забывают, что у любого качества есть своя цена. Качественные товары или услуги (образовательные услуги здесь не исключение) не могут быть дешевы. В общем затраты на качество образования предусматривают выделение ресурсов, идущих на планирование, обеспечение, улучшение и управление качеством.

Следует заметить, что успешное развитие современного менеджмента качества в вузе возможно только при активном использовании административного ресурса, т.к. СМК должна строиться с верхних слоёв управления вузом. Существенным стимулом развития системы качества образования в вузе может оказаться воля к действию руководителей всех уровней вуза и их желание самосовершенствоваться. Поскольку СМК должна стать корпоративной системой, то по мере её развития следует постепенно вовлекать в сферу деятельности по улучшению качества образования и весь персонал вуза.

Политика в области качества образования должна в действительности стать ядром образовательной политики вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Качалов В.А. Проблемы управления качеством в вузах / В.А. Качалов // Стандарты и качество. – 2000. – № 12. – С. 82-87.
2. Левшина В.В. Формирование системы менеджмента качества вуза: монография / В.В. Левшина, Э.С. Бука. – Красноярск: СибГТУ, 2004. – 328 с.
3. Закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.96 г. № 125 – ФЗ.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.3

Е.С. Бочарников, аспирант, КемГУ

МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Научные интересы: политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

В статье рассмотрены вопросы демократизации под воздействием международных факторов. Сопоставляются различные трактовки и суждения исследователей относительно факторов, способствующих или препятствующих демократическому процессу, даются определения понятий. Работа, главным образом, ориентирована на то, чтобы продемонстрировать зависимость процесса демократизации от международной среды. В ходе исследования предпринимается попытка выявить определенные закономерности в процессе демократического перехода и построить модель демократизации с учетом специфики внешних факторов ■

E. Bocharnikov, graduate, KemSU (Kemerovo State University)

INTERNATIONAL CONDITIONS AS A FACTOR OF DEMOCRATISATION

The issues of democratisation under the influence of the international factors are considered in this article. Different scientists' interpretations and opinions concerning factors, which further or put obstacles in the way of democratisation process are compared here. The author also gives definitions of essential concepts. The essay is mainly directed to illustrate the dependence of democratisation process on the international conditions. In the course of analysis there is an attempt to reveal definite regularities in democratic transition and to build up a model of democratisation taking into consideration the peculiarities of external factors ■

* * *

На форму, интенсивность, характер переходных демократических процессов оказывают влияние не только национальные, исторические, экономические, социальные и культурные условия, но и фактор международный. Глобализация процесса демократизации выражается и в том, что ни одна страна, даже если в ней и продолжает сохраняться иной тип политического режима, нежели демократический, не может не испытывать влияния общего демократического движения. Происходит экстериоризация внутренних структур и политик [1; p. 20]. Третья волна демократизации захватывает и сферу международных отношений, наполняя их демократическим содержанием.

Сегодня объективные тенденции таковы, что процессы демократизации в мире становятся все более восприимчивы именно к внешним факторам [2; p. 93].

Под внешними факторами демократизации следует, прежде всего, понимать влияние на политическую систему какой-либо страны акторов, которые не являются гражданами этой страны, либо процессов, которые возникают вне её территории. Слово «внешний» означает наружный, находящийся вне, за пределами чего-либо. Понятие «внешнее» выражает свойства объекта как целого и характер его взаимодействия с окружающей средой [3; С. 230]. Под объектом в данном случае следует понимать государство, подлежащее демократизации. «Влияние» означает действие, оказываемое кем-либо на кого-либо. Оно может варьироваться от явного до скрытого; от мирного до силового; от прямого до косвенного. Соответственно, в контексте демократизации это понятие может подразумевать давление, рекомендации, приказы, принуждение, подкуп, шантаж и т.д. Влияние, как правило, оказывается на политическое развитие какого-либо государства или его части. Агентами влияния выступают государства, международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации (ТНК) и, в некоторых случаях, частные лица.

Среди величин, способствующих демократии и демократизации извне, можно выделить три группы факторов: политические, экономические и военные.

К группе политических факторов могут быть отнесены следующие действия:

– во-первых, многостороннее давление со стороны продемократических иностранных держав в защиту прав человека и демократии. Сюда можно отнести дипломатические контакты, обязывающие договоры и соглашения, международные резолюции, заявления официальных лиц в поддержку демократии в целом и в отдельных странах, выступления за демократию в СМИ, составляемые ежегодные рейтинги соблюдения прав человека. Целью политического давления может быть предотвращение военного переворота или принуждение к диалогу с оппозицией. Значительную роль в демократизации играет присутствие иностранных наблюдателей на выборах, референдуме или при ином важном для демократизации событии;

– во-вторых, конец холодной войны и конфронтации, а вследствие этого – отказ ряда иностранных акторов свергать демократические режимы или мешать демократизироваться тем странам, которые к этому стремятся;

– в-третьих, помощь извне как в форме информации, так и в форме моральной или политической поддержки. Сюда входит оказание содействия депутатам парламента демократизирующейся страны, консультации, сотрудничество с представителями гражданских общественных организаций на государственном уровне, а также методическая помощь представителям политических партий;

– в-четвертых, эффект «снежного кома», или демонстрационный эффект [4; С. 57].

Успешная демократизация в одной стране подталкивает к демократизации другие страны либо потому, что перед ними стоят схожие проблемы, либо потому, что демократизировавшаяся страна сильна и может считаться политическим образцом. Перспектива стать членом каких-либо международных организаций также служит другим странам стимулом демократизироваться;

– в-пятых, деколонизация, в ходе которой происходит насаждение демократических норм, конституций и прочих институтов бывших демократических метрополий [5; С. 214].

К группе экономических факторов относятся:

– во-первых, всесторонняя материальная помощь демократическим силам;

– во-вторых, экономическое давление

и санкции. Во вторую категорию входит приостановка экономической помощи некоторым странам, запреты на торговлю и инвестиции, голосование против предоставления займов международными финансовыми организациями.

К военным факторам относятся:

– военные акции, в том числе посылка к берегам военных кораблей или полеты военных самолетов в знак поддержки демократизации;

– военная интервенция, уничтожающая диктатуру с последующей оккупацией страны продемократической иностранной державой, и насаждением необходимых для полиархии институтов [6; С. 403];

– военно-техническая помощь демократически избранным правительствам;

– финансовая и техническая поддержка повстанческих движений против недемократических правительств. Кроме того, косвенным образом, поражение в войне может подорвать позиции военного правительства и привести к избранию гражданского.

Обобщенная модель перехода под воздействием внешних факторов такова. Демократическое государство или организация начинают оказывать на авторитарный режим давление. Сначала проводятся конференции, форумы, различные акции протеста против режима. Деятели оппозиции, общественные деятели и официальные лица выступают в прессе и по телевидению с призывами к репрессивному режиму – пойти на компромисс и сесть за стол переговоров. Переговоры возможны либо с оппозицией, либо с представителями авторитетной международной организации. Начинает оказываться финансовая поддержка политической оппозиции или вооруженным группам внутри страны-изгоя. Дипломаты авторитарного государства подвергаются бойкоту либо высылке из большинства стран демократического сообщества. Замораживаются счета и арестовывается имущество режима за рубежом. Все государства прекращают политические, торговые и культурные контакты, за исключением гуманитарных, осуществляя тем самым изоляцию режима.

Далее возможны два варианта (сценария) развития событий. И оба будут зависеть от позиции авторитарного режима. Вариант А предусматривает согласие режима пойти на компромисс. В этом случае в стране под строгим контролем международных наблюдателей начинаются переговоры правительства и оппозиции. Итогом переговоров должен стать поэтапный демонтаж режима, при этом руководители режима постараются выторговать себе выходные гарантии. Однако в случае, если ситуация раньше времени выйдет из-под их контроля, им становится уже невозможно избежать международного суда. Новым переговорным этапом станет порядок инсталляции демократических институтов, причем значительная роль при определении контуров будущей политической системы будет принадлежать иностранным советникам.

Вариант Б предполагает усиление противодействия авторитарного режима. Данное противодействие может быть обусловлено тем, что преступления функционеров режима слишком значительны, и расплата со стороны оппозиции неминуемо наступит. Кроме того, представители режима могут побояться лишиться огромной собственности и привилегированного положения, достигнутого в период нахождения у власти. Так или иначе изоляция страны усугубляется. Это отрицательно влияет на социально-экономическую обстановку и вынуждает власти активизировать полицейские операции против оппозиционных групп и населения. Угроза масштабных человеческих жертв создает основания для вмешательства международного сообщества. Группа демократических государств с санкциями международных организаций концентрирует войска на территории прилежащих государств и начинает военное вторжение. Военный успех в таких случаях достигается сравни-

тельно легко, в связи с качественным превосходством армий демократических держав. Сложнее бывает достигнуть успеха политического, поскольку активисты свергнутого режима и часть населения, недовольного присутствием оккупантов, начинают дестабилизирующие партизанские действия. Тем не менее, после наведения порядка, при международном посредничестве в стране происходит созыв учредительного собрания, представляющего широкие слои населения и оппозиции в изгнании.

Для будущей стабильности иногда бывает полезно привлечь к процессу государственного строительства наиболее либеральные элементы из свергнутого режима, чтобы они своим авторитетом ослабили влияние авторитарного сопротивления. Учредительное собрание сформирует переходные демократические институты, будет принята конституция, что создаст предпосылки организации общенародных выборов. При поддержке оккупационных сил будут сформированы новая армия и полиция, на которых ляжет ответственность по поддержанию стабильности демократического режима. Новому правительству должна оказываться широкая экономическая и политическая поддержка со стороны мирового сообщества. Страна должна быть незамедлительно принята во все международные организации, из которых её исключили. Кроме того, она должна также получить гарантии о принятии в иные международные организации, до которых страна не допускалась по причине существования репрессивного режима. Таким образом, демократическое государство должно превратиться в полноценного субъекта международного права. Важным элементом помощи новому демократическому государству будет списание прежнего внешнего долга, а также предоставление различных льготных займов и безвозмездной финансовой помощи. Кроме того, зарубежные компании начнут масштабные инвестиции в экономику освобожденной страны. Все эти меры будут способствовать укреплению новосозданного демократического государства.

Однако при нерешительности мирового сообщества или противодействии какой-либо мощной державы возможно также «зависание» авторитарного государства в состоянии всесторонней изоляции. В этом случае дальнейшая судьба режима будет находиться в состоянии неопределенности. Такая участь постигла Ливию, Иран и КНДР. Разумеется, в реальных демократических переходах под воздействием внешних факторов присутствуют далеко не все из перечисленных элементов.

Не вызывает сомнений тот факт, что демократизация несет для государств больше пользы, нежели ущерба. Ведь демократия – наиболее оптимальный и справедливый из всех известных типов существования человеческого общества. Кризисы во многих государствах, начавших переход, часто бывают обусловлены действиями прежних авторитарных руководителей. Зачастую внешние факторы вели к успешной демократизации в том случае, когда они играли, скорее, вспомогательную роль. Как показывает практика, во многих сферах резкое вмешательство способно вызывать лишь отторжение. Однако в некоторых случаях может сложиться ситуация, когда альтернативы такому типу вмешательства просто не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Isaac R. European Politics. Political Economy and Policy Making in Western Democracies. – N.Y., 1992.
2. Brzezinski Z. Out of control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. – N.Y., 1993.
3. Советский энциклопедический словарь. – М., 1985.
4. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М., 2003.
5. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных общества / А. Лейпхарт. – М., 1997.
6. Даль Р. Демократия и её критики / Р. Даль. – М., 2003.

УДК 341.1

К.Л. Сазонова, преподаватель каф. «Мировая политика и международное право», ННГУ

РОЛЬ ОПЕРАЦИЙ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЕ МИРОТВОРЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Научные интересы: роль и особенности функционирования ООН в современной системе международных отношений, миротворчество и миросохранение, операции ООН по поддержанию и принуждению к миру, позиция России по отношению к ОПМ ООН

В статье рассмотрены особенности проведения операций по поддержанию мира ООН, дана их классификация и основные характеристики. Автор анализирует сложности, возникающие в связи с исполнением мандата Совета Безопасности, наличие которого является обязательным для осуществления операций. Особое внимание уделяется типологии операций по поддержанию мира и их функциональным особенностям ■

K. Sazonova, Nizhniy Novgorod State University of Lobachevsky

THE ROLE OF PEACEKEEPING OPERATIONS IN MODERN PEACEMAKING STRUCTURE OF THE UNITED NATIONS ORGANIZATION

In this article the distinctive features of peacekeeping operations of the United Nations, their classification and their basic characteristics are examined. The author analyzes the difficulties connected with execution of the mandate of the UNSecurity Council, which is obligatory for realization of operations. The special attention is given to typology of peacekeeping operations and their functional features ■

* * *

На протяжении 1990-х гг. мы были свидетелями крупных изменений в характере глобальных конфликтов и реакции международного сообщества на них. Сегодня более 90 % вооруженных конфликтов происходят в государствах, а не между ними. При относительно небольшом количестве войн между государствами традиционные основания для вмешательства становятся все менее уместными, в то время как все чаще гуманитарные принципы и права человека служат оправданием для использования силы во внутренних войнах, причем не всегда с согласия Совета Безопасности. В 1990-е гг. гораздо чаще, чем когда-либо ранее, применялись санкции, однако результаты их применения в лучшем случае неоднозначны.

Одним из более обнадеживающих явлений прошедшего десятилетия стал рост числа конфликтов, урегулированных путем переговоров. В 90-е гг. было подписано в три раза больше мирных соглашений, чем за предшествовавшие три десятилетия, что

отражает снижение более чем на 30 % общего числа и ослабление интенсивности вооруженных конфликтов во всем мире в период с 1992 по 1997 гг. Однако, учитывая резкое увеличение числа войн в 1998 г., представляется сомнительным, что эта позитивная тенденция предыдущих лет сохранится.

Прошедшее десятилетие было также периодом напряженности и трудностей для Организации Объединенных Наций в ее усилиях по выполнению своего мандата на обеспечение коллективной безопасности. Ранее Совет Безопасности не смог вмешаться в кризисную ситуацию в Косово из-за глубоких разногласий между членами Совета по поводу того, является ли такое вмешательство законным. Разногласия в Совете стали отражением отсутствия консенсуса в более широких международных кругах. Сторонники традиционного толкования международного права подчеркивали незыблемость государственного суверенитета; другие настаивали на нравственном императиве, предписывающем принимать решительные меры в случае грубого нарушения прав человека. Уже сейчас ясно то, что принудительные действия без санкции Совета Безопасности угрожают самой сути системы международной безопасности, основанной на Уставе Организации Объединенных Наций. Только Устав является общепризнанной правовой основой для применения силы.

Решение о проведении операций ООН по поддержанию мира принимает Совет Безопасности. Он же утверждает мандат для проведения операции, в котором формулируются задачи операции, сроки ее проведения и ряд других указанных положений, касающихся данной операции. В заявлении председателя Совета Безопасности от 3 мая 1994 г. вновь указывается, какие принципы должны учитываться при проведении операции и формулировании их мандата, в частности, существует ли соглашение сторон вооруженного конфликта о прекращении огня и их готовность к выполнению мандата операций [1]. Таким образом, операции ООН по поддержанию мира и использование вооруженных сил обычно начинаются после прекращения военных действий сторонами конфликта (а не до его начала) и с согласия сторон. Правда, можно привести примеры другого рода, когда войска ООН направлялись для предотвращения вооруженных конфликтов. Так, в конце 1992 г. силы ООН были размещены на территории Македонии до начала вооруженного столкновения, что предотвратило возникновение вооруженного конфликта на всей территории страны. Как акцию, способствовавшую предотвращению конфликта, можно рассматривать и контроль со стороны ООН за передачей Ливией Чаду спорного участка территории весной 1994 г.

В последнее время в мандатах на проведение операции ООН для поддержания мира стали формулироваться задачи, предусматривающие применение войсками ООН силы не только для самообороны, но и в других случаях: при охране гуманитарных операций в условиях ведущихся военных действий, защите гражданского населения и ... «оказании давления на конфликтующие стороны в целях достижения национального примирения более быстрыми темпами, чем те, с которыми они готовы были согласиться» [2]. Правда, Спецкомитет ООН, рассматривая эту практику, отмечал необходимость согласия сторон конфликта на проведение войсками ООН всех операций [3]. В этой связи необходимо отметить особый характер мандата Совета Безопасности относительно операций в Боснии и Герцеговине, которые проводились на основании главы VII Устава ООН. Мандат предусматривает применение к сторонам конфликта принудительных действий, с которыми, как отмечалось в мандате, они согласились [4].

При анализе мандатов Совета Безопасности на проведение операций обычно подчеркивается, что мандат должен периодически пересматриваться в зависимости от

изменения обстановки. Кроме того, Совету необходимо регулярно представлять информацию, причем подробную, о ходе операции. Как отмечает Генеральный Секретарь ООН, в последние годы в Совете Безопасности все больше просматривалась тенденция к непосредственному управлению операциями по поддержанию мира [5].

К настоящему времени сложились и продолжают развиваться ОПМ двух типов:

1) миссии военных наблюдателей из невооруженных офицеров («голубые береты»). Такая миссия впервые была создана в 1948 г. – Орган по наблюдению за выполнением условий перемирия в Палестине;

2) силы по поддержанию мира в составе национальных военных контингентов, вооруженные легким стрелковым оружием — «голубые каски». Такая операция впервые была проведена в 1956 г. чрезвычайными вооруженными силами ООН на Ближнем Востоке.

При анализе ОПМ особое внимание следует уделить функциям. Традиционно (до 1988 г.) к ним относились:

– наблюдение за выполнением условий перемирия (орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия — с июня 1948 г. по настоящее время);

– наблюдение и сбор фактов (группа военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане, январь 1949 г. – по настоящее время);

– разъединение враждующих сторон (Вооруженные Силы ООН по поддержанию мира на Кипре, март 1964 г. — по настоящее время);

– наблюдение за соблюдением соглашения о прекращении огня.

В период после «окончания холодной войны» возможности ОПМ расширились. На них оказались возложенными обязанности по контролю за:

– соблюдением мирных соглашений;

– разъединением и выводом войск противоборствующих сторон;

– репатриацией беженцев и оказанием гуманитарной помощи;

– проведением выборов;

– координацией деятельности в поддержку экономического восстановления.

В результате ОПМ стали более сложными, многофункциональными. Главными задачами ОПМ остались:

– сдерживание военных действий и, тем самым, создание условий для миротворческой деятельности, обозначенной в гл. VI Устава;

– наблюдение за выполнением временного или окончательного соглашения [6].

Несмотря на очевидную качественную эволюцию ОПМ, их базовые принципы не были модифицированы.

Как правило, миротворцы Организации Объединенных Наций – это военнослужащие, предоставленные для осуществления миссий ООН на добровольной основе правительствами своих стран для того, чтобы, используя военную дисциплину и выучку, решать задачи восстановления и поддержания мира.

В своей резолюции 1325 от 31 октября 2000 г. Совет Безопасности выразил готовность учитывать гендерный аспект в контексте проведения операций по поддержанию мира и настоятельно призвал предусматривать в структуре миссий в пользу мира данный компонент. Подразделения по гендерным вопросам были созданы в крупных многоаспектных миссиях в пользу мира, а в небольших миссиях были назначены координаторы [6]. Кроме того, в ряде миссий были приняты меры по содействию в достижении равновесия между количеством мужчин и женщин в составе местных полицейских сил и по организации работы с недавно реорганизованными полицейскими силами по проблемам бытового насилия и торговли людьми.

К миротворцам по праву можно отнести и сотрудников гражданской полиции ООН, наблюдателей за проведением выборов, наблюдателей за соблюдением прав

человека и других гражданских специалистов, работающих в миссиях под флагом Организации Объединенных Наций. В перечень задач, которые выполняют миротворцы, входят конвоирование и охрана грузов гуманитарной помощи, оказание бывшим противникам помощи в осуществлении сложных по своему характеру мирных соглашений, оказание помощи в разоружении, содействие в подготовке национальной гражданской полиции (этот процесс активно идет в настоящее время в Косово, Боснии и Герцеговине) [7]. В 1988 г. миротворцы Организации Объединенных Наций были удостоены Нобелевской премии мира.

Военный и гражданский полицейский персонал операций по поддержанию мира остается в составе своих национальных формирований, однако служит под оперативным управлением Организации Объединенных Наций (специальные представители Генерального секретаря ООН в каждой конкретной миссии) и обязан вести себя с учетом сугубо международного характера своих задач.

Участники миротворческих миссий носят национальную форменную одежду своих стран, а на их принадлежность к миротворцам Организации Объединенных Наций указывает специальная символика ООН (голубые береты, каски, шарфы, нашивки и шевроны ООН и другие отличительные знаки). Гражданский персонал прикомандировывается к разворачивающейся или уже действующей миссии из Секретариата Организации Объединенных Наций, учреждений Организации Объединенных Наций или правительств стран-участниц либо работает на контрактной основе, не входя в состав постоянного штатного персонала ООН (обычно ООН заключает с контрактником соглашение на срок от полугода до года с возможной последующей его пролонгацией) [6; С. 89].

Самым мощным «оружием» миротворцев – полицейских компонентов, которые в большинстве случаев выполняют свою миссию, не имея никакого вооружения (например, в Восточной Славонии, Македонии, Боснии и Герцеговине), и лишь легко вооружены (например, в Косово, на Гаити, в Восточном Тиморе) для целей самообороны, является их беспристрастность. Опираясь на силу убеждения и минимальное использование принудительной силы, они разряжают напряженность и, как правило, предупреждают возможные боевые действия. Занятие это опасное. Военнослужащие миротворческих миссий не присягают на верность ООН. Правительства, которые добровольно предоставляют ООН свой национальный контингент, подробно оговаривают с ООН условия его участия в разрешении военных конфликтов, включая вопросы командования и управления. За правительством той или иной страны остается последнее слово в отношении своих вооруженных сил, которые предполагается направить в миссию ООН либо которые уже служат под флагом ООН, включая дисциплинарные и кадровые вопросы. Они могут отозвать свои войска. Обычно такое происходит в случаях, когда национальный военный контингент терпит значительные потери в живой силе в ходе осуществления миротворческих операций (так, например, получилось с военным компонентом Дании, две роты которого в сентябре 1995 г. попали под сильный артиллеристский и минометный обстрел на границе Хорватии и Боснии, и Герцеговины в местечке Костаница и потеряли около 15 чел. убитыми и ранеными, после чего правительство Дании отозвало свои войсковые подразделения с территории бывшей Югославии).

В новое время изменение характера операций по поддержанию мира заключается в том, что ООН все чаще осуществляет миссии с другими региональными и межправительственными организациями, объединяя ряд мероприятий, традиционно не связанных с миротворчеством.

Так, в Таджикистане и Грузии ООН продолжает тесно сотрудничать с Содруже-

ством Независимых Государств и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 1997 г. осуществлялся ряд инициатив с целью укрепления миротворческих возможностей африканских государств. Региональные союзы могут иметь будущее в миротворческом процессе, однако перед ними стоят структурные и финансовые проблемы или ограничения в деле планирования, еще более острые, чем трудности, с которыми сталкивается ООН.

В соответствующих случаях ООН предлагает позитивные стимулы для сторон в конфликте, предоставляя реальные блага в обмен на сотрудничество с миротворческими силами ООН. Эти стимулы могут включать гражданскую деятельность (совершенствование инфраструктуры, медицинская помощь, ссуды на развитие предпринимательской деятельности и подготовки кадров). В Восточной Славонии помощь доноров явилась важным элементом обеспечения сотрудничества сторон. Еще одним аспектом проведения в последнее время операций по поддержанию мира является необходимость достаточного военного потенциала, когда существует вероятность угроз силам ООН и ее мандату. Многие считают, что имеющийся потенциал сдерживания является важным фактором успеха операции.

В течение последних лет усилия Секретариата ООН и государств-членов сосредоточены на повышении эффективности механизма поддержания мира.

Сейчас ООН активизирует усилия по более быстрому развертыванию сил в случае кризиса. Центральными вопросами становятся усиление ее способности обеспечить более высокий уровень управления, сокращение времени реагирования, повышение эффективности своего присутствия на местах. Поэтому в контексте соглашений о резервных силах высокой оценки заслуживает предпринятая в 1997 г. рядом государств-членов инициатива по созданию бригады высокой готовности резервных сил (БВГ), представляющей собой структуру быстрого реагирования, которая может быть развернута в течение нескольких недель. БВГ, которая объединит усилия стран в целях интегрирования учебного процесса и предварительной подготовки, введена в действие в 1999 г. [8].

Как говорил Даг Хаммаршельд, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в 1953-1961 гг., ООН изобрели не для того, чтобы доставить человечество в рай, а для того, чтобы спасти его от ада. Тем, кто создал ООН шестьдесят лет назад, это во многом удалось, поэтому основная задача организации состоит в том, чтобы сохранить и приумножить эти достижения. Сегодня, как и много лет назад, когда ООН только создавалась, ее будущее и успех напрямую зависят от согласованности действий «великих держав», поддержанных остальными членами международного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документ Совета Безопасности ООН от 3 мая 1994 г. S/PRST/1994/22.
2. Доклад Генсекретаря ООН от 3 января 1995 г. Генеральной ассамблее и Совету Безопасности ООН. Документ A/50/60; S/1995/1).
3. Доклад Спецкомитета ООН – документ ООН A/50/23Q от 22 июня 1995 г.
4. Резолюция Совета Безопасности 1031 (1995) от 15 декабря 1995 г. http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1995/res1031.htm
5. Миротворческие операции в СНГ. А.И. Никитин, О.Н. Хлестов, Ю.Е. Федоров, А.В. Демуренко / Московский общественный научный фонд. Центр политических и международных исследований. – М., 2003. – С. 45.
6. Хохлышева О.О. К вопросу об оптимальном соотношении силы и права при осуществлении операций по поддержанию мира в рамках ООН / О.О. Хохлышева // Вторые Горчаковские чтения «Мир и Россия на пороге XXI века». – 23-24 мая 2000 г. – С. 83.

7. Benton B. Soldiers for Peace/B.Benton // The Blue Helmets.Facts on File Inc. – 1996. – p. 50.
8. Гендерный аспект ОПМ. Данные с официального сайта ООН http://www.un.org/russian/peace/pko/questions/q17.html
9. Киселев А.К. К теории и практике миротворческих операций ООН / А.К. Киселев. – Режим доступа: http://ptc.h10.ru

УДК 341.2

М.С. Северова, аспирантка, ННГУ

РОЛЬ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ В СИСТЕМЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ЕС

Научные интересы: процесс принятия решений в ЕС и России, его участники и эффективность

В статье рассмотрены роль и значимость мозговых центров в системе принятия решений. Они играют потенциально важную роль в подготовке формулирования общеевропейской политики, в содействии и развитии демократии, в эффективном осуществлении политики ■

M. Severova, graduate student, NSU

THE ROLE OF THINK TANKS IN DECISION MAKING SYSTEM OF EU (EUROPEAN UNION)

The article considers the role and significance of think tanks in decision making system. They play vitally important role in figuring out the whole European policy, in interaction and development of democracy, in policy effective realization ■

* * *

В современных обществах, стремящихся к плюрализму, мозговые центры представляют собой одно из звеньев в процессе принятия решений в политической системе. С одной стороны, они предлагают альтернативные государственным решения на «рынке политических идей», а с другой, выступают посредником между лицами, принимающими решения (далее – ЛПР), и обществом, между группами интересов и ЛПР. Несмотря на то, что в последние годы границы между мозговыми центрами и группами интересов начинают стираться, информация, признаваемая одним из основных политических ресурсов в настоящее время и предоставляемая мозговыми центрами, характеризуется относительной независимостью, она не ограничена опреде-

ленными интересами, «заказами».

В процессе генерации идей, анализа альтернатив и прогнозирования, мозговые центры одновременно выступают и как выразители общественных интересов, и как агент социальных преобразований, «социальной инженерии общества».

По мнению В. Грановского, развитию мозговых центров способствовал переход от этатизма в области развития и применения интеллекта к частным структурам гражданского общества (корпорациям), а также переход от политики персональной ответственности лидеров к публичной политике, где ответственность берет на себя политически активная часть гражданского общества [1]. Мозговые центры являются узловыми точками именно публичной политики, где она оказывается открытой не только для влияния со стороны непрофессиональных граждан, а именно экспертного знания. Связка «политик-эксперт-консультант» является не просто эффективным, но абсолютно необходимым компонентом успешной публичной политики, а значит, и политики государства вообще.

В литературе, посвященной мозговым центрам, исследователи наибольшее внимание уделяют аналитическим центрам США, что вполне закономерно, т.к. их возникновение и исследование связано именно с этой страной, а также с отдельными европейскими странами [2]. Но мозговые центры, изучающие ЕС, еще недостаточно широко освещены в научных работах, хотя заполнение этой лакуны может быть полезным для развития, осмысления роли отечественных исследовательских центров.

Само определение понятия «мозговые центры» в современной политической науке является предметом дискуссий. Обобщая работы таких ученых, как К. Уайс, Д. Стоун, Дж. МакГан, К. Уивер, Ф. Шеррингтон и др., мы считаем, что эти организации должны обладать следующими признаками:

– специализация на подготовке государственных решений для чиновников, политиков и общества;

– наличие собственных постоянных исследователей;

– главная цель – не обучение, а общественная польза;

– они не должны быть ответственны за действия правительства.

Данное определение исключает из нашего исследования мозговой центр Европейской Комиссии, а именно, отдел изучения перспектив (The Forward Studies Union), хотя он всегда оказывал влияние на политику Комиссии.

Рассматривая мозговые центры как одного из участников процесса принятия решений в ЕС, надо отметить, что они всегда играли значительную роль в европейском строительстве. Процесс интеграции всегда следовал за идеями, в том числе и мозговых центров. Эти идеи зачастую они приводили к уникальным экспериментам, еще не имевшим места в мире, что и подчеркивает важность изучения роли мозговых центров ЕС.

Функции, которые выполняют мозговые центры в процессе принятия решений в ЕС, во многом совпадают с функциями центров, считающихся классическими: Рэнд Корпорэйшн, Бруклингского института и Американского института экспертизы. Например, А.С. Макарычев выделяет собственные функции мозговых центров в отличие от множества других групп (консультативных фирм, общественных движений, лоббистских организаций) [3]: инновационная, коммуникативная, представительская, мобилизационная, легитимация политического курса, индикативная, контролирующая.

Однако у обсуждаемых в данной статье структур есть ряд своих особенностей, которые обусловлены спецификой процесса принятия политических решений в ЕС. Прежде чем их проанализировать, необходимо классифицировать мозговые центры ЕС, рассмотреть их вклад в строительство Со-

обществ и в процесс принятия решений, предметы их исследований, их цели, их влиятельность и затем выявить основные тенденции и перспективы развития.

Наибольшее количество исследователей в настоящее время работает в таких странах, как Германия, Великобритания, Австрия, Испания, Италия, Франция. Около 5 % организаций располагаются и работают в Брюсселе, а остальные расположены в странах-членах ЕС. Среди них можно выделить центры, которые были созданы специально для изучения ЕС в целом (Наша Европа во Франции, Центр Европейских реформ в Великобритании, Центр Европейских политических исследований в Брюсселе) или его отдельной отрасли (Европейский институт исследований референдумов и законодательных инициатив в Нидерландах). Подобные центры составляют около одной четверти от общего числа, а оставшиеся три четверти – организации, для которых ЕС является объектом изучения наравне со многими другими (например, Институт Международных Стратегических Исследований в Лиссабоне).

Основой для классификации мозговых центров могут быть идеологическая направленность организаций, ориентация на определенный вид потребителя, профильная направленность и тематика деятельности и пр. [4].

Для мозговых центров, действующих в рамках ЕС, мы применяем следующую классификацию:

1) академические мозговые центры, то есть т.н. «университеты без студентов», которые имеют высокие стандарты академического исследования. В целом их около семидесяти;

2) академические мозговые центры, которые отличаются от первого типа источником финансирования: чаще всего они связаны контрактом с государственными структурами. Число таких организаций доходит до тридцати;

3) мозговые центры лоббистских групп, связанные с ними определенными верованиями и ценностями. Их насчитывается около сорока;

4) аналитические центры политических партий, которые объединены вокруг проблем и платформ этих политических партий и укомплектовываются действующими или бывшими партийными работниками, политиками. Это самая маленькая группа, насчитывающая не более десяти центров.

Что касается проблем, которыми занимаются мозговые центры ЕС, то их перечень достаточно ограничен. Они могут быть сконцентрированы на одних и тех же вопросах, например, институциональные, экономические, финансовые, валютные проблемы, вопросы Европейской Конституции, расширения ЕС, безопасности и обороны. Другим, не менее важным проблемам, например, конкурентной политике или внешней торговле, не уделяется должного внимания, хотя они имеют огромное значение для ЕС. Это позволяет сделать вывод о том, что деятельность мозговых центров направлена, прежде всего, на узкий круг существующих участников принятия решений в ЕС, а не на широкую аудиторию.

Перечисляя цели, которые указывают мозговые центры ЕС, мы выделим:

1) улучшение процесса принятия решений путем практического применения результатов исследования, распространения передового опыта;

2) улучшение понимания, информированности гражданами политики ЕС, их включенности в политический процесс;

3) поддержка европейской интеграции в целом, помощь в продвижении интеграции в собственной стране;

4) продвижение общественных интересов;

5) помощь ЛПР, создание основы, форума для дискуссий с экспертами, обучения ЛПР;

6) предоставление услуг деловым со-

обществам, некоммерческим организациям, учебным заведениям.

Несмотря на то, что обозреватели и политики признают пользу мозговых центров, их место в процессе принятия решений не ясно. Во многом такая неясность объясняется как отсутствием сложившихся четких и общепризнанных критериев их оценки, так и консенсуса относительно понимания общественной роли данного сектора. Считается, что они имеют ограниченное воздействие на политику и общественное мнение.

По мнению Ф. Шеррингтон, характер принятия решения в Брюсселе облегчает работу мозговых центров на наднациональном уровне [5]. Поскольку властные структуры ЕС распределены (Европейская Комиссия, Совет, Европейский Парламент), существует много «точек входа» для мозговых центров и групп интересов, желающих оказать влияние на ЛПР. Одной из стратегических целей Комиссии является достижение наиболее открытого процесса политических консультаций. Этот подход дал мозговым центрам больший доступ к высшим чиновникам, легитимировал их присутствие в Брюссельской арене.

Мы считаем, что роль мозговых центров в европейском строительстве и в принятии решений в ЕС важны «потенциально», а именно, изучение роли мозговых центров заслуживает более серьезного внимания. Они играют потенциально важную роль в подготовке формулирования общеевропейской политики, в содействии и развитии демократии, в эффективном осуществлении политики.

Мозговые центры связаны с «мягкой властью» в терминологии Дж. Найя [6], и в особенности в формировании политической повестки дня, развивая язык и терминологию общественного дискурса, пересматривая приоритеты политиков.

Мозговые центры ЕС выполняют многие из тех функций, которые перечисляют политологи. Например, К. Уивер выделяет шесть функций:

1) выполнение фундаментальных исследований;

2) разработка рекомендаций;

3) оценка правительственных программ;

4) помощь в обмене идеями;

5) кадровый запас для высших чиновников и политиков;

6) интерпретация политики и текущих событий для электронных и печатных СМИ [7].

Мозговые центры вносят особый вклад в инновацию политики. По мнению Дж. Кингдона, исследователи и консультанты незаменимы в продвижении новых проблем в повестку дня, и что еще более важно, в предложении диапазона альтернатив ЛПР, т.к. они оценивают альтернативы в долгосрочном периоде более эффективно, чем правительство [8].

Кроме того, значимость мозговых центров усиливается в связи с т.н. демократическим дефицитом, который считается одной из главных проблем в политике ЕС. Нехватка подотчетности перед обществом в Европейском Союзе, безусловно, влияет и на деятельность исследовательских центров, которые занимаются европейскими вопросами.

Они являются неотъемлемой частью гражданского общества и имеют все возможности для развития третьего сектора, чей вклад в демократизацию широко признан, несмотря на то, что его трудно измерить. Можно вывести следующую зависимость: чем больше число мозговых центров, тем больше конкуренция между ними и с другими акторами, ответственными за формулирование планов и политических стратегий. И в сравнении с прошедшим расширением ЕС конкуренция только выросла.

Итак, мозговые центры, занимающиеся проблемами ЕС, играют полезную роль в процессе европейской интеграции. Данный сектор обладает значительными ресурсами:

три тысячи исследователей представляют почти одну пятую всех сотрудников, занятых в Европейской Комиссии. Но сектор и относительно фрагментирован, и изолирован, поэтому не все рассматриваемые организации являются эффективными при распространении и продвижении своих исследований.

Существующие игроки сталкиваются с растущей внутренней конкуренцией, поскольку барьеры для доступа к «рынку идей» относительно низки. Государственное финансирование уменьшается, в то время как частное финансирование еще не пришло на его место. Пока еще сектор находится в зависимости от государственного финансирования в своем развитии, а корпорации сталкиваются с определенными проблемами в финансировании независимых политических исследований на уровне ЕС.

Возможные потребители их исследований – журналисты, исследователи, ЛПР – не используют мозговые центры полностью. Во многих странах ЛПР все еще необходимо понять, что здоровый научно-исследовательский сектор может принести значительный вклад в демократизацию и эффективность в процесс принятия политических решений.

Говоря о перспективах, политический спрос на услуги, которые могут предложить мозговые центры, будет увеличиваться и далее во всех развитых индустриальных и постиндустриальных обществах, а количество различных экспертиз продолжит расти. Несмотря на пессимистичные оценки данного сектора, отмечаются растущие признаки интереса к нему. Разнообразие финансирования может в будущем содействовать более качественным исследованиям и инновациям. Если мозговые центры будут открыты большему финансовому контролю, это может привести к большему частному вложению финансов.

В итоге, текущие изменения в окружающей среде мозговых центров могут привести к некоторым потерям в ближайшие годы, но это сделает данный сектор более сильным в перспективе. Сами центры, стремясь быть более конкурентоспособными, должны осуществлять более продуманный поиск финансирования, развивать свою кооперацию, создавая сети, увеличивать специализацию, финансовую прозрачность, в том числе финансовую оценку результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грановский В. Современные фабрики мысли / В. Грановский. – К.: Агентство гуманитарных технологий, 1999. – С. 6.
2. «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт: сборник статей / Под ред. А. Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2002. – С. 176.
3. Макарычев А.С. Ученые и политическая власть / А.С. Макарычев // Политические исследования. – 1997. – № 3. – С. 92.
4. Сунгуров А.Ю. Центры публичной политики: возможные направления анализа деятельности и основные функции // Публичная политика. – 2004. – Сб. статей / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2004. – С. 62.
5. Sherrington Ph. Shaping the Policy Agenda: Think Tank Activity in the European Union / Ph. Sherrington // Global Society. – 2000. – Vol. 14, No. 2. – p. 179.
6. Governance in a Globalizing World/ J. S. Jr. Nye, J. D. Donahue. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press. – 2000. – pp. 229-252.
7. Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов / Э. Рич, Р.К. Уивер // Pro et Contra. – 2003. – Т. 8. – № 2. – С. 74-75.
8. Kingdon J. W. Agendas, Alternatives, and Public Policies, New York: Harper.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801

Н.В. Киреева, аспирантка, ОмГПУ

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «КНИГА» В УЧЕБНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ

Научные интересы: антропологическая лингвистика

В статье в рамках лингвоантропологического направления рассматриваются особенности репрезентации концепта книга в учебно-просветительском дискурсе. В языковом сознании восприятие книги сопряжено с функционированием множества стереотипов, таких как книга – источник знаний, книга – лучший друг, книга – лучший подарок, обусловленных ценностью данного фрагмента действительности. В статье на основе анализа текстов школьных учебников делается вывод о том, что стереотипное представление о книге формируется под влиянием дидактических текстов просветительского дискурса ■

N. Kireeva, Omsk State Teachers', Training University

THE SPECIFITY OF REPRESENTATION CONCEPT «BOOK» IN EDUCATIONAL DISCOURSE

This article analyzes the peculiarities of representation concept book in educational discourse within the framework of linguaanthropological branch of linguistics. In language consciousness perception of the book is connected with the functioning of a number of stereotypes such as book is a source of knowledge, book is a best friend, book is a best gift. On the basis of school textbooks' analysis the author makes a conclusion that a stereotypic notion of the book is formed under the influence of didactic texts ■

* * *

Настоящее исследование осуществлено в рамках лингвоантропологического направления, активно развивающегося в современном отечественном языкознании. Антрополингвистика со свойственной ей интегративностью стремится к «когнитивно-дискурсивному осмыслению того, как в процессе познания действительности обычный предмет мысли превращается в факт лингвокультуры» [1; С. 102], как происходит концептуализация явлений действительности и как ключевые концепты культуры функционируют в различных дискурсах. В современном языкознании центр внимания лингвистов сместился из области описания системы языка к изучению речи, к дискурсивному изучению концептов.

Термин дискурс используется исследователями для обозначения широкого круга явлений. Так, под дискурсом понимается сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, текст (В.Г. Борботько), ком-

муникативно целостное и завершенное речевое произведение (Е.В. Клобуков), сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие (Ван Дейк), вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами (В.В. Красных) и т.д. В некоторых исследованиях термин дискурс синонимичен терминам речь, текст или речевой жанр. Однако, по справедливому замечанию В.В. Красных, «дискурс никак не единица языка. Язык, речь, дискурс – явления если не одного порядка, то во всяком случае не связанные отношениями иерархии. … Едва ли можно рассматривать дискурс как единицу языка или речи» [2; С. 113].

Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [3; С. 164]. В данной работе мы придерживаемся следующего понимания: дискурс – это совокупность текстов с учетом их экстралингвистических параметров, т.е. это текст, погруженный в ситуацию реального общения, или, говоря словами Н.Д. Арутюновой, «речь, погруженная в жизнь».

Дискуссионным остается вопрос о правомерности выделения типов дискурса и их классификации. По мнению В.В. Красных, можно говорить лишь о национальном дискурсе (русском, английском и т.п.), а другие типы дискурса, выделяемые исследователями, являются лишь «модификациями» национального дискурса, адаптированными в соответствии с той сферой, в которой они функционируют [2; С. 114]. Нам близка точка зрения В.И. Карасика, который выделяет типы дискурса, с одной стороны, с точки зрения социолингвистического подхода, с другой – с точки зрения прагмалингвистического подхода:

1) социолингвистические типы дискурса разделяются на личностно-ориентированные и статусно-ориентированные. Личностно-ориентированный дискурс представлен двумя основными разновидностями: бытовой (обиходный) и бытийный. Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом. Применительно к современному социуму выделяется политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды дискурса. Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми;

2) с точки зрения прагмалингвистического подхода выделяются следующие типы дискурса: игровой; юмористический; ритуальный; фатический; информационный [4; С. 231–240].

Данная статья посвящена специфике репрезентации концепта книга в учебно-просветительском дискурсе, который рассматривается в качестве источника формирования стереотипных представлений о книге. Материалом для исследования стали школьные учебники по русскому языку и литературе.

По формальному признаку, книга – это «произведение печати в форме кодекса объемом свыше 3 печатных листов, т.е. не менее 49 страниц, не считая обложки» [5; С. 299]. Книга в таком понимании представляется обычным артефактом, подобным множеству других предметов, созданных чело-

веком. В этой «вещной» ипостаси книга может стоять, лежать, ее можно сделать: напечатать, сброшюровать, переплести; продать, купить, порвать и т.п. Чтобы книга превратилась в факт культуры, стала для человека ценностно-окрашенным фрагментом мира, она должна наполниться содержанием, должен появиться текст (сочинение, произведение) и иллюстрации, формирующие (наряду с текстом) книгу как целостный художественно осмысленный предмет. Таким образом, книга в коллективном сознании русских предстает как нерасторжимое единство формы и содержания, в котором рафинируется и фиксируется опыт человечества с целью передачи культурного наследия потомкам.

Проведенный ассоциативный эксперимент показал, что многие представления о книге носят стереотипный характер и функционируют в языке в готовом виде (например: книга – источник знания; книга – лучший подарок; книга – лучший друг и др.) и входят в языковую картину мира даже тех, кто книги особо не читает. Стереотипные представления – это «суперустойчивые, суперфиксированные представления» [6; С. 168], формирующиеся на базе исторического общенародного опыта. Они максимально стандартизованы набором устойчивых языковых средств (штампов) и ориентируют носителя языка на определенное восприятие предметов, признаков, событий, отношений. Активное использование стереотипов с образом книги объясняется традициями просветительского дискурса, целью которого является приобщение новых членов общества к ценностям культуры и нормам поведения, в результате чего молодое поколение принимает положительные с точки зрения лингвокультурной общности ценности и мировоззрение. Одной из ценностей просветительского дискурса является принятое в качестве аксиомы положение: «Познание есть благо, поэтому следует учиться. Следствия: следует с почтением относиться к учителю, к источникам знания, прежде всего – книгам, к процессу обучения и месту обучения» [4; С. 255].

Прецедентными текстами просветительского дискурса становятся в первую очередь школьные учебники, прививающие любовь к книге, актуализирующие образ книги-друга. Особенностью школьных учебников (в отличие от текстов научного дискурса) является представление фактов, мнений, событий как объективных истин, не подлежащих сомнению, которые следует принять на веру, что определяется целью просветительского дискурса – передать (и даже в некотором смысле навязать) традиции и представления, сложившиеся в обществе. Поэтому в учебниках широко используются паремии, изречения известных писателей и научных деятелей.

Учебник представляет собой дидактический текст, «главной задачей которого является трансляция культурного и духовного опыта, его передача последующим поколениям» [7; С. 58], а поскольку книга «в силу ряда причин … (по крайней мере, начиная со средних веков) служит основным и важнейшим средством трансляции культуры» [8; С. 89], то в первую очередь необходимо научить вступающих на путь обучения дружить с книгой, чтобы она открыла свои секреты.

В учебниках по русскому языку и литературе эта цель решается несколькими способами.

Во-первых, в учебниках для начальных и 5–6 классов существует вводный раздел, например, «Ваш учебник» [9], «Здравствуй, мой ученик» [10], «Введение: Книга – наш друг, наш учитель» [11], в котором дается общее понятие о составных частях книги как предмета (корешок, обложка, форзац) и называются части книги по содержанию (введение, оглавление, глава, параграф), а также рассказывается о правилах пользования учебником: Вы взяли в руки учебник. Познакомьтесь с ним. Что написано на его переплете? Рассмотрите титул (титульную

страницу). Для кого учебник предназначен? Обратите внимание на двойной лист, который соединяет крышку переплета с самой книгой. Это форзац. В учебнике два форзаца: один в начале, другой в конце [9; С. 8]. Посмотрите внимательно на переплет, на его оборотную сторону, полистайте учебник... На обороте переплета приведены условные обозначения, которыми вы будете пользоваться во время изучения русского языка…Учебник разбит на параграфы, чтобы удобно было пользоваться им как при изучении нового, так и особенно при повторении и обобщении ранее изученного. Учитесь пользоваться оглавлением, это поможет быстро находить нужный материал [12; С. 3]. Полученное в младших классах представление о составляющих книги постепенно расширяется: Переверните титульный лист. Назовите авторов, рецензентов, художников – создателей книги. А теперь посмотрите на выходные данные в конце сборника. … Найдите страницы, с которых начинается материал каждого класса. Это шмуцтитулы. О чем они говорят? Попробуйте дать толкование этого издательского термина. [13; С. 3]. Таким образом происходит усвоение компонентов издательского фрейма концепта книга и приобщение к книжной культуре.

Ученикам предлагаются различные дефиниции понятия книга, но все они в той или иной мере отражают представление, закрепленное в русской языковой картине мира, что книга – это единство материального (сброшюрованных и переплетенных страниц) и идеального (текста, содержания, открывающего целый мир для читающего): Смотрите, перед вами лежит книга – сотня-другая белых страниц с черными значками-буквами. Откройте ее – и попадете в наш волшебный мир [14].

На первых же страницах учебников возникают различные метафоры персонифицированной семантики с образом книги. Язык человека антропоцентричен, а потому все предметные сущности в ЯКМ потенциально могут быть одушевлены. Основой для персонификации книги становится ее идеальная сторона, которая в РЯКМ воспринимается как душа книги, а также отношение к книге как к средоточию духовных ценностей, вместилищу культуры. Важно отметить, что образ персонифицированной книги настолько прочно вошел в коллективное лингвокультурное сознание русских, что приобрел характер регулярной метафоры и не осознается носителями языка как переносный. Часто в учебниках книга – это какое-то действующее лицо: Букваренок, Пишичитай, книжонок Прохор и др. Различные манифестации обретает образ автора учебника: Путник, маг, чародей, проходя сквозным действующим лицом сквозь все пространство книги. Стереотипное представление книга – спутник человека становится объединяющим началом для композиции учебника, организует линию восприятия учебного материала, например: вводный раздел называется «В дорогу» [14], главный герой учебника носит имя Путник [15]. Здесь получает развитие метафорический фрейм «книга – это мир», а читатель – путник, который путешествует в мире книги в процессе чтения: Путешествие по азбуке подошло к концу.

Книга в данном типе текста часто репрезентируется как активный субъект, что выражается в использовании предикатов, обозначающих действия одушевленного существа – человека. Книга может учить, воспитывать, давать советы, беседовать, отвечать на вопросы, с ней можно дружить: Ты как бы принимаешь участие в событиях, о которых рассказывает книга [10; С. 8]. Научитесь пользоваться словарями, и вы поймете, какие это интересные и надежные друзья и помощники. Берегите учебник, ведь по нему вы будете заниматься 5 лет, а может быть, он станет и вашим добрым другом в последующие годы! [12; С. 5].

Во-вторых, трансляция стереотипных

представлений о книге происходит посредством текстов культуры: произведений русских писателей, говорящих о роли книги в жизни человека, и русских народных пословиц и поговорок. Дидактическими текстами становятся произведения С.В. Михалкова «Земные спутники», В.А. Рождественского «Над книгой» [11]. Почти во всех учебниках в том или ином виде (в качестве упражнения на расстановку знаков препинания, упражнения с грамматическим заданием, на форзаце) есть стихотворение Д.Н. Кугультинова «Книгоград»: В моем шкафу теснится к тому том, / И каждый том на полке – словно дом. / Обложку-дверь откроешь второпях – / И ты уже вошел, и ты уже в гостях… Здесь, в комнате моей, из года в год / Все человечество в ладу живет.

И в учебниках по литературе, и в учебниках по русскому языку можно найти множество пословиц и афоризмов, говорящих о пользе книг и чтения, например: Хороша книга, да чтец плох. Не на пользу книги читать, коли одни вершки хватать. Кто много читает, тот много знает. Есть и читать вместе – память проглотить. Многие пословицы актуализируют образ персонифицированной книги, выступающей в роли друга и учителя: Человеку книга друг объясняет все вокруг. Книга в счастье украшает, а в несчастье утешает. В учебниках предлагается запомнить понравившиеся пословицы и изречения известных людей, например, при изучении темы «Причастие» учащимся необходимо выучить наизусть высказывание: «Книги – духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на его место» (А. Герцен) [13].

В-третьих, в учебниках по русскому языку высказывания о книге включаются в виде примеров при объяснении теоретического материала, а также в тренировочные упражнения. Стереотипные представления о книге, поданные в таком виде, многократно повторяются и неосознанно входят в индивидуальную картину мира учащихся.

Хотелось бы отметить учебник по русскому языку под ред. В.В. Бабайцевой, цель которого – воспитать средствами языка уважительное, бережное отношение к книге – осуществляется последовательно, систематично. Так, практически при объяснении любого материала есть примеры со словом книга: Тема: «Главные члены предложения»: Ученик читает книгу. Книга – источник знаний. Книга интересная. Книга интересна. Тема: «Предложения с прямой речью»: М. Горький: «Хорошая книга – просто праздник»; «Всем хорошим во мне я обязан книгам», – говорил М. Горький. «Какие книги вы любите?» – спросила Вера Васильевна. «Удивительное это дело – книга! Вот подлинно уж диво дивное!» – написал Лев Кассиль.

Практически во всех учебниках по русскому языку и литературе акцентируется внимание на стереотипах книга – друг, товарищ и книга – источник знаний. Следует отметить, что стереотип книга – друг является центральным в семантическом пространстве концепта книга. Основой для данного метафорического переноса служит сходство функций, выполняемых человеком-другом и книгой, поскольку книга, являясь посредником между автором и читателем, удовлетворяет одну из главных потребностей человека – потребность в интимно-личностном общении. При этом любимая книга, в отличие от человека-друга, сопровождает человека всю жизнь, к общению с ней можно не раз вернуться, что воплощается в языке, словах и выражениях со значением «неизменный во времени, постоянный», например, вечный (друг, спутник, учитель, свидетель), постоянный (спутник), всегда (рядом, с нами, можно обращаться, остаются, сопутствуют), никогда (не изменят, не оставят, не обманут, не забудут). Штампы многократно повторяются и постепенно в клишированном

виде принимаются учащимися. Интересен пример из учебника по русскому языку для 5 класса, где в пределах одного текста отражены основные стереотипные представления русских о книге: Человек, который любит читать, – счастливец. Он окружен множеством умных, добрых и верных друзей. Друзья эти – книги. Книги – спутники всей нашей жизни. Они встречают нас в самом раннем детстве и сопровождают всю жизнь. Книги – источник знаний. Огромный мир врывается к нам в комнату со страниц любимых книг [9; С. 189].

Таким образом, анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что стереотипное представление о книге – друге, советчике, источнике знаний, – сопровождающей человека на протяжении всей жизни, формируется под влиянием дидактических текстов просветительского дискурса и существует в виде готовых единиц: пословиц, афоризмов, штампов, функционирующих в речи в определенных ситуациях общения. Причем усвоение этих стереотипов необходимо в процессе социализации, то есть вхождения в культурную среду русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова / Н.Ф. Алефиренко / Вестник Самарского гос. университета // Гуманитарная серия. – 2006. – № 5/1. – С. 102-110.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М., 2003.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта, 2003. – С. 164.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М., 2004.
5. Книга: Энциклопедия / редкол.: И.Е. Баренбаум, А.А. Беловицкая, А.А. Говоров и др. – М., 1998.
6. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю.Е. Прохоров. – М., 2006.
7. Ученова В.В. Полифония текстов в культуре / В.В. Ученова, С.А. Шомова. – М., 2003.
8. Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – М., 2000.
9. Русский язык: учеб. для 5 кл. общеобразоват. учеб. заведений / Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.Т. Григорян. – М., 1992.
10. Литература. 5 кл.: учеб. пособие для шк. и классов с углубл. изуч. лит., гимназий и лицеев / Авт.-сост. М.Б. Ладыгин, Т.Г. Тренина. – М., 1995.
11. Родная литература: учеб. хрестоматия для 5 кл. сред. шк. В 2 ч. Ч. 1 / Сост. М.Д. Пушкарева и др. – М., 1990.
12. Бабайцева В.В. Русский язык: теория / В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова // Учеб. для 5-9 кл. общеобразоват. учеб заведений. – М., 1993.
13. Русский язык: практика / Сб. задач и упражнений: учеб. пособие для 6-7 кл. общеобразоват. учеб. заведений // науч. ред. В.В. Бабайцева. – М., 1993.
14. В мире литературы. 5 кл.: учеб. хрестоматия для общеобразоват. учеб. заведений. В 2 ч. / Авт.-сост. А.Г. Кутузов, В.В. Леденева, Е.С. Романичева, А.К. Киселев. – М., 2001.
15. В мире литературы. 6 кл.: учеб. хрестоматия для общеобразоват. учеб. заведений. / Авт.-сост. А.Г. Кутузов, В.В. Леденева, Е.С. Романичева, А.К. Киселев. – М., 1997.

УДК 802.0 – 73

В.А. Козыкин, к. филол. н., доцент, зав. каф. «Иностранные языки», ЧитГУ

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Научные интересы: вопросы филологии и синтаксиса английского языка и, в частности, сложносочиненного предложения

Паратаксис обычно рассматривается как соединение нескольких равноправных синтаксических единиц. Однако в данном случае игнорируется смысловой критерий. При использовании последнего, а также метода трансформации звеньев и экстрагирования обнаруживается единство компонентов синтаксической конструкции, их зависимость друг от друга, специфические особенности и наличие главенствующего центра ■

V. Kozykin, The Chita State University

THE MEANING OF COMPLEX SENTENCES IN ENGLISH

The questions of Meaning of Complex sentences containing two parts are examined in the article.
Two tasks are solved in the article:
1) the unity of the components of the sentence;
2) the Semantic essence and peculiarities of the constructions.
The using of extraction and transformational methods allows the author to define the unity, essence, peculiarities and dependence of the components of the analysed sentences ■

* * *

Паратаксис определяется обычно как соединение двух равнозначных, независимых частей (I.392). Однако, учитывая многоаспектность любого предложения, возможность его трактовки с различных позиций, следует отметить, что понимание независимости частей является, очевидно, чисто условным, так как они могут находиться в определенных условиях во взаимосвязи и приобретать новые качества в создаваемой конструкции. Иначе не было бы нужды объединять подобные грамматические единицы в более сложные построения. О несостоятельности трактовки сочиняемых многозвенных конструкций паратаксиса в плане сцепления простых уже отмечалось в научной литературе (2).

В настоящей статье анализу подвергаются более простые двухчастные паратаксические конструкции с акцентированием внимания на смысловой критерий при определении статуса объединяемых единиц. При этом учитывается, что смысловой анализ не осуществляется в отрыве от других характеристик предложения (например, формально-грамматических, структурных, семантических и т.д.), а исходит из них, ибо в конечном итоге общесмысловое значение данной

функционирующей конструкции основывается на ее семантико-грамматических показателях. Постановка задачи именно таким планом диктуется отсутствием надлежащих решений в смысловой сфере паратаксиса и относительной беднотой грамматических средств выражения, поэтому обращение к содержательному аспекту может сказаться полезным.

В свете изложенных соображений в статье предпринимается попытка по-новому осмыслить сочинение синтаксических единиц на уровне двухчастного сложного предложения и осветить главным образом две проблемы:

1) о единстве и неразложимости компонентов создаваемого паратаксиса;

2) о семантической сущности и особенностях данных конструкций.

Таким образом, затрагиваются коренные вопросы сочинения, его роли в организации предложения и отнесении к одному из главных типов синтаксической связи.

Для выявления названных вопросов необходимо отметить, прежде всего, широкое функционирование анализируемых единиц в литературе, их разнообразие в структуре и компоновке. В них наблюдается различное расположение, сочетание и состав компонентов, разнообразный характер смысловых отношений частей, определяемых количеством функционируемых лексико-грамматических элементов, специфичность признаков семантической завершенности или зависимости звеньев.

Рассмотрим поставленную задачу. Разрешение извечного вопроса сочинения о единстве или неединстве сочиняемых частей проследим на предложении с применением методики экстрагирования и трансформации.

There was a pontoon bridge across the river and carts,

trucks and men, women and children were crossing it.

(Coll. Of Short Stories).

С точки зрения смысловых отношений, единство звеньев данного предложения подтверждается следующими рассуждениями. В предложении невозможно говорить о самостоятельности второго звена. Здесь наблюдается следующее: его смысловое содержание исходит из предыдущего. Данное обстоятельство может быть подтверждено методом экстрагирования первого звена; при этом второе звено не будет означать осмысленно воспринимаемую единицу высказывания. То же самое выявится и при трансформации звеньев: перемещение второго звена на первое место невозможно – возникает неотмеченная в смысловом плане конструкция. В лингвистическом аспекте непосредственная связь звеньев осуществляется на основе семантической связи формализованных скреп «bridge – it» и соответствующим соположением видовременных форм. Таким образом, обе части создают единое высказывание, единое смысловое поле, где каждое звено обладает свойствами друг друга. Это смысловое поле не может быть реализовано, кроме как в данной форме с заданным количеством звеньев, определенным лексико-грамматическим и семантическим содержанием, создаваемым элементами всей конструкции. Оба звена тесно связаны между собой. Основой построения всего высказывания служат присоединительные смысловые отношения; наблюдается последовательная взаимосвязь частей, которая и характеризует предложение как единое синтаксическое целое. Все указанные формально-смысловые факторы и являются основой для единства и неразложимости сложного целого построения. Попытка преобразования данных звеньев в самостоятельные предложения (если они в действительности могут выступать в такой роли) не представляется осуществимой, поскольку значения отдельных звеньев сложного целого не могут быть переданы самостоятельными предложениями.

Выделение какой-либо части данной

конструкции в отдельное предложение лишает его коммуникативной предназначенности. Так, экстрагирование, например, звена «…carts, trucks and men, women and children were crossing it» лишает его смысловой ценности. Получается иная конструкция.

Следовательно, попытка толкования отдельного звена сложного целого предложения в качестве самостоятельной простой единицы не может иметь успеха в связи с тем, что оно обладает своими особенностями и отличается от простого по определенным признакам, будучи употребляемого как бы в своем микротексте – сложном предложении, в котором и существуют все необходимые предпосылки для раскрытия его роли, как части единого целого высказывания.

Итак, внутренние связи, одной из которых является, например, тесная смысловая спаянность, не позволяют отдельным звеньям сложного целого выполнять функции простых предложений. Необходимо также отметить и роль контекста в обеспечении единства конструкций, который не только вводит, но и обеспечивает их логическое завершение и контактирование с последующим изложением содержания. Эта роль заключается в том, что контекст выступает в качестве организатора не только всей синтаксической единицы, но и отдельных, составляющих эту конструкцию звеньев и элементов, что может быть подтверждено, например, элиминацией определенного звена из соответствующей сложной единицы высказывания.

В разрешении второй задачи – определении природы и особенностей звеньев анализируемых конструкций – воспользуемся принципом семантической завершенности или незавершенности звеньев. Данный подход позволяет определить основную черту смыслового наполнения предложений и выявить центральную и зависимую части высказывания (3; 210). Таким образом, представляется возможным описывать сложное сочинение в плане не столько «равноправия частей», сколько в плане функционирования:

а) «относительно самостоятельных» и

б) зависимых частей паратаксиса.

Особенностью компонентов первого класса является то, что они сохраняют способность обладать качествами относительно независимых единиц. Компоненты второго класса лишены такой возможности. Они в ряде отношений зависят от «центра» высказывания и, естественно, не могут функционировать в качестве первых, например:

Dave stayed in the house for another 4 months, but long

before the end of that time the window-sashes and doors

of the building had been taken out and carried off by

the owner. (Collection of Short Stories, p. 22).

В приведенном предложении легко отметить, какое звено является исходным, лидирующим (первое звено). В нем сосредоточена главная мысль высказывания, которая подкрепляется вторым звеном. Об этом свидетельствует общесмысловое содержание звеньев, которое подкрепляется использованием главной лексемы в центральном звене «window –sashes», «doors», «building».

Другим фактором выделения «центрального» и зависимых звеньев можно считать относительную самостоятельность центрального звена в смысловом отношении. Так, при экстрагировании из конструкции первое звено представляет собой законченный акт высказывания, обладает предикативностью, грамматической формой, смысловым наполнением и связью с контекстом. Применение подобной операции ко второму звену и выделение его в отдельное построение невозможно. В данном случае эта единица не может выступать в роли значащей в смысловом отношении, она лишается предмета высказывания, заключенного в центральном звене коммуникативной значимости, а также связи с контекстом. Еще од-

ним критерием выделения центральных и зависимых звеньев можно считать их определенную фиксированность местоположения в структуре. Определяющим в расположении звеньев выступает центральное звено.

В приводимом примере наблюдается твердый порядок следования звеньев. В предложении исключается трансформация звеньев по причине нарушения смыслового содержания. Таким образом, определение статуса звеньев (центральных и зависимых) в неусложненном сочинении может определяться по трем признакам:

1) автосемантичностью центрального звена;

2) асемантичностью зависимых звеньев;

3) фиксированностью местоположения звеньев.

Подводя общий итог сказанному, возможно констатировать следующее: при смысловом членении определенного вида неусложненных предложений сочинения в них прослеживается единство и взаимосвязь компонентов и обнаруживается функционирование определенного рода центральных и зависимых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, В.А. Штеллинг. – М.: Высшая школа, 1973.
2. Козыкин В.А. Многозвенные предложения с сочинением в современном английском языке / В.А. Козыкин. – А.К.Д., М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1982.
3. Кошевая И.Г. Уровни языкового абстрагирования / И.Г. Кошевая. – Киев: изд-во Киевского ун-а, 1993.
4. P-A. Close. A Reference Grammar for Students of English, Longman, L. 1995.

УДК 398. 01

Л.Р. Лаврентьева, к. филол. н., доцент каф. «Иностранные языки», ЧитГУ

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВЕРНОСТЬ» КАК ОСНОВА ДЛЯ ЕГО РАЗВИТИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Научные интересы: концептологические исследования в лингвоэтническом аспекте, предполагающем изучение взаимосвязи и взаимовлияния языка, духовной культуры, этнической психологии и народного творчества в исторической ретроспективе

Статья затрагивает проблемы культурных концептов и их внутренней структуры. Эти ментальные сущности рассматриваются как «аккумуляторы» культурных идей, возникших в различные исторические эпохи. Предполагается, что иногда эти идеи принимают форму определенных моделей, которые могут составлять внутреннюю форму других понятий культуры. Этот факт доказывается путем исследования прототипической ситуации конкретного культурного концепта «верность». В статье используются и развиваются далее методы анализа, заимствованные из работ известных исследователей ■

L. Lavrentieva, Chita State University

PROTOTYPICAL SITUATION OF THE CONCEPT «LOYALTY»
AS THE BASIS OF ITS DEVELOPMENT IN INDO-EUROPEAN CULTURE

The article deals with the problem of cultural concepts and their inner structure. These mental formations are regarded as “accumulators” of cultural ideas that originated in different historical epochs. It is supposed that sometimes these ideas are shaped in certain models that may constitute the inner form of some other cultural notions. This statement is proved by invastigating the prototypical situation of a concrete cultural concept – “loyalty”. The methods of the analysis borrowed from the works by famous researchers are being developed in the paper ■

* * *

Культурный концепт является основной исследовательской единицей лингвокультурологии и понимается в этой науке как ментальный конструкт, представляющий собой сгусток культуры в сознании человека (Степанов, 1997: 40-41). Для исследователя культуры данные концепты представляют особый интерес, поскольку в них наслаивается духовный опыт многих поколений людей, который служит регулятором поведения человека в обществе. Как формируются такие культурные единицы? Что лежит в основе их образования? Какова логика их развития? На наш взгляд, ответить на эти вопросы помогает исторический анализ подобных ментальных образований.

Данный анализ, проводимый в языковом (этимологическом), энциклопедическом (мифологическом) и философском аспектах, показывает, что иногда в основе образования культурных концептов лежат некие архетипические модели или прототипические ситуации, которые становятся отправной точкой для «органического роста» этих ментальных объектов как понятий культуры. Данная статья посвящается анализу прототипической ситуации концепта «верность», являющегося одним из наиболее важных духовных концептов индоевропейской и общечеловеческой культуры.

Прототипическая ситуация концепта «верность» («преданность») рассматривалась Э. Бенвенистом. По словам автора, понятие «преданность» дает начало очень древнему установлению – «личной преданности», которая наиболее полно проявилась в германском мире. Подобные отношения устанавливались между человеком, наделенным властью, и тем, кто подчиняется ему по своей воле. На основе этимологических данных древних индоевропейских языков Э. Бенвенист показывает, что концепт «преданность» изначально связан с понятиями «убеждение», «вера», «доверие», «клятва»: греч. peithō – «убеждение»; pístis – «доверие, вера»; pistós – «верный»; pistoūn – «обязывать к верности, давать клятву верности»; pisteuō – «иметь веру» (Бенвенист, 1995: 84, 92).

Однако, как отмечает исследователь, главным выражением понятия «преданность» в западном индоевропейском ареале выступает латинское слово fides и этимологически связанные с ним слова (foedus – «договор» и др.). Праформой для лат. fides, foedus является и.-е. корень *bheidh, который в готском языке породил два глагола: beidan – «терпеть, ждать, надеяться» и beidjan – «принуждать», причем второй глагол

является каузативом к первому и означает «делать так, чтобы наступило первое действие».

Отвечая на вопрос, каким образом «принуждение» может стать источником «надежды», Э. Бенвенист пишет, что исконное отношение этих двух глаголов аналогично соотношению между греческими глаголами peithō (πειθω) – «склонять к доверию, заставлять подчиняться» и peithomαi (πειθομαι) – «испытывать доверие и повиноваться». Следовательно, внушение доверия есть причина действия «доверяться» и возникающего из него состояния «доверия», «ожидания исполнения обещанного», «надежды» (там же).

Эта жизненная ситуация «доверия», как отмечает Э. Бенвенист, является ситуацией «договора», что запечатлено в производном от fides латинском слове foedus – «договор», но это договор, между неравными сторонами – одна из них требует повиновения от другой, а взамен обязуется выполнять обещанное – защиту и поддержку. Подобные отношения лежат в основе обращения человека к Богу. Сила наложения обязательств, связанная с договором, позднее была распространена на обе стороны, а идея «принуждения» стала развиваться в направлении правовой необходимости (там же: 94; а также: Степанов, 1997: 267). Таким образом, латинское понятие fides предполагает установление договора, отношений «доверия» между двумя партнерами, и эти отношения влекут определенную взаимность и обмен.

По мнению Ю.С. Степанова, сущность этого процесса более ярко отражена в словах, производных от другого и.-е. корня – *uer-, *uerə- – «дружеское расположение; доказывать дружеское расположение»; ⋆uer-os – «достойный доверия; верный, истинный» (Степанов, 1997: 268-269). В языках германской группы находим примеры, подтверждающие идею о том, что во внутренней форме слов, производных от и.-е. корня *uer-, хранятся древнейшие представления о договоре, с которым тесно соотносится понятие «верность», а также «доверие», «вера», «дружба», «мир», «клятва» и другие: др. англ. wær – «верность, вера, договор, дружба»; др.-в.-нем. ware – «договор, мир»; др.-герм. wera – «договор, обет, союз». Особенно показательным является др.-исл. слово Var, называющее имя богини клятвы на верность, varar (pl.) – «договор, обет». В этом же ряду и др.-рус. вѣра – «верование, правда, вера», позднее (с XII в.) – «присяга, клятва» (Pokorny, 1959: 1165; Черных, 2001: 141; Фасмер, 1986: 292).

Ситуация установления договора отражена и в мифологических представлениях. Как древнейшая социокультурная модель исторически она связывается с мифологическими персонажами – парой Митра – Ва́руна, образ которых внедрился в самые разные и.-е. мифологические системы. Так, Му́фра (авест. Miθra, буквально, – «договор», «согласие») является древнеиранским мифологическим персонажем, связанным с идеей договора. Само имя «Мифра» восходит к и.-е. корню – mi-: mei, имеющему отношение к обозначению идеи взаимности, обмена, а также закономерности, согласия, мира и дружбы. Отсюда и русское слово «мир» как социальная структура, имеющая функции, сопряженные с договором (МНМ, 1987, Т.2: 154).

Др.-инд. Mitrá буквально обозначает – «друг», понимаемый как второй участник договора; в среднем роде – «дружба», «договор». Митра́ образует пару с Ва́руной (др.-инд. Vāruna) – Богом истины и справедливости. Вместе оба Бога моделируют космос в целом в его магико-правовом аспекте. Как

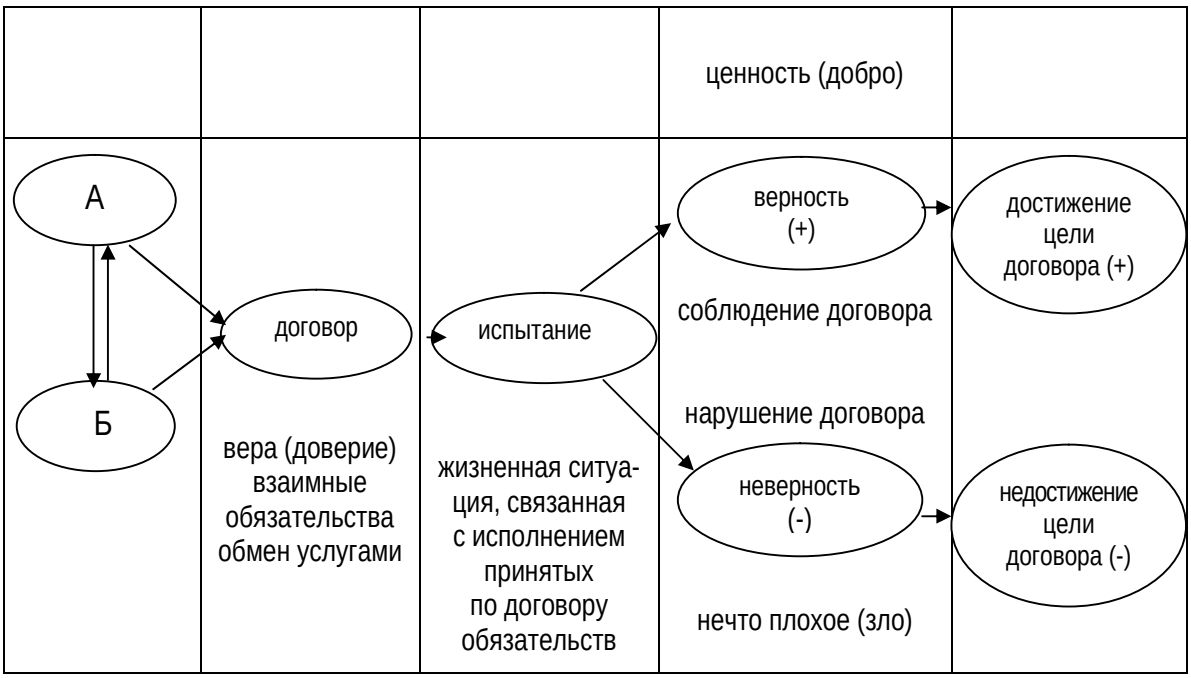
стражи морального порядка, они воплощают идею истины и договора (там же, Т. 1: 217; Т.2: 157). Как можно заметить, в самом имени Vāruna просматривается и.-е. корень – *uer-. В германских языках этот же корень находим в др.-исл. слове Var, называющем имя богини клятвы на верность.

Ситуацию установления отношений доверия или договора Ю.С. Степанов определяет как архаическую модель «круговорота общения» двух (по крайней мере) субъектов – говорящий – слушающий: имеется некоторая независимая от участников общения «плотная сущность», которая может быть предметом обмена между ними в «круговороте общения» как некая «ценность». Такая архаическая модель составляет внутреннюю форму концептов «вера», «любовь» и некоторых других (Степанов, 1997: 246-247; 268), к которым, как мы считаем, относится и «верность», поскольку данный концепт не только тесно ассоциируется с понятием «договор», но и связан с ним онтологически, т.е. органически вырастает из него как понятие. Для подтверждения этого факта попытаемся смоделировать ситуацию договора и ее логическое развитие, которые вместе будут составлять изначальную «матрицу» ситуации «верность» в индоевропейской культуре.

При реконструкции данной модели следует учитывать наличие ассоциативных связей между концептами, поскольку в культуре они не существуют в изолированном виде, но объединяются в некоторое единство – понятийное ассоциативное поле. Как отмечает А.Я. Гуревич, моральные и понятийные категории можно изобразить на чертеже в виде геометрических фигур, соединенных силовыми линиями (Гуревич 1984: 297), которые отображают ассоциативные связи, существующие между ними в сознании людей. Следовательно, полученная схема будет представлять собою ассоциативное поле «верность». Как показывают исследования, ассоциативные связи между концептами внутри данного поля не хаотичны и имеют свою логику развития, которую мы попытаемся восстановить путем логических рассуждений с учетом полученной информации на основе проведенного исторического анализа в указанных аспектах.

Для моделирования данного поля мы должны представить себе двух участников действия «А» и «Б», которые вступают в договор на основе веры (доверия) и взаимных обещаний об обмене услугами. Далее мы присоединяемся к логическим выводам современного американского философа Дж. П. Флетчера, считающего, что «матрица» верности всегда включает в себя элемент, определяющий, кто мы есть – верные или неверные (Fletcher, 1993: 8). Мы предлагаем назвать этот элемент «испытанием», которое предполагает выбор (осознанный или неосознанный) между исполнением договора и его нарушением, что будет квалифицироваться соответственно как «верность» или «неверность».

Об изначальной ассоциативной связанности концептов «верность», «вера» с понятием «выбор» свидетельствует авестийский глагол varayaiti – «верить», имевший первоначальное значение «выбирать» (между добром и злом), и родственный ему древнеиндийский – varayati, varayate (Степанов, 1997: 269). Кроме этого, договор, как мы считаем, всегда заключается для достижения какой-либо цели, к которой стремятся его участники. Учитывая перечисленные факты, модель ассоциативного поля «верность» в индоевропейской культуре может быть представлена следующим образом:



Данная схема показывает, что в основе всей ассоциативной цепочки «верность» лежит ситуация договора, логическое развитие которой помогает понять сущность одноименного концепта как понятия индоевропейской культуры. Исходя из данной модели, эту сущность можно определить как соблюдение условий договора его участниками в процессе жизненных испытаний (ситуаций), причем договор может иметь внешнее выражение или быть подразумеваемым (подробнее об этом см.: Лотман, 1981: 3). Поскольку проявленная верность приводит к достижению цели договора, то ее можно также определить как средство для достижения этой цели. В свою очередь, договор служит средством для упорядочивания взаимоотношений между людьми, а также между Богом и человеком.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что духовные концепты формируются в культуре на базе определенного социокультурного опыта. Иногда такой опыт представляет собой древние прототипические модели, которые могут составлять основу других понятий культуры. Данный вывод подтверждает мысль Ю.С. Степанова о «слоистой» природе концептов, которые в своем содержании аккумулируют идеи, возникшие в разные исторические эпохи (Степанов, 1997:74). Восстановить эти идеи помогают историко-культурные, философские, но более всего языковые изыскания, поскольку язык является самым надежным свидетелем всех процессов, происходящих в жизни и деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских терминов / Э. Бенвенист: Пер. с фр. // Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
3. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 513. – Тарту, 1981. – С. 3-16.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

5. Fletcher G.P. Loyalty: An Essay on Morality of Relationships. – N.York & Oxford: Oxford Univ. Press, 1993. – 211 p.

Словари и их сокращенные обозначения

1. МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская Энциклопедия, 1987. – Т. 1. – 671 с.; Т. 2. – 720 с.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 573 с.
3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 2001. – Т. 1. – 624 с.
4. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny, etc. – Bern – München, 1959. – B. I. – 1183 S.

УДК 811.161.1'37

С.В. Рассолова, ст. преподаватель каф. «Безопасность жизнедеятельности», ОмГТУ

ЯВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В СЛОВЕСНЫХ ОБРАЗАХ ПРИРОДЫ (на материале описательного речевого жанра в произведениях русской художественной литературы)

Научные интересы: лингвоантропологическая семантика, прагмастилистика, языковая картина мира

Статья посвящена описанию особого речевого жанра, для которого словесные природные образы в функции ассоциативной характеристики внутреннего мира человека в современном русском языке наиболее характерны ■

S. Rassolova, Omsk State Technical University

FEATURES OF INNER WORLD OF THE PERSON IN VERBAL IMAGES OF NATURE
(ON THE BASIS OF DESCRIPTIVE SPEECH GENRE IN RUSSIAN ARTISTIC LITERATURE)

This article is devoted to description of special speech genre. The verbal images in the function of associative characteristics of the inner world of a person are most typical for it ■

* * *

Жизнь человека, его познание и самовыражение, его духовная сущность неотделимы от природы, и в первую очередь потому, что человек – часть природы.

В большей части высказываний о природе можно найти субъективно-характеризующую информацию о внутреннем мире человека, о его интеллектуальных, эмоциональных, нравственных качествах и свойствах.

Взаимосвязь человека и природы в языковых значениях и выражениях была отмечена давно, такого рода материал становился объектом исследования, как правило, когда изучался язык (творчество) отдельных авторов, например, М.Ю. Лермонтова (А.В. Кузнецова), Ф.И. Тютчева (Ю.Д. Тильман) и др., либо когда изучался и описывался определенный природный образ, например, поле (чистое) (Д.С. Лихачев, Н.И. Сукаленко), даль (А.Д. Шмелев), дерево (М.Н. Эпштейн, Н.А. Красс), дорога, путь (А. Леонтьев) и др. Однако как особый объект в рамках современной антропоцентристской семантики с акцентом на систему репрезентаций явлений внутреннего мира человека этот материал не изучался. Считаем, что такое специальное изучение актуально.

Общая постановка вопроса об аспектах исследования природных словесных образов в семантическом пространстве «внутреннего человека» содержится в статье М.П. Одинцовой, где автор отмечает, что все высказывания, в которых словесные образы природы играют «особую роль в формировании и выражении текстовых смыслов, значимых для моделирования образа «внутреннего человека» как особого фрагмента русской ЯКМ» [1; С. 57], могут быть отнесены к одному из пяти частичных объектов изучения в семантическом пространстве «мира души»:

1) фатический (человек, говорящий о природе, демонстрирует свою готовность завязать и продолжить общение с другим, знакомым или незнакомым человеком, например, «Сегодня холоднее, чем было вчера» и т.п.; образы природы в такого рода контекстах не обладают индивидуализирующей функцией, а значит, не связаны непосредственно с внутренним миром личности: они имеют условно-этикетную национально-культурную значимость);

2) аксиологический (в высказываниях о природе человек выражает свое неравнодушие к ней, образы природы соотнесены с внутренним миром человека через ее воздействие на человека, природа в таких контекстах изображается как вызывающая у человека-созерцателя определенные чувства как положительные, так и отрицательные; но при этом сами феномены внутреннего мира либо а) не называются, а лишь выражаются посредством образов природы, например, «Край ты мой, родимый край! // Конский бег на воле,// В небе крик орлиных стай,// Волчий голос в поле!» (А. Толстой) и т.п.; либо б) и называются, и выражаются с помощью природных образов: «Но люблю ослабелый// От заоблачных нег – // То сверкающе белый, // То сиреневый снег…» (И. Анненский) и т.п. – предикат люблю прямо называет чувство-отношение, а выражает его все высказывание в целом путем называния объектов чувства);

3) персонифицирующий (одушевление природы и имитация прямого общения с ней): в высказываниях подобного рода субъект речи-мысли выражает духовное и душевное родство с природой, наделяет ее своими качествами, как бы размышляет и философствует вместе с ней, в таких контекстах на первый план выступают именно природные образы, а «мир души» человека отодвигается на второй, например, «Рыдай, буревая стихия,// В столбах громового огня!// Россия, Россия, Россия – // Безумствуй, сжигая меня!» (А. Белый); «Как хорошо ты, о море ночное, – // Здесь лучезарно, там сизо-темно…// В лунном сиянии, словно живое, // Ходит и дышит, и блещет оно…» (Ф.И. Тютчев) и др.;

4) аллегорический – этот объект обозначения словесными образами природы представляет собой иносказание средствами этих образов о событиях, человеческих отношениях и поведении, т.е. такого рода контекстах описание эпизода из жизни природы дается параллельно подразумеваемой или названной ситуации из жизни человека, например, «Анчар» А.С. Пушкина, «Белеет парус одинокой» М.Ю. Лермонтова, «Свинья под дубом» И. Крылова и др.;

5) объект, обозначенный нами как ассоциативно-образная интерпретация явлений внутреннего мира: в высказываниях этого типа образы природы экспрессивно представляют и рисуют «мир души» человека, например, «Но знай – покой души не вечен,// И счастье на земле – туман!» (М.Ю. Лермонтов); «Но лишь божественный глагол// До слуха чуткого коснется,// Душа поэта встрепенется, // Как пробудившийся орел» (А.С. Пушкин); «Внутри медицинского городка она (Донцова) проводила свежую и лучшую половину своего бодрствования, и рабочие мысли еще вились вокруг ее головы, как пчелы…» (А. Солженицын) и др.

Каждый из иллюстрированных объектов обозначения человека словесными образами природы представляет разное соотнесение этих образов с явлениями внутреннего мира человека, причем только пятый из перечня М.П. Одинцовой – ассоциативно-образная интерпретация явлений внутреннего мира человека – репрезентирует воображаемое тождество мира природы и «мира души», именно в данном ракурсе изучения на первый план выходит особая семиотика и специфическая эстетика словесных природных образов.

Многие подобные образы широко представлены в народных выражениях: фразеологизмах, паремиях, которые реализуют оценочно-характеризующую функцию и непрямую референцию к «внутреннему человеку»: «Чужая душа – темный лес», «Любовь не пожар, загорится – не потушишь», «Сердце не камень – тает», «Как баран на новые ворота», «Ветер в голове гуляет», «До глубины души», «Заячья душа» и др.

Анализируя такого типа контексты, отметим, что подобные высказывания встречаются практически во всех функциональных стилях современного русского литературного языка, за исключением официально-делового и собственно научного. Иначе говоря, словесные природные образы характерны для стилей, главное назначение которых субъектно-эмоциональная характеристика явлений действительности, в том числе «мира души» человека, а значит, их употребление в значительной степени определяется наличием в структуре их значений оценочных, эмотивных, экспрессивных и образных коннотаций.

Словесные образы природы как способ ассоциативно-образной интерпретации внутреннего мира человека в большей степени соответствуют «образным» стилям – художественному, публицистическому и разговорному.

В разговорном стиле эти образы являются выразителем обыденно-разговорной экспрессии, поскольку «интуитивное чувство сходства играет огромную роль в практическом мышлении, определяет поведение человека и не может не отразиться в повседневной речи» [2; С. 380].

В публицистическом стиле использование словесных образов природных ассоциаций связано, как отмечает Г.Я. Солганик, в первую очередь с тем, что «функция воздействия, важнейшая для публицистического стиля, обусловливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения. И публицистика берет из литературного языка практически все средства, обладающие свойством оценочности» (цит. по [3; С. 44]).

Широкая распространенность (доминирование) словесных природных образов-ассоциаций в различных родах и жанрах ху-

дожественного стиля объясняется тем, что художественная литература выполняет образно-познавательную и идейно-эстетическую функцию. В.В. Виноградов отмечал: «...Понятие «стиль» в применении к языку художественной литературы наполняется иным содержанием, чем, например, в отношении …стилей публицистического и научного... Язык национальной художественной литературы не вполне соотносителен с другими стилями, типами или разновидностями книжно-литературной и народно-разговорной речи. Он использует их, включает их в себя, но в своеобразных комбинациях и в преобразованном виде...» [4; С. 22].

Художественной литературе присуще конкретно-образное представление жизни, а значит, для нее характерны эмоциональность и экспрессивность, метафоричность, содержательная многоплановость художественного стиля речи, которая и является основанием для широкого использования словесных образов природы как средства ассоциативно-образной интерпретации внутреннего мира человека (в дальнейшем будем говорить о высказываниях и примерах из художественных произведений различных литературных жанров).

Любой стиль реализуется в типических формах высказываний, которые принято называть речевыми жанрами. Под речевым жанром (РЖ) мы, вслед за М.М. Бахтиным, понимаем «определенный, относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [5; С. 241]. В каждом стиле существуют свои жанры, определенные композиционно-тематические единства: с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения (к слушателям или читателям, партнерам, к чужой речи и т.п.), например, такие жанры публицистического стиля, как заметка, репортаж, хроника, обозрение и т.д.; художественного стиля – ода, элегия, рассказ, роман, драма, комедия и т.д. Поскольку ассоциативно-образная интерпретация феноменов внутреннего мира человека встречается в различных художественных текстах: в прозаических, поэтических и драматических, то представляется возможным применительно к внутреннему миру человека выделить особый РЖ, который эти типы художественной речи объединяет, – назовем этот жанр «описание чувств, психических состояний, качеств, отношений человека», в обобщенном, кратком варианте – художественное описание психических феноменов (ХОПФ).

Говоря о том, что каждый РЖ имеет свою цель, определенный авторский замысел, отметим следующее: главная особенность авторского замысла в выделенном нами РЖ – объективацией субъективных результатов познания «мира души» человека.

Хотя в любом художественном произведении все принадлежит автору – создателю текста; художественное описание внутреннего мира человека может быть дано не только от лица автора, но и от лица героя, испытывающего определенные состояния и рассказывающего о них, или же от лица другого персонажа, со стороны наблюдающего в ком-то те или иные чувства, состояния и т.п. и, наконец, размышления о сути внутреннего мира человека могут быть даны в «генеритивном» (обобщенном) регистре (по Г.А. Золотовой) от имени некоего условно-абстрактного субъекта, апеллирующего к опыту человечества.

Для нас важно в жанре ХОПФ отметить единую ипостась субъекта речи-мысли – наблюдатель-интерпретатор. Эта ипостась жанрообразующая инвариантная для жанра, что не исключает ее варьирование, т.е. разнообразие текстовых реализаций. Выделим и кратко опишем несколько таких реализаций – авторское описание, самоописание персонажа и описание со стороны.

Авторское описание, как правило, вводится тогда, когда необходимо:

а) описать эмоциональные состояния

или качества человека, которые в большой степени определяют его поведение и отношение к другим, например, «Но над женой он (Щербачев) вдоволь натешил свою звериную хамскую душу» (А.И. Куприн); «Сострадание – чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее (Мери) неопытное сердце» (М.Ю. Лермонтов); «Не стыд – но горькая досада // Героя медленно грызет…» (М.Ю. Лермонтов) – в данных примерах автор отмечет доминирование в человеке звериного начала, он уподобляет чувства сострадания и досады зверю;

б) описать интеллектуальные проявления героя, обращая внимание на временность/ постоянство, стереотипность/ индивидуальность, интенсивность/ слабость, длительность/ кратность и т.д. этих феноменов. Явления психики могут осмысляться, например, как пространства, большие или маленькие: «Как-то непроизвольно вспомнил (Бунчук) эпизод из войны, атаку в октябре 1915 года, а затем память, словно обрадовавшись, что направили ее на знакомую, утоптанную тропу, настойчиво и злорадно стала подсовывать обрезки воспоминаний…» (М. Шолохов) – в данном контексте память – утоптанная тропа, причем этот образ говорит еще и о стереотипности мышления; «Никогда не задерживаясь, как ночной скорый, мимо полустанков, мимо фонарей, то безлюдной степью, то сверкающим городом, проносился их спор по темным и светлым местам их памяти…» (А. Солженицын) – память – место.

Следует отметить, что феномены эмоциональной и интеллектуальной сфер человека могут описываться как такие экстериоризованные сущности, которые как бы живут своей собственной активной жизнью. Автор представляет явления внутреннего мира как непосредственно наблюдаемые, например, «Но увидала его, приниженного, покорного, – и черная гордость, гордость, не позволявшая ей, отверженной, остаться в Ягодном, встала в ней на дыбы» (М. Шолохов) – уподобление чувства животному: гордость – конь; «Как ни старался я отгонять от себя прочь воспоминание о незнакомке, о ее спутнике, о моих встречах с ними, – оно то и дело возвращалось и приставало ко мне со всей докучной настойчивостью послеобеденной мухи…» (И.С. Тургенев) – воспоминание уподобляется мухе.

Образная детализация описаний явлений внутреннего мира в авторской реализации может быть различной: от кратких комментариев до распространенного, исчерпывающего изображения, создающего эффект абсолютной наблюдаемости течения того или иного состояния: «Отрезвление было мгновенным. Но Кенет даже не успел порадоваться неожиданному избавлению от морока. Ему стало так больно, как никогда в жизни. Огонь – уже не ледяной, а жарко ревущий – вспыхнул в нем самом… Когда подлесок становится слишком густым и семена деревьев не могут упасть наземь, а застревают в кустах, может погибнуть весь лес. Тогда-то и устраивают лесники небольшой пожар. Он не может повредить вековым деревьям…, но горит кустарник, назойливо заполонивший собой все вокруг, горит сорная трава, горят гусеницы… и всякий прочий мусор. А потом в остывшую золу падают долгожданные семена, и по весне из обновленной земли под защитой старых деревьев подымается новая поросль. Внутри Кеннета бушевал именно такой пожар. Огонь не мог осилить то, что было главным, – но весь мусор, вся наносная дрянь, вся ничтожная мелочь и ветхий хлам сгорели дотла. А когда пламя отпылало, на душе Кенета стало светло и просторно» (Э. Раткевич).

Вторая из выделенных реализаций исследуемого жанра – самоописание героя – субъекта чувства, объекта авторского изображения. Для нее характерно выражение самооценки персонажа. Под самооценкой в психологии обычно подразумевается «оцен-

ка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей» [6; 583]. В данной реализации РЖ можно отметить такие черты: знание своего психического состояния, умение вычленить главное качество/ эмоцию/ отношение, которое доминирует в настоящий момент и влияет на адекватность/ неадекватность реакций и способность оценить свое состояние с помощью словесных образов природы: «…а меня в ее присутствии подмывает этакое мальчишеское желание «подвига». На собственных глазах превращаюсь в петуха и чувствую, как под фуражкой вырастает незримый красный гребень…» (М. Шолохов) – желание – вода, человек – петух; «Прошло минут пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; как ни искал я в груди моей хоть искры любви к милой Мери, но старания мои были напрасны» (М.Ю. Лермонтов) – любовь – огонь, использование образа искры говорит о кратковременности и слабости этого чувства.

Самооценка часто дается в тех случаях, когда человеку необходимо в какой-то степени объяснить или оправдать свои действия и поступки: «…Мне бомба ударила в крышу,// осколками выщербив мозг…// С тех пор я проклятий не слышу, – // как пень, примитивен и прост» (А. Кутилов); «Я не могу так жить. Рассудок мой туманится, мозг мой горит, и мысли путаются, разбиваясь об острые скалы жизни, как чистые, хрустальные волны моря» (С. Есенин); понять себя: «И в этих вспыхнувших воспоминаниях он и себя увидел прежним Максом, устыдился своей минутной слабости: забыл себя настоящего, дрогнул, поддался тому, что появилось в нем в те смутные годы» (А. Рыбаков) и т.п.

Третья реализация рассматриваемого жанра предполагает обращение автора к третьему лицу как субъекту речи, прямо или косвенно участвующему в повествовании. Пресуппозицией характеристики внутреннего мира человека в этом случае являются отношения между субъектом и объектом речи, которые возникают в процессе их взаимодействия. В таких контекстах оценка носит часто предположительный характер, поскольку субъект речи не знает точно, какое чувство или состояние испытывает объект речи, а лишь пытается понять это, опираясь на поведение объекта речи и свой опыт, т.е. переносит знание своего внутреннего состояния на состояние объекта речи. Предположительность оценки может быть выражена разными способами, эксплицитно (слова и словосочетания: представить себе, вероятно, может быть и т.д.): «Тогда он (секретарь) постарался представить себе, в какую именно причудливую форму выльется гнев вспыльчивого прокуратора при этой неслыханной дерзости арестованного» (М. Булгаков); «Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами» (А.П. Чехов); или имплицитно: «Но в ней (Ольге Ивановне) таилась слабая искра того огня (ненависть), который так ярко пылал в душе Василия Ивановича» (И.С. Тургенев); «Эге, ге!..» – подумал про себя Аркадий, и тут только открылась ему на миг вся бездонная пропасть базаровского самолюбия» (И.С. Тургенев).

Привлечение третьего лица в качестве субъекта речи необходимо автору для того, чтобы выразить оценку внутренним качествам персонажа как бы со стороны: «А грустно мне потому, что вспомнилась мне нынче, как только я проснулся, одна небольшая история, случившаяся с одним моим приятелем, фирменным, как оказалось впоследствии, ослом, ровно три года тому назад, на второй день рождества…» (И.А. Бунин); «Хорунжий продолжал издевательски отчитывать: – Ум у вас бычиный. Бык он ведь всегда так: сначала шагнет, а потом стоит, думает» (М. Шолохов).

Следует отметить, что во всех трех

рассмотренных реализациях предложенного речевого жанра описание сопровождается оценочной коннотацией, воплощенной в стереотипных или индивидуально-авторских словесных образах природы, например, как отрицательной: «Ох, соседи крысиная порода грачевская, доложили, не замедлили» (Б. Акунин); «…ему (Якову) казалось, что…он видит родину, …видит темноту, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей…» (А.П. Чехов); «С тех-то пор и не стало ему жизни у Авдеевых: Антонина Ивановна… стала водить к себе какого-то мордатого кобеля, гражданского…» (А. Солженицын), так и положительной: «И между тем в этом человеке было пропасть ума, здравого смысла, наблюдательности, остроты…» (И.С. Тургенев).

Сделаем выводы. Приведенный и прокомментированный материал художественной речи позволяет:

– во-первых, обозначить в качестве особого объекта исследования словесные образы природы в контекстах описания внутреннего мира человека;

– во-вторых, выделить особый речевой жанр такого рода описаний и рассмотреть типичные для этого жанра реализации, различающиеся субъектом речи-мысли (автор, герой о себе и персонаж о другом персонаже со стороны).

Полагаем, что проблематика и аспекты исследования выделенного объекта могут быть расширены и в большей степени детализированы. Актуально, с нашей точки зрения, выявить и описать всю систему природных ассоциаций, характерных для внутренних состояний и качеств человека, единицами этой системы могли бы быть обобщенные модели: человек – животное, человек – водная стихия, человек – растение и т.д. В русской художественной литературе наблюдается максимальное разнообразие и богатство подобного рода ассоциаций, часть из которых носит стереотипный, а часть – индивидуально-авторский характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Одинцова М.П. Образы природы в семантическом пространстве «внутреннего человека» в русской языковой картине мира / М.П. Одинцова // Славянские чтения. – Сб. науч. статей и материалов научно-практич. конференции. – Омск, 2005. – Вып. 9-10. – С. 57-59.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
3. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: учебное пособие / И.Б. Голуб. – М.: Логос, 2004. – 432 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 421 с.
6. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997. – 800 с.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1. (082.2.)

И.С. Акулова, ст. преподаватель каф. «История, теория государства и права и социология», МГТУ

«КОНЕЦ ИСТОРИИ» КАК ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Научные интересы: философия, онтология и теория познания

В статье утверждается, что концепт «конец истории» является необходимым элементом философского мировоззрения. Автор считает, что причины этого кроются в бытийственности самого человека, в глубинных основаниях его сознания. Эсхатологические мотивы характерны и для донаучных форм человеческого сознания – для мифологии и религии. Понимая собственную конечность, конечность всех социальных и природных процессов и явлений, люди и человеческую историю считают конечной. Многие философы указывали на то, что вообще история имеет смысл только тогда, когда она имеет завершение ■

I. Akulova, Magnitogorsk State Technical University

«FINITNESS OF HISTORY» AS SIGNIFICANT ELEMENT OF PHILOSOPHICAL WORLD OUTLOOK

The article proves that the concept «Finitness of history» is a necessary element of philosophical world outlook. The author considers that reasons for this can be found in the existence of a man himself, in the deep grounds of his consciousness. Motives about finiteness are typical for the prehistoric forms of human conciousness as well – for mythology and religion. Realizing their own finiteness, finiteness of all social and natural processes and phenomena, people consider human history finite as well. Many philosophers pointed that history makes sense only in case when it is finite ■

* * *

Философия истории представляет собой особую сферу философского знания, в которой речь идет об основаниях удивительного феномена – человеческой истории. Вопросы, которые в этой связи обсуждаются, являются истинно философскими: имеет ли история направление? Кто является творцом истории? Существует ли окончание исторического процесса? Подобные вопросы нельзя не назвать подлинно философскими, поскольку они обращаются, в конечном итоге, к онтологическим началам человеческого существования вообще. Практически каждый крупный философ любой эпохи так или иначе затрагивал эти темы в своем творчестве. На всех

этапах развития человечества мыслители неизменно находят новые ответы на вопросы о направлении и цели истории, что дает основания отнести такого рода проблемы к числу до конца неразрешимых. Необходимо отметить и аксиологический аспект проблемы смысла истории, особенно когда речь заходит о так называемом «конце истории». Таким же образом как физическая смерть индивидуума является важнейшим ценностным ориентиром и смыслообразующим моментом для жизни отдельного человека, точно так же понятие «конец истории» для всего человечества придает определенный смысл и значение историческому процессу.

А. Шопенгауэр, который наибольшей антиценностью считал ситуацию застоя, стагнации в любой форме мироздания, прекрасно сказал о том, что было бы, если бы люди были бессмертны: «Оцепеневшая неизменность и роковая ограниченность всякой индивидуальности как таковой в случае ее бесконечного существования, наверное, своей монотонностью породила бы в конце концов такое пресыщение ею, что люди охотно согласились бы превратиться в ничто, лишь бы только избавиться от нее» [1]. Если экстраполировать мысль Шопенгауэра на исторический процесс, который является, по сути, суммой индивидуальных жизней отдельных людей, можно сказать, что отсутствие «конца истории» сделало бы бессмысленным саму историю человечества. Если у любого процесса и явления (физического ли, социального ли) есть некое начало, какая-то «точка отсчета», то неизбежен и конец этого процесса или явления. Иначе необходимо признать, что история есть нечто застывшее и неразвивающееся.

Самой первой осознанной попыткой рассмотреть развитие истории и проблему ее конца была система мифологических взглядов и представлений, с помощью которой древние люди пытались объяснять окружающий их мир и передавать свои знания потомкам. «Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь» [2]. Мифы, так или иначе затрагивающие проблему «конца истории», есть запечатленное в образах понимание конечности существования во всем великолепии, ужасе и неизбежности. Архетипичность, мифологичность и эсхатологизм идеи «конца истории» являются теми основаниями, которые позволяют устойчиво передавать последующим поколениям людей понимание целостности и смысла истории. Эсхатологические мифы вышли из мифов космогонических и представляют собой рассказы-пророчества о конце мира. Концепт «конец истории» или его мотивы присутствовали в мифологическом сознании древних, затем они «перешли» в религиозное мировоззрение, а впоследствии – и в философское.

Эсхатологические представления чрезвычайно сильны в иудаизме. И христианская религия, как прямая преемница иудаизма, вобрала и развила эти представления. Согласно христианству, существующий мир неизбежно движется к наступлению последних дней. Можно сказать, что эсхатологическая направленность составляет сущностную характеристику христианской религии. Самым ярким примером эсхатологических принципов христианства является Откровение Иоанна Богослова – «Апокалипсис». В своем послании Иоанн предсказывает в будущем великие бедствия, которые обрушатся на людей в конце времен.

Пытаясь понять развитие истории, люди «переносили» на данный процесс свои знания в других областях жизнедеятельности. Они наблюдали смену времен года, фиксировали конечность всех природных процессов, осознавали конечность собственной жизни. Отсюда возникает представление о том, что не существует ничего вечного, все окружающие предметы, явления и процессы имеют начало и конец. Таким образом, и история человечества не может длиться бесконечно. На появление эсхатологических мотивов в попытках объяснить развитие исто-

рического процесса повлияли и социальные факторы. Люди осознавали, что не одно сообщество не существует вечно. При определенных неблагоприятных условиях (болезни, войны, природные катастрофы) могут прекратить свое существование не только отдельные люди, но и целые семьи, племена и даже нации. Недаром через многие поколения людей проносятся предания об исчезнувшей Атлантиде и целой нации, ее населявшей, предание о Всемирном потопе, который уничтожил почти все человечество.

Следует отметить, что уже в античной философии в попытках понять развитие и направленность мира вообще и человеческой истории, в частности, присутствуют эсхатологические мотивы. Древние греки пытались создать и осмыслить историческую картину мира, они привнесли в нее идею «цикличности». Но даже при наличии такой идеи они вовсе не полагали, что человеческий мир и история будут существовать вечно. Античные мыслители считали вечным Космос, но при этом полагали, что «мир людей» периодически исчезает и возникает вновь. Древние греки уже пытались создать полную историческую картину как последовательность исторических событий; пытались проследить логику развития истории, выявить ее направленность и понять смысл.

В философии св. Августина явно присутствуют эсхатологические мотивы, которые не созданы именно данным мыслителем. «Эсхатология имеет еврейское происхождение и проникла в христианство в основном через апокалипсис... Еврейский образец истории, прошлой и грядущей, характеризуется чертами, позволяющими ему во все времена находить могучий отклик в сердцах угнетенных и несчастных. Св. Августин приспособил этот образец к христианству» [3]. Средневековый мыслитель не раз подчеркивает, что мир вовсе не является вечным, а у него есть начало и окончание. Полагать мир вечным совершенно неверно, так как одна эта мысль отрицает факт божественного творения.

Экзистенциалисты впервые наиболее точно обозначили проблему «заброшенности» человека в мир. Согласно их представлениям, окружающий нас мир иррационален и человеку страшно и неуютно в нем. И для более «уютного» существования в окружающем иррациональном мире человек вынужден невольно переносить черты своего рационального сознания на все мировые процессы. На подобных онтологических началах основаны религия, искусство и философия. Проблема направленности исторического процесса, как одна из центральных в философии истории, не стала исключением. Люди переносят поиски смысла истории из своей индивидуальной жизни на всеобщую историю. Н.А. Бердяев однозначно указывает нам, что мысль о конечности исторического процесса коренится в природе самого человека. «Мне очень свойственно эсхатологическое чувство, чувство приближающейся катастрофы и конца света» [4]. В экзистенциальной философии такие понятия, как «тревога», «заброшенность» выступают как онтологические начала человеческого бытия, которые неизменно приводят к мысли о «конце истории».

Все более усиливающаяся социальная изменчивость подтверждает конечность и преходящий характер различных явлений и еще больше актуализирует эсхатологичность восприятия исторического процесса. «Уже Гегель видел закат европейского мира… Своей кульминации сознание кризиса достигло у Кьеркегора и Ницше» [5]. Причем нередко, в отличие от гесиодовской однолинейно направленной деградации человеческой истории, эволюция общества, понимаемая даже в терминах прогресса, приводит к эсхатологическому ее пониманию. «И Гегель, и Маркс верили, что эволюция человеческих обществ не бесконечна; она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фунда-

ментальные чаяния. Таким образом, оба эти мыслителя постулировали «конец истории»: для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса – коммунистическое общество» [6].

Апокалипсические представления об историческом процессе еще более усилили мировые войны. «Конец истории» стал уже не просто какой-то отвлеченной метафизической проблемой, а реально вошел в сознание и жизнь целых поколений людей. «После первой мировой войны речь шла уже не только о закате Европы, но о закате всех культур. Появилось ощущение конца человеческого существования вообще, преобразования, охватывающего все народы и всех людей, без исключения, которое ведет то ли к уничтожению, то ли к рождению нового. Это еще не было самым концом, но знание о том, что конец возможен, стало всеобщим» [5].

В современной философии проблема «конца истории» также нашла свое отражение. Несколько лет назад вышла книга американского философа Ф. Фукуямы, которая уже в своем названии несет эсхатологические мотивы: «Наше постчеловеческое будущее». В ней мыслитель рассуждает о том, что современному миру угрожают даже не войны, а нечто совсем другое – развитие биотехнологий. Поэтому сегодня настоящей опасностью является то, что с помощью биотехнологий возможно изменить саму суть природы человека. И это может привести к «постчеловеческой» фазе истории. А ведь именно устойчивая человеческая природа является источником преемственности человеческого вида, то есть необходимым условием истории человечества.

Очевидно, что в мышлении человека (как философа, так и рядового обывателя) такие понятия, как «исторический процесс» и «конечность» неразрывно связаны. Бердяев вскрыл истоки этого: «В истории все не удается, и вместе с тем история имеет свой смысл. Но смысл истории лежит за ее пределами и предполагает ее конец. История имеет смысл потому, что она кончится. История, не имеющая конца, была бы бессмысленна. Бесконечный прогресс бессмысленен. Поэтому настоящая философия истории есть философия истории эсхатологическая…» [4; С. 286]. Таким образом, еще одной глубинной предпосылкой эсхатологической философии истории является попытка придать смысл и цель различным историческим явлениям, объединенным в представлении человека в виде исторического процесса.

Можно с уверенностью утверждать, что эсхатологические воззрения на историю сопровождают человечество на протяжении всего пути его развития. Они укоренены в бытийственности самого человека, в его вечно рефлексирующем сознании, пытающемся понять смысл и личного существования, и смысл существования человечества вообще. Задумываясь о смысле, назначении и движении мира, люди с самых ранних времен пытались представить это самое развитие в виде какой-то схемы. И почти во всех попытках проследить развитие мироздания вообще, и процесса истории, в частности, можно заметить эсхатологические мотивы. В этой связи целесообразно рассматривать «конец истории» как всеобщий мирообъясняющий концепт, служащий для объяснения закономерностей различных социальных и исторических процессов. Несомненно, что «конец истории» является неотъемлемым элементом представлений человека о развитии истории, во многом определяющим для него нравственные императивы и детерминирующим его поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и преставление / А. Шопенгауэр. – В 2 т. – Т. 2. – Минск, 1999. – С. 627.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – С. 27.

3. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. – М., 1993. – Т. 1. – С. 379.
4. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. – Лениздат, 1991. – С. 281.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1994. – С. 241.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М., 2004. – С. 9.

УДК 130.2

Н.В. Букина, аспирантка, ЧитГУ

КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Научные интересы: философия, культурология, антропология

В статье рассматриваются основные подходы к определению культуры, на основе которых дается определение культурного кода в соответствии с его семантико-семиотической природой. Кроме того, культурный код рассматривается как язык культуры через многообразие его проявлений. В заключение делается вывод о том, что культурный код может претендовать на культурную универсалию ■

N. Bukina, Chita State University

CULTURAL CODE AS A LANGUAGE OF CULTURE

In the article author present some essential issues on culture definition. Author tells about cultural code and comparing it with language of culture. The article may be interested for philosophers and culturologist ■

* * *

Часто в повседневной жизни мы встречаемся со словом «культура». При этом можем говорить о культуре общения, о домах культуры, о культурных людях, о национальных культурах и даже об одноименном телевизионном канале. Вместе с тем, культура – одно из фундаментальных понятий гуманитарных наук. Его осмысление раскрывает новые возможности философской рефлексии, благодаря которой в истории философии культуры оформилась категориальная и концептуальная база.

Культура – это сложный феномен человеческого бытия. Существуют различные подходы к её пониманию. Неоднозначная трактовка культуры породила множество тео-

рий, концепций и направлений, связанных с этим феноменом. Чтобы упорядочить это множество толкований культуры, выделим несколько основных подходов:

1) онтологический – культура рассматривается как неотъемлемая часть бытия, в котором она определяет всеобщие основы, принципы, структуру и закономерности существования. Данный подход объективизирует роль культуры в формировании бытия, лишая её субъективного фактора;

2) гносеологический подход определяет культуру через её познавательную функцию. Культура в данном случае – это совокупность навыков и умений, позволяющих познавать объективную реальность. При этом не учитывается накопленный человечеством опыт, а также деятельностный аспект культуры;

3) согласно аксиологическому подходу, культура должна пониматься как совокупность лучших творений человеческого духа, высших непреходящих духовных ценностей, созданных человеком. Аксиологический взгляд в культуру сужает её сферу, относя к ней лишь ценности – позитивные результаты деятельности людей;

4) антропологическое понимание культуры предполагает, что культура охватывает все, что отличает жизнь человеческого общества от жизни природы, все стороны человеческого бытия. С этой точки зрения в культуре наряду с разумным есть и неразумное. Эволюция антропологического подхода к трактовке культуры фактически привела к распаду общего содержания этого понятия на ряд частных представлений, отражающих отдельные стороны и проявления культуры.

Таким образом, культура предстает перед нами многогранным явлением. Рассмотренные нами подходы могут быть значительно расширены и дополнены, однако это не является целью нашей работы. На основании данных подходов можно выделить еще один – семантико-семиотический подход, раскрывающий культуру с точки зрения её формы и содержания. В этом случае культура – это целостное образование, имеющее внутреннюю структуру и внешнее выражение. Целостность формы и содержания, внутреннего и внешнего, семантики и семиотики позволяет говорить об экстра- и интраполярных свойствах культуры. Такая взаимообусловленность культуры дает возможность осмыслить природу и сущность культурного кода, увидеть его внутреннюю структуру под внешней оболочкой.

Рассмотрение культурного кода можно осуществить по аналогии с анализом подходов к определению культуры. Вслед за указанными подходами выделяем:

1) онтологическое видение культурного кода. В данном случае культурный код предстает в качестве некой универсальной категории бытия. Интересную позицию в отношении социокультурных кодов занимает К.К. Васильева. Согласно её теории, «культура отдельно взятого общества представляет собой внутренне неразрывно взаимосвязанную, самоценную систему содержательных и аксиологический универсалий. В свою очередь универсальные социокультурные коды, фундаментальные символы продолжают сохраняться в явной и неявной формах, изменяясь сообразно специфике конкретного реального исторического времени» [1]. Как видим, К.К. Васильева говорит не просто о культурных кодах, а связывает их с культурой того или иного общества, доказывает существование неких культурных универсалий (будь то культ плодородия, «…центрированный сексуальным символом», или русский мат как социокультурный феномен; или «элементы тотемического зооморфизма» как социокультурный код, сохраняющийся и в наши дни);

2) гносеологический подход – определяет культурный код через призму познания окружающей действительности и получения информации. Фундаментальной теорией культурного кода в данном подходе послужила

трактовка ведущих российских культурологов Ю.Н. Солонина и М.С. Кагана. Соглашаясь с А.С. Карминным в типологии знаков и знаковых систем и рассматривая культуру с точки зрения информационно-семиотического подхода, ученые пошли дальше в своих рассуждениях и проанализировали первичные и вторичные знаковые системы. При этом к первичным отнесли естественные языки и знаковые системы, образующие семиотическое поле. «Вторичные же моделирующие системы», по мнению авторов, не совсем удачное название и его иногда заменяют словосочетаниями «вторичные знаковые системы», «вторичные языки культуры», «культурные коды». Но как бы они ни назывались, их отличает более сложная структура (они «приобретают дополнительную сверхструктуру», как говорил Лотман), что позволяет с их помощью в разных ракурсах моделировать мир, в котором мы живем. «Под «вторичными моделирующими системами» имеются в виду такие семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов» [2];

3) аксиологический подход – представляет культурные коды как ценностно-значимые образования для определенной группы людей. Так, например, в работе Т.Б. Щепанской культурные коды проанализированы через отдельные проявления молодежной субкультуры и выступают в качестве «…поля общепонятной символики, объединяющей различные тусовки и составляющие основу Системы, её культурный код» [3]. Несмотря на то, что Т.Б. Щепанская дает подробную классификацию культурных кодов, в её концепции четко прослеживается мысль о культурных кодах как наборе символов, значимых и ценных для определенной субкультуры. Очевидно, что в рамках нашей темы сведение культурного кода к семиотико-аксиологическому конгломерату недостаточно. Именно поэтому следует определить разницу между знаком и культурным кодом.

Согласно определению, предложенному А.С. Карминым: «знак есть предмет, выступающий в качестве носителя информации о других предметах и используемый для её приобретения, хранения, переработки и передачи» [4]. Знаки образуют знаковые системы и охватывают в культуре различные объекты: и разговорные языки, и искусственные языки – язык математики, химии и т.д., и системы сигнализации, и языки искусства, и правила этикета, и религиозные символы и ритуалы, и вообще любые множества предметов, которые могут служить средствами для выражения какого-либо содержания.

Говоря о знаках, следует дать определение слову «символ». Часто «символ» употребляется для обозначения всякого знака вообще, т.е. как равнозначное слову «знак». В нашей работе мы будем употреблять слово «символ» как «…знаки, которые не только изображают некоторый объект, но и несут в себе добавочный смысл: выражают общие идеи и понятия, связанные с толкованием этого объекта» [4; С. 38]. Примеры символов: эмблемы, гербы, ордена, знамена; крест в христианской религии.

Однако в нашей концепции ни символ, ни знак сами по себе не являются культурными кодами, как не является ими ещё одно значительное явление культуры – культурный текст. По определению Ю.М. Лотмана, культура – это созданный человечеством «механизм, имеющий целью выработку и хранение информации» [5]. Она включает в себя множество знаков и знаковых систем, с помощью которых образуются культурные тексты, в которых эта информация запечатлевается и хранится. Под словом «текст» в культурологии понимается не только письменное сообщение, но любой объект – произведение искусства, вещь, обычай и т.д. – рассматриваемый как носитель информации. Для того, чтобы знать и понимать культуру, важно уметь «читать» её культурный текст. При этом составляющие культурного текста всегда доступны прочтению, чего

нельзя сказать о культурном коде;

4) антропологический подход – определяет культурный код через субъективный фактор. Другими словами, культурный код предстает здесь сугубо индивидуальным образованием, и для каждого человека система культурных кодов своя. Стихи А.С. Пушкина имеют знакомое всем словесно-буквенное выражение, но их восприятие будет индивидуальным.

Рассмотренные подходы позволяют осмыслить семантико-семиотическое выражение культурного кода; это позволит нам говорить об экстра- и интраполярных свойствах кода по отношению к культурному пространству, что в свою очередь приводит к мысли о рассмотрении культурного кода как языка культуры.

Можем предположить, что исторически первыми о культурном коде как о языке культуры говорили структуралисты (напр., К. Леви-Строс, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида и др.). Структуралисты не вводят понятие культурного кода в научный обиход. Однако они говорят о языках культуры, которые в некотором смысле близки к интересующему нас понятию. «Знаки и символические области формируют языки культуры, представляющие собой организацию многообразия представлений об окружении в отдельные социальные целостности, имеющие свои границы, внутреннюю структуру, символические формы выразительности, правила комбинирования соответствующих знаков и символов. Область распространения таких языков находится между людьми и окружением и существует как область зафиксированных значимых для людей позиций в их отношении с окружением. Соответственно, они образуют определенные культурные пространства, отличные друг от друга по характеру обозначаемых и кодом, трансформирующим их в обозначающие» [6].

Так, например, Клод Леви-Строс, анализируя группы мифов, приходит к выводу, что «кодам, скрепляющим собой большие семантические подразделы в мифологическом мышлении, принадлежит, по сути, роль категорий мифологического мышления» [7].

Современная энциклопедия по культурологии даёт такое толкование языку культуры: «совокупность культурных объектов, обладающая внутренней структурой (комплексом устойчивых отношений, инвариантных при любых преобразованиях), явными (формализованными) или неявными правилами образования, осмысления и употребления её элементов, и служащая для осуществления коммуникативных и трансляционных процессов (производства культурных текстов)» [8]. В данном случае именно «явные или неявные правила образования, осмысления и образования элементов языка культуры» будут составлять культурные коды. Языки культуры, как и сама культура, имеют различную типологию.

Языки культуры можно дифференцировать по отнесенности к определенной области действительности или человеческой деятельности (язык искусства, сленг математики); по принадлежности к определенной (этнической, профессиональной, историко-типологической и т.д.) субкультуре, языковому сообществу (англ. язык, язык хиппи); по знаковой представленности, ее типам (вербальный, жестовый, графической, иконической, образный, формализованный языки) и видам — определенным культурным порядкам (язык причесок, язык костюма); по специфике смысловой выразительности (информационно содержательные, эмоционально выразительные, экспрессивно значимые) и ориентации на определенный способ восприятия (рациональное познание, интуитивное понимание, ассоциативное сопряжение, эстетическое чувствование, традиционное отнесение); по специфике внутренних грамматических, синтаксических и семантических правил (семантически открытые и замкнутые языки, языки с полным и неполным синтаксисом и т.д.); по ориента-

ции на определенные коммуникативные и трансляционные ситуации (язык политических речей, язык официальных документов); с точки зрения приоритетности и популярности на том или ином уровне культуры, в той или иной ее специализированной форме, в той или иной субкультуре [8].

Поскольку культурный код с его семантико-семиотическим выражением подходит ко всем перечисленным уровням, то культурный код может не только считаться языком культуры, но и быть универсальным для любой модели культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева К.К. Стадиальность социокультурных кодов / К.К. Васильева // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. – Философия. – 2002. – № 5. – С. 91.
2. Культурология: учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2007. – С. 128.
3. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т.Б. Щепанская. – М.: ОГИ, 2004. – С. 59.
4. Кармин А.С. Культурология / А.С. Кармин, Е.С. Новикова. – СПб.: Питер, 2004. – С. 24.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб., 2000. – С. 395.
6. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология: учебное пособие для вузов / Э.А. Орлова. – М.: Академический проект, 2004. – С. 174.
7. Леви-Строс К. Путь масок / К. Леви-Строс; пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. – М.: Республика, 2000. – С. 15-16.
8. Махлин В.Л. Язык культуры / В.Л. Малхин // Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб., 2000. – Т. 2. – М-Я. – С. 543.

ПРАВО

УДК 342.729 (47+57)

Р.С. Буянтуева, аспирантка, БГУ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВОБОДЫ МАНИФЕСТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научные интересы: конституционное право

В данной статье рассматривается нормативно-правовое регулирование свободы манифестаций, начиная с царской России и до настоящего времени ■

R. Buyantueva, Buryat State university

NORMATIVELY-LEGAL ADJUSTING OF FREEDOM OF MANIFESTATION IN RUSSIAN FEDERATION

However, as well as other political rights and freedoms, freedom of manifestations was folded not immediately. In this article examined normatively-legal adjusting of freedom of manifestations, since tsar's Russia and to the present days ■

* * *

Политические права и свободы складывались не сразу, а в долгом, трудном и противоречивом процессе. Так, например, в законодательстве царской России не было статьи о свободе шествий. Свобода же собраний обставлялась множеством оговорок. Различное отношение в царской России к свободе шествий и свободе собраний вполне объяснимо. Царское правительство не запрещало собрания, т.к. они были необходимы господствующему классу. В уличных же шествиях народ выражал свои требования, поэтому царское правительство хорошо понимало, что подобного рода народные манифестации могли привести и к восстаниям, бунтам.

Таким образом, в законодательстве была статья о свободе собраний, но в значительно урезанном виде. В ст. 78 Основных государственных законов написано, что «российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противоречащих законам…» [1]. Из этой статьи следует, что любое собрание трудящихся, борющихся против царских законов, является нелегальным. Данная статья не ограничивалась запретом. Она отсылала к специальному закону, которым определялись «условия, при которых могут происходить собрания», то есть заранее допускалась возможность закрытия собрания. В законе говорится об «ограничении мест для собраний». Здесь следует отметить, что помещики и буржуазия имели помещения для проведения своих

собраний, в то время как рабочие и крестьяне не имели такой возможности. Поэтому под предлогом того, что собрание проходит в «неподходящем месте», можно было разогнать любое собрание рабочих или крестьян.

Особенностью законодательства царского правительства было то, что хотя специального закона о массовых публичных мероприятиях не было, но существовал целый ряд подзаконных правил и циркуляров. Государственная Дума в мае 1906 г. пыталась принять закон о массовых публичных мероприятиях, но не смогла. Основное внимание в циркулярах уделялось разрешительному порядку проведения собраний [2].

Императорским указом от 4 марта 1906 г. «О временных правилах о собрании» [3], принятым в короткий период конституционной монархии, сложившейся после знаменитого царского Манифеста от 17 октября 1905 г. [4], был урегулирован механизм реализации публичных собраний в России. Таким образом, российские ученые получили возможность его исследовать. В.М. Гессен, анализируя действующее российское законодательство, выделял подготовительные собрания выборщиков и «публичные собрания вообще, устраиваемые на основании правил 4 марта 1906 г. При этом он отмечал, что в отношении последних государственные органы обладают наибольшей дискреционной властью [5].

В 1918 г. была принята первая советская конституция – Конституция РСФСР. Характерной особенностью данной конституции явилось то, что она предоставляла рабочему классу преимущества в области политических прав по сравнению с крестьянством и другими социальными группами. Помещики и буржуазия были лишены избирательных прав. Конституция РСФСР 1918 г. предоставляла трудящимся свободу собраний, понимая под нею право устраивать не только собрания, но также митинги и шествия [6], имелись в виду и другие мероприятия, которые можно было трактовать как собрания, употребляя формулу «и т.п.». В конституции особо оговаривалось, что право на свободу собраний предоставляется только трудящимся. В условиях гражданской войны нельзя было разрешать буржуазии устраивать антисоветские митинги и шествия, поэтому эксплуататорским классам такое право не было предоставлено.

Конституция СССР 1936 г. ограничивала пределы действия свободы манифестаций «интересами трудящихся» и целями «укрепления социалистического строя» [7]. Конституция СССР 1977 г. лишь обновила фразеологию, заменив «интересы трудящихся» «интересами народа», а к цели укрепления социалистического строя законодатель добавил цель его развития [8].

Фактически же положение не изменилось: митинги и демонстрации проводились по инициативе партийных органов в дни официальных праздников или же в поддержку партийных и государственных решений. Только коренное изменение общественной жизни, вызванное перестройкой, привело к сдвигам в этой области.

В условиях политического плюрализма, возрастания политической активности народа и превращения манифестации в реальную форму действительно самостоятельного волеизъявления народа формулировка конституционной нормы, закрепляющей свободу манифестаций, в ряде республиканских конституций подверглась изменению. Например, Конституция РСФСР 1978 г. закрепляет, что «граждане Российской Федерации вправе собираться мирно и без оружия, проводить митинги, уличные шествия, демонстрации и пикетирование при условии предварительного уведомления властей» [9]. Как видим, из нее исчезли идеологические обороты, что в большей степени соответствовало международным нормам. И уже Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., провозгласила свободу манифестаций в полном соответствии международным нормам [10].

Вплоть до 2004 г. нормативно-правовое регулирование права граждан на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Российской Федерации осуществлялось в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 № 9306-XI «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» [11], с некоторыми изменениями продленного Указом Президента Российской Федерации от 25.05.1992 № 524 «О порядке организации и проведения митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетировании» [12]. При этом устанавливалось, что нормы упомянутого Указа Президиума Верховного Совета СССР будут применяться до принятия соответствующего закона Российской Федерации. Уже одно то, что такое временное положение сохранялось на протяжении двенадцати последующих лет, показывает, как непросто решался вопрос о выработке механизма реализации конституционного права граждан на мирные собрания.

В Российской Федерации самым ранним нормативным актом является принятое 26 июня 1991 г. Постановление Президиума Верховного Совета Татарской АССР «О порядке проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования в городе Казани» [13]. Затем и в других субъектах Российской Федерации начали принимать нормативные акты, регулирующие порядок организации и проведения публичных массовых мероприятий. Например, в Республике Башкортостан порядок проведения публичных мероприятий закреплен Законом «О свободе собраний, демонстраций и других публичных мероприятий в Республике Башкортостан» от 2 апреля 1993 г. [14]. В данном законе отмечается, что порядок публичного мероприятия носит уведомительный характер, предусматривается наличие организатора и определенных участников публичного мероприятия с определенными ограничениями, определение выбора времени проведения публичного мероприятия и ограничения по его выбору, подготовку публичного мероприятия.

В ст. 30 Конституции Республики Мордовия отражено право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, шествия и пикетирование [15].

Статья 69 «Мирные массовые акции населения» Устава г. Москва закрепляет право граждан на территории г. Москва «собираться мирно и без оружия, проводить митинги, уличные шествия, демонстрации и другие мирные массовые акции в соответствии с федеральным законодательством, законами и другими нормативными актами г. Москва» [16].

С учетом изложенного нельзя не сказать о том, что принятый 19 июня 2004 г. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [17] имел большое значение для дальнейшего развития российской демократии.

Данный закон имеет много отличий по сравнению с действовавшим до его принятия Указом Президиума Верховного Совета СССР 1988 г. Например, последний предусматривал право органов исполнительной власти запрещать проведение митингов, шествий или демонстраций в случае, если их цели противоречили конституции страны, равно как и конституциям ее субъектов, либо угрожали общественному порядку и безопасности граждан [18]. Напротив, Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» такого права не органам исполнительной власти не предоставляет, а устанавливает лишь перечень мест, где их проведение запрещено [19]. Таким образом, данный закон вводит уведомительный порядок проведения публичных мероприятий. Суть нововведения состоит в том, что, согласно данному закону, организатор публичного мероприятия не спрашивает у органа исполнительной власти или местного самоуправления разрешения

на его проведение, а лишь информирует о своих намерениях [20]. Соответственно, предусматривается право организатора публичного мероприятия на информирование граждан о месте, времени и целях его проведения с момента подачи уведомления об этом [21]. В соответствии с Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» «проведение публичного мероприятия основывается на следующих принципах:

1) законность – соблюдение положений Конституции Российской Федерации, настоящего Федерального закона, иных законодательных актов Российской Федерации;

2) добровольность участия в публичном мероприятии» [22].

В Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» публичное мероприятие определено как «открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных организаций» [23]. Согласно закону, «целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики» [23].

Проведение публичных мероприятий в целях предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума регулируется как Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», так и законодательством Российской Федерации о выборах и референдумах [24].

Действие Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не распространяется на религиозные обряды и церемонии, на спортивные, театральные и любые другие публичные мероприятия, целью которых не является свободное выражение и формирование мнений, либо выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики.

Согласно Федеральному закону от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», «Профсоюзы… имеют право на организацию и проведение в соответствии с федеральным законом забастовок, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и других коллективных действий, используя их как средство защиты социально-трудовых прав и интересов работников» [25].

«Военнослужащие вправе в свободное от исполнения обязанностей военной службы время мирно, без оружия участвовать в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, проводимых вне территории воинской части»[26].

«Обучающиеся, воспитанники… образовательных учреждений могут проводить во внеучебное время собрания и митинги по вопросам защиты своих нарушенных прав. Администрация образовательного учреждения не вправе препятствовать проведению таких собраний и митингов, в том числе на территории и в помещении образовательного учреждения, если выборными представителями обучающихся, воспитанников выполнены условия проведения указанных собраний и митингов, установленные уставом образовательного учреждения. Такие собрания и митинги не могут проводиться в нарушение установленных законодательством Российской Федерации требований соблюдения общественного порядка и не должны препятствовать образовательному и воспитательному процессам» [27].

«Граждане имеют право …принимать

участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, сборе подписей под петициями, референдумах по вопросам охраны окружающей среды и в иных, не противоречащих законодательству Российской Федерации акциях…» [28].

Публичные мероприятия, в ходе которых звучат призывы к войне и насилию, разжигается расовая, этническая или религиозная ненависть, должны рассматриваться как не подпадающие под определение «мирные собрания» и подлежат прекращению. Следует согласиться с рекомендациями, содержащимися в Руководящих принципах Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, согласно которым, например, призывы к насильственному изменению (свержению) конституционного строя составляют достаточную основу для прекращения публичного мероприятия [29]. Соответственно, действия властей, направленные на прекращение подобного публичного мероприятия, не являются нарушением права на мирные собрания. С другой стороны, публичное осуждение действующих властей, призывы к их отставке или наказанию законными средствами, равно как и публичное выражение мнения о необходимости изменения конституционного строя путем применения предусмотренных законом процедур, не должны ограничиваться, поскольку они соответствуют общепринятой концепции обеспечения права на свободу манифестаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные государственные законы. Высочайше утвержденные 23 апреля 1906 года / Свод законов Российской империи. – СПб., 1906. – Т. 1. – Ч. 1. – Ст. 78.
2. Сивопляс А.В. Юридическая природа и механизм реализации свободы манифестаций, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и других публичных акций в Российской Федерации: автореф. дисс. …канд. юрид. наук / А.В. Сивопляс. – Екатеринбург, 1993. – С. 11.
3. Указ от 4.03.1906 «О временных правилах о собрании» // Собрание Узаконений. – 1906. – № 48 – Ст. 309.
4. Манифест от 17.10.1905 // Законодательство эпохи империализма и буржузано-демократических революций // Российское законодательство X-XX вв. – М., 1994. – Т. 9. – С. 41.
5. Гессен В.М. Русское государственное право / В.М. Гессен. – СПб., 1909. – С. 240-242.
6. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582. – Ст. 15.
7. Конституция (Основной закон) Союза советских социалистических республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, № 283, 06.12.1936. – Ст. 125.
8. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617. – Ст. 50.
9. Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России (принята Верховным Советом СССР 12.04.1978) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1978. – № 15. – Ст. 407. – Ст. 49.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – № 237. – 25.12.1993. – Ст. 31.
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 № 9306-XI «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1988. – № 31. – Ст. 504.
12. Указ Президента Российской Федерации от 25.05.1992 № 524 «О порядке организации и проведения митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетировании» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 04.06.1992. – № 22. – Ст. 1216.
13. Постановление Президиума Верховного Совета Татарской АССА от 26.06.1991 «О порядке проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования в городе Казани» // http://www.tatar.ru/
14. Закон Республики Башкортостан от 02.04. 1993 «О свободе собраний, демонстраций и дру-

гих публичных мероприятий в Республике Башкортостан»// http://www.bashedu.ru/konkurs/kusimov/html/93040201.html
15. Конституция Республики Мордовия (принята 21.09.1995) // http://www.constitution.garant.ru/DOC_8803610.htm. – ст. 30.
16. Закон города Москвы от 28.06.1995 «Устав города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. – № 8 (Ст. 130). – 14.09.2001. – Ст. 69.
17. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. – 21.06.2004. – № 25. – Ст. 2485.
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 № 9306-XI «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1988. – № 31. – Ст. 504. – П. 6.
19. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. – 21.06.2004. – № 25. – Ст. 2485. – П. 2. – Ст. 8.
20. Там же. – П. 2. – Ст. 7.
21. Там же. – Ч. 1 – Ст. 10.
22. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. – 21.06.2004. – № 25. – Ст. 2485. – Ст. 3.
23. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. – 21.06.2004. – № 25. – Ст. 2485. – П. 1. – Ст. 2.
24. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2004. – № 27. – Ст. 2710. – Ст. 60, 63, 68; Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации.– 17.06.2002. – № 24. – Ст. 2253. – Ст. 48, 53; Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 23.05.2005. – № 21. – Ст. 1919. – Ст. 60, 62; Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.01.2003. – № 2. – Ст. 171. – Ст. 49, 54, 56; Федеральный закон от 26.11.1996 № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.12.96. – № 49. – Ст. 5497. – Ст. 25.
25. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.01.1996. – № Ст. 148. – Ст. 14.
26. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.06.1998. – № 22. – Ст. 2231. – П. 2. – Ст. 7.
27. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3802. – Ч. 3. – Ст. 9.
28. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.01.2002. – № 2. – Ст. 133. – Ч. 2. – Ст. 11.
29. Руководящие принципы по свободе мирных демонстраций Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Варшава, 2007 // www.legislationlime.org

УДК 34

В.А. Фалилеев, прокурор Читинской области,
государственный советник юстиции 3 класса

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИИ ПОДАЧИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ (СТ. 215.1 УК РФ)

Научные интересы: уголовные процессы в сфере ЖКХ

В статье рассматривается состояние жилищно-коммунальной сферы в стране, недостаточность бюджетного финансирования, кризис неплатежей, другие негативные проявления, приведшие к многочисленным фактам незаконного отключения потребителям электроэнергии. Рассмотрена практика применения ст. 215.1 УК РФ – прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения ■

V. Falileev, Public prosecutor of Chita region, State advisor of justice III rang

PROBLEMS OF IMPLEMENTING LAW PRACTICE IN CRIMINAL CASES CONCERNING ILLEGAL DISCONNECTION OR LIMITATION OF ENERGY CONSUMPTION

Activities of housing-municipal service in our country leave much to be desired. Insufficiency of budget funds, non-payment crisis, other negative factory lead to numerous cases of illegal disconnection of energy consumption. Considering legislation in the sphere of energetics too broad and contradictory, law and judicial bodies of Russian Federation use various practices of implementing Article 215.1 (Criminal Code of Russian Federation) – disconnecting or limitation of electricity supply or disconnections from other sources of housing-municipal service ■

* * *

В последние годы, несмотря на крупные социально-экономические преобразования в нашей стране, состояние жилищно-коммунальной сферы все еще оставляет желать лучшего. Недостаточность бюджетного финансирования, кризис неплатежей, другие причины привели к многочисленным фактам отключения потребителям электроэнергии. Многие факты таких отключений носят незаконный, а порой и преступный характер. Порой руководители энергоснабжающих организаций незаконные отключения применяют как метод давления на злостных неплательщиков с целью вынудить их погасить кредиторскую задолженность. Должниками являются, как правило, перепродавцы – муниципальные унитарные предприятия жилищно-коммунальной сферы. Учитывая, что федеральное законодательство и законодательство субъектов РФ в сфере энергетики весьма обширно, в правоохранительных и судебных органах регионов РФ сло-

жилась различная правоприменительная практика оценки законности или незаконности отключений электроэнергии.

По вопросу квалификации преступления, предусмотренного ст. 215.1 УК РФ – прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения, в настоящее время отсутствует обобщение судебной практики в виде постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Судебные решения по конкретным делам в разных регионах противоречивы. Нередки ситуации, когда судами при рассмотрении уголовных дел в схожих ситуациях принимаются прямо противоположные решения.

Как известно, термин «незаконные действия», включенный в диспозицию той или иной статьи УК РФ, подразумевает бланкетный характер диспозиции уголовно-правовой нормы. Признаки состава преступления (в ст. 215.1 УК РФ к их числу относится также, к примеру, признак «иные тяжкие последствия») – это закрепленные в уголовном законе обстоятельства, определяющие характер и типовую степень опасности содеянного и сказывающиеся на его законодательной оценке. По мнению В.Н. Кудрявцева, признаки преступления «являются существенными, отличительными, необходимыми и достаточными для квалификации преступлений» [1].

Незаконным следует признать действие, совершенное вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку [2]. Вопросы снабжения электроэнергией или иными источниками энергии определены параграфом 6 («Энергоснабжение») гл. 30 ГК РФ. Кроме того, в данной сфере действует множество подзаконных актов: Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и др.

Особое значение приобретает квалификация судом действий субъектов преступления, предусмотренного ст. 215.1 УК РФ, поскольку результатом их оценки в рамках уголовного судопроизводства может быть как обвинительный, так и оправдательный приговор. Так, судом был оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 215.1 и ч. 2 ст. 215.1 УК РФ, гражданин А. – исполнительный директор организации, осуществляющей поставки электроэнергии МУП, в свою очередь, перепродающему электроэнергию населению. А., с точки зрения следствия, незаконно ограничил и затем отключил подачу электроэнергии МУП, что повлекло, соответственно, отключение электроэнергии в многоквартирном жилом доме, не имеющем иного источника энергоснабжения. Большинство жильцов дома исправно оплачивали предоставленную электроэнергию. По мнению суда, действия А. были законными, то есть соответствующими нормам ГК РФ и постановления Правительства РФ от 05.01.1998 г. «О порядке прекращения или ограничения подачи электрической и тепловой энергии и газа организациям-потребителям при неоплате поданных им (использованных ими) топливно-энергетических ресурсов». Судом указано, что в действиях А. отсутствуют указанные составы преступления, поскольку им соблюдена процедура ограничения и последующего отключения электроэнергии, предусмотренная указанным постановлением Правительства РФ. Нарушение прав жильцов дома имело место, по мнению суда, по вине руководства МУП ЖКХ, фактически бросившего граждан на произвол судьбы. Аналогичные ситуации имели место во многих регионах. Причем ошибочные, на наш взгляд, правовые решения принимались и на стадии предварительного расследования уголовных дел, и в ходе проверок в порядке ст. 144, 145 УПК РФ.

К примеру, с аналогичной мотивацией принятого решения прокуратурой одного из городов было прекращено уголовное дело по обвинению начальника структурного подразделения РАО «ЕЭС России», по указанию которого было введено режимное элек-

троснабжение организации-производителя тепловой энергии. В результате этих действий прекращена подача тепловой энергии в жилой микрорайон. Доводом в пользу прекращения уголовного дела следователем послужило признание ограничений подачи электроэнергии законными в связи с наличием задолженности у производителя тепловой энергии.

Позиции правоприменителей в приведенных примерах, по нашему мнению, являются оспоримыми. Анализ практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел рассматриваемой категории в различных субъектах Российской Федерации показал, что следователями органов прокуратуры, производящими согласно п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 215.1 УК РФ, самостоятельно вырабатываются различные алгоритмы квалификации и расследования рассматриваемых деяний. Недостаточность методических рекомендаций, несомненно, усложняет действия следователей и прокуроров.

В целом, исходя из анализа уголовных дел данной категории, следует прийти к выводу, что аргументация незаконности действий должностных лиц, «управленцев» коммерческих и иных организаций, и следовательно, процессуальные документы органов предварительного следствия и суда должны содержать ссылки на ГК РФ и подзаконные нормативные акты.

В соответствии с п. 3 ст. 541 ГК РФ, в случаях, когда абонентом по договору энергоснабжения выступает гражданин, использующий электроэнергию для бытовых нужд, он вправе использовать энергию в необходимых ему количествах. При этом односторонний отказ от выполнения условий договора либо изменение его условий по количеству не допускается. Пунктами 2 и 3 ст. 546 ГК РФ допускается перерыв в подаче, прекращение или ограничение подачи энергии по соглашению сторон, за исключением случаев, когда неудовлетворительное состояние энергетических установок абонента угрожает аварией или создает угрозу жизни и безопасности граждан.

Исходя из смысла ст. 539 и 540 ГК РФ, сторонами в договоре энергоснабжения являются энергоснабжающая организация, абонент, которым, согласно договору энергоснабжения, является организация-перепродавец, то есть, как правило, МУП ЖКХ, и субабонент-потребитель, имеющий энергопринимающие устройства, присоединенные к сетям энергоснабжающей организации. Исполнитель обязан предоставлять услуги установленного качества (потребительских свойств и режима потребления). При этом для услуг энергоснабжения показателем их качества является бесперебойное круглосуточное снабжение в течение года, в соответствии с действующими стандартами.

Кроме того, согласно п. 6 «Порядка прекращения или ограничения подачи электрической и тепловой энергии и газа организациям-потребителям при неоплате поданных им (использованных ими) топливно-энергетических ресурсов», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 1 от 5 января 1998 г., в случаях, когда к сетям, принадлежащим организации-потребителю, подключены абоненты, которые своевременно оплачивают использованные топливно-энергетические ресурсы, организация-потребитель обязана по соглашению с энергоснабжающей или газоснабжающей организацией обеспечить подачу этим абонентам топливно-энергетических ресурсов в необходимых для них объемах.

Таким образом, ограничение или отключение энергоснабжения, осуществляемое организацией-производителем в связи с неоплатой предоставленных услуг организацией-посредником, которой в приведенном примере является МУП ЖКХ, считается незаконным в случаях, если такие ограничения или отключения подачи электроэнергии (иных ресурсов) влекут нарушения прав граждан-

абонентов, являющихся добросовестными плательщиками предоставленных услуг. Незаконные отключения нарушают конституционные права граждан, в частности, право на пользование собственностью (квартирой, домом), а также иные права, предусмотренные ст. 35, 40-42 Конституции РФ.

К разрешению вопроса о признании незаконными отключения или ограничения подачи электроэнергии и иных ресурсов существует иной подход, выработанный рядом прокуратур субъектов РФ. Он заключается в следующем: большинство организаций-поставщиков, входящих в состав РАО «ЕЭС России», являются, в соответствии со ст. 3, 4 ФЗ РФ «О естественных монополиях», субъектами естественных монополий, то есть имеют долю на данном рынке услуг, превышающую 35 %.

В соответствии со ст. 5 Закона РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», субъекту естественной монополии запрещаются действия, которые своим результатом могут иметь ограничение и (или) ущемление других хозяйствующих субъектов или физических лиц, в том числе такие действия, как сокращение или прекращение производства товаров, на которые имеется спрос или заказы потребителей при наличии безубыточной возможности их производства.

Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке. Также, согласно требованиям указанной статьи ГК РФ, защита гражданских прав должна осуществляться разумно и добросовестно. Злоупотреблять правом запрещается, если это ведет к нарушениям прав и интересов других лиц. Злоупотребление правом выражается, в том числе, и в том, что энергоснабжающая организация, имея возможность использовать другие способы защиты права, применяет только крайние меры, то есть отключает или ограничивает поставку энергии.

Несмотря на наличие долга у юридических или физических лиц, являющихся потребителями энергии, организацией-производителем и поставщиком энергии при прекращении или ограничении подачи энергии не всегда представляются доказательства отсутствия безубыточной возможности производства электроэнергии. В связи с этим прекращение или ограничение, как правило, не соответствует приведенным нормам действующего законодательства.

Такой вариант правовой оценки незаконности действий по ограничению или отключению подачи энергоресурсов используется органами прокуратуры как в рамках проведения проверок в порядке ст. 144, 145 УПК РФ, предварительного следствия и поддержания государственного обвинения в суде, так и при подаче исков в порядке ст. 45 ГПК РФ.

Интересна практика признания незаконными действий по ограничению и отключению источников жизнеобеспечения, выработанная одной из прокуратур. Обращаясь в суды с заявлениями в интересах неопределенного круга лиц (муниципальных образований) в порядке ст. 45 ГПК РФ о признании незаконными действий энергоснабжающих организаций, прокуроры аргументировали свою позицию ссылками на указанные ст.ст. 10, 546, 523 ГК РФ, а также п. 6 «Порядка прекращения или ограничения подачи электрической и тепловой энергии и газа организациям-потребителям при неоплате поданных им (использованных ими) топливно-энергетических ресурсов», утвержденного постановлением Правительства РФ № 1 от 5 января 1998 г., ч. 1 ст. 38 ФЗ РФ «Об электроэнергетике», ст. 5 Закона РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Суды удовлетворили частично или полностью все заявления прокуроров о признании незаконными действий руководителей энергоснабжающей организации по вопросам вводимых

ограничений или отключений энергоснабжения. Далее, как показала практика, руководителями соответствующих организаций ограничения или отключения как меры воздействия на конкретных должников не предпринимались. Создав защитный барьер и имея судебное решение (то есть как бы некий судебный прецедент) о признании действий энергоснабжающей организации незаконными, прокуроры фактически исключили дальнейшие незаконные действия энергоснабжающих организаций в отношении должников-перепродавцов энергии, защитив тем самым права граждан – добросовестных плательщиков.

Кроме того, судебное решение о признании действий энергоснабжающей организации незаконными, в случае допущения повторных действий подобного рода, повлекших наступление предусмотренных ст. 215.1 УК РФ последствий, позволяет безошибочно и аргументированно квалифицировать действия руководителя соответствующей организации по данной статье УК. В такой ситуации у суда сомнений по поводу необходимости вынесения обвинительного приговора практически не возникает.

Таким образом, анализ практики расследования и рассмотрения судами уголовных дел о незаконных ограничениях и отключениях подачи источников жизнеобеспечения, а также практики прокурорского надзора за соблюдением законности в данной сфере показывает, что в регионах страны выработаны различные подходы к пониманию вопроса незаконности совершения указанных действий. Это свидетельствует о гибкости мышления прокурорско-следственных работников и судей, но, в то же время, негативно, на наш взгляд, сказывается на защите прав граждан, пострадавших в результате незаконных действий руководителей энергоснабжающих организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Н. Кудрявцев. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М., 1999. – С. 94.
2. См., например, диспозицию ст. 330 УК РФ.

УДК 624.01

О.В. Фирсов, к. юрид. н., зав. каф.
«Государственное м муниципальное право», ЧитГУ

ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Научные интересы: конституционное (государственное) право России, оперативно-розыскная и административная деятельность, уголовное и административное право, уголовный процесс, криминалистика

В статье рассмотрены отдельные законодательные основания ограничения конституционного права человека и гражданина в Российской Федерации на неприкосновенность жилища в связи с проведени-

ем органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» ■

O. Firsov, Chita State University

LIMITATION PROBLEMS OF PERSONAL CONSTITUTIONAL RIGHT ON INVIOLABILITY OF DWELLING DURING OPERATIVE-INQUEST ACTIVITIES

The article deals with some legislative reasons of constitutional right of a person and a citizen of Russian Federation on inviolability of dwelling. This provisions are considered in connection with the operative-inquest activity of the bodies implementing. The programme «Inspection of premises, district sites and vehicles» ■

* * *

В соответствии со ст. 23 Конституции РФ жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Таким образом, ограничение конституционного права человека на неприкосновенность жилища допускается при наличии указанных целей, на основании судебного решения либо без судебного решения в случаях, установленных федеральным законом.

Ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища предусмотрено, в частности, Федеральным законом от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения стоящих перед ними задач вправе осуществлять оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ) «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

Помещения могут быть двух видов – жилые и нежилые. Статья 23 Конституции РФ закрепляет право на неприкосновенность только жилых помещений (жилища).

Законодатель дает определение понятия «жилище» в примечании к ст. 139 Уголовного кодекса РФ, где под жилищем в статьях УК РФ понимается индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение, независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания.

В несколько иной формулировке законодатель дает определение понятия «жилище» в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Согласно п. 10 ст. 5 УПК РФ под жилищем в уголовно-процессуальном законе следует понимать «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение, независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не

входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

Таким образом, в определении понятия «жилище» в уголовно-процессуальном законе законодатель заменил термины «пригодное» и «предназначенное», имеющиеся в формулировке понятия «жилище» в уголовном законе, на термин «используемое».

Какое же из этих законодательных определений понятия «жилище» следует применять?

С ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод Россия стала полноправным членом Совета Европы и признала обязательной для себя юрисдикцию Европейского Суда по правам человека. Вступление России в Совет Европы обуславливает распространение на нее общеевропейских норм. К таковым относится Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10.12.1948 г. и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 04.10.1950 г. и вступившая в силу 03.09.1953 г. В соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права».

Согласно ст. 13 Всеобщей декларации прав человека, «каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства». Кроме того, согласно ч. 1 ст. 40 Конституции РФ, «каждый имеет право на жилище».

Таким образом, по мнению автора, к жилищу следует относить любые пристанища, в которых человек проживает постоянно или временно. При отнесении помещения или строения к жилищу не должны иметь определяющего значения результаты оценки компетентных органов и (или) должностных лиц его пригодности или предназначенности для проживания. Известно, что около 1,6 млн чел. на территории России проживают в ветхом и аварийном жилье [1].

В уголовно-процессуальном законе (п. 10 ст. 5 УПК РФ) законодатель не употребляет оценочных терминов «пригодное» и «предназначенное», заменяя их более широким в толковании термином – «используемое» [2]. Согласно этому определению, по мнению автора, к жилищу следует относить любые помещения и строения, в которых человек постоянно либо временно живет. Данная формулировка понятия «жилище» в большей степени соответствует положениям Конституции РФ и международных норм.

Обследование жилых помещений (жилища) заключается в непосредственном или опосредованном (с использованием технических средств) визуальном их осмотре с целью обнаружения следов преступной деятельности, орудий совершения преступления, разыскиваемых преступников, заложников, а также получения другой оперативно-значимой информации [3].

Обследование жилища против воли проживающих в нем лиц (гласное и негласное) проводится, как правило, на основании судебного решения и при наличии информации [4]:

1) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;

2) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно;

3) о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ.

В ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД законодателем предусмотрены условия для проведения экстренного обследования жилища против воли проживающих в нем лиц без судебного решения.

Во-первых, наличие случая, который не терпит отлагательства и может привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ.

Во-вторых, обязательное уведомление суда (судьи) о проведении указанного ОРМ в течение 24 часов. В этих случаях допускается проведение данного ОРМ на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД. В течение 48 часов с момента начала проведения такого ОРМ орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении либо прекратить его проведение.

Не является нарушением неприкосновенности жилища проведение рассматриваемого ОРМ, сопряженного с вхождением в жилище с согласия хотя бы одного из проживающих в нем лиц либо в их отсутствие с разрешения и в присутствии администрации гостиницы, санатория, дома отдыха, пансионата, кемпинга, туристической базы, другого подобного учреждения, если такое ОРМ не связано с отысканием, осмотром вещей, имущества, принадлежащего лицам, постоянно или временно в них проживающим, и если вхождение в их отсутствие представителей администрации предусмотрено правилами пребывания (проживания, внутреннего распорядка) или условиями договора (уборка помещений, ремонт сантехнического оборудования и др.) [5].

Обследование может осуществляться в гласной, зашифрованной и негласной формах.

При гласном обследовании цель обследования и должностное положение оперативного работника не скрываются. Как правило, такое обследование проводится с согласия владельца или лиц, в законном владении которых находятся осматриваемые объекты. При отсутствии такого согласия по общему правилу для проведения гласного обследования жилища требуется судебное решение.

Согласия жильцов и судебного решения не требуется для проведения обследования помещений общего пользования (подвальные, чердачные помещения, лестничные пролеты), а также жилых помещений, доступ посторонних лиц к которым не ограничен законным владельцем (брошенные, не имеющие дверей и замков и т.п.).

Проведению гласного обследования в ряде случаев может способствовать наличие у сотрудников органов, осуществляющих ОРД, соответствующих административных правомочий.

Так, сотрудники милиции имеют право входить беспрепятственно в жилые и иные помещения граждан, на принадлежащие им земельные участки, на территорию и в помещения, занимаемые организациями, и осматривать их при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, либо при наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление, произошел несчастный случай, а также для обеспечения личной безопасности граждан и общественной безопасности при стихийных бедствиях, катастрофах и авариях, эпидемиях и массовых беспорядках. Обо всех случаях такого проникновения милиция уведомляет прокурора незамедлительно, но не позднее 24 часов [6].

Сотрудники органов федеральной службы безопасности вправе беспрепятственно входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения предприятий, учреждений и организаций, независимо от форм собственности в случае, если имеются достаточные данные полагать, что там совершается или совершено общественно опасное деяние, выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование которого отнесены законодательством РФ к ведению ор-

ганов федеральной службы безопасности, а также в случае преследования лиц, подозреваемых в совершении такого деяния, если промедление может поставить под угрозу жизнь и здоровье граждан. Обо всех таких случаях вхождения в жилые и иные, принадлежащие гражданам помещения, органы федеральной службы безопасности уведомляют прокурора в течение двадцати четырех часов [7].

Употребление в Законе РФ «О милиции» и Федеральном законе «О федеральной службе безопасности» термина беспрепятственное вхождение подразумевает проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки без разрешения (согласия) владельцев таких помещений или участков, руководителей и иных представителей организаций в любое время суток вне зависимости от присутствия собственника или руководителя. Такое вхождение подразумевает при необходимости преодоление препятствий в виде стен, дверей, замков, запоров, оконных рам, стекол, животных, противодействия людей как с применением силовых мер по отношению к людям или животным, так и путем взламывания стен, дверей, замков, решеток и др. [5, С. 346].

Должностные лица органов дознания, следователи или прокуроры могут входить в любые помещения и производить осмотр мест, в которых осуществляется деятельность, связанная с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров [8].

При зашифрованном обследовании скрываются истинные цели осмотра или (и) должностное положение оперативного работника. В целях конспирации он имеет право использовать документы, обеспечивающие зашифровку его личности [9]. При проведении такого обследования возможно участие в нем должностных лиц иных государственных органов, не являющихся субъектами оперативно-розыскной деятельности, но обладающими административными полномочиями на гласный осмотр помещений.

В частности, граждане обязаны предоставлять возможность должностным лицам государственного пожарного надзора проводить обследования и проверки принадлежащих им производственных, хозяйственных, жилых и иных помещений и строений в целях контроля соблюдения требований пожарной безопасности и пресечения их нарушений [10]. Спасатели имеют право на беспрепятственный проход на территорию и производственные объекты организаций, в жилые помещения в ходе проведения работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций [11].

Негласное обследование жилища осуществляется скрытно от лиц, в нем проживающих и иных посторонних лиц. Порядок проведения такого обследования регламентирован ведомственными нормативными актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Во время проведения гласного, зашифрованного или негласного обследования жилища допускаются применение видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде [12]. Применение таких технических средств является составной частью рассматриваемого ОРМ и не требует получения дополнительного разрешения для их использования.

Таким образом, оперативно-розыскным и административным законодательством установлены правовые основания и условия обследования жилых помещений против воли проживающих в них лиц, строгое соблюдение которых позволяет законно ограничивать конституционное право человека на неприкосновенность жилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к жилищному законодательству РФ / Под ред. В.Б. Исакова. – М.: Юрайт, 2000. – С. 38.

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Российская АН; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1994. – С. 684.
3. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова // Под ред. Л.А. Чешко. – М., 1968. – С. 300.
4. Ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД.
5. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 344.
6. П. 18 ч. 1 ст. 11 Закона РФ от 18.04.1991 г. № 1026-1 «О милиции».
7. П. з) ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 03.04 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности».
8. Ч. 2 ст. 53 Федерального закона от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».
9. П. 4 ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД.
10. Ст. 34 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».
11. Ч. 2 ст. 25 Федерального закона от 22.08.1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей».
12. Ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 398

Б.Б. Шойнжонов, ст. преподаватель каф. «Монголоведение», ЗабГГПУ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ БУРЯТ В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ

Научные интересы: литературоведение (бурятская литература), фольклористика (бурятский фольклор)

В работе рассмотрены легенды и предания, в которых немаловажное место занимают религиозно-культовые представления бурятского народа. Они отражены, главным образом, в культах, связанных со случайными находками различных предметов, отражающих те или иные явления природы, и в мотивах, рассказывающих об эжинах – хозяевах рек, гор, местностей ■

B.B. Shoinzhonov, Zabaikalsky state humanitarian-pedagogical university

ARTISTIC REALIZATION OF RELIGIOUS-CULT REPRESENTATIONS OF THE BURYATS IN LEGENDS AND TRADITIONS

The article analyzes the legends and traditions, in which the eligious-cult representations of Buryat people occupy the important place. They are reflected mainly in the cults, connected with casual findings of various subjects, reflecting there or those natural phenomena also in the motives, which tell about ezhins – the owners of the rivers, mountains, and localities ■

* * *

В устно-поэтическом творчестве бурят большое место занимают легенды и предания (түүхэ, домог). Они своими корнями уходят в глубину столетий и, как произведения словесного искусства, в яркой художественной форме передают культурное и хозяйственное развитие бурятских родов и племен. Кроме того, в прозаических жанрах бурятского фольклора немаловажное место занимают религиозные воззрения и культовые представления. Древние люди по-своему объясняли многие естественные, биологические, общественные закономерности. Так, например, такие явления природы, как молния и гром, буряты считали орудием возмездия богов-небожителей. Небожители, по мотивам многих легенд, засылают молнию для уничтожения демонических сил (ороолон ‘упырь’, ‘оборотень’, ада ‘домовой’, ‘бес’, ‘злой дух’, шүдхэр ‘черт’), а иногда и людей. В произведениях устно-поэтического творчества бурят молния называется по-разному – буудал (от слова бууха ‘спускаться’, ‘падать’), тэнгэриин һомон ‘небесная

стрела'.

Незнание различных физических свойств происхождения таких природных явлений приводило людей к их фантастическому объяснению. Сила, мощь удара молнии вызывали в людях уверенность в том, что такими свойствами могут обладать только очень твердые тела. Поэтому неслучайно в представлении людей буудал отождествляется с камнем. Пожилые люди раньше считали, что если ударила молния в дерево, там обязательно окажется тэнгэриин hомон. Многие раньше пытались отыскать небесную стрелу. По данным В.Ш. Гунгарова, «до недавнего времени у жителя села Куорка Кижингинского района Бурятской АССР Даши-Дондок Цымпилова хранилась такая стрела. Это продолговатый, заостренный на конце камень длиной примерно около 10 сантиметров» [1].

По поверью бурят, буудал, найденный человеком, приносит ему счастье, благополучие в семье. Поэтому люди очень бережно хранили буудал.

Религиозные представления и культы, связанные со случайными находками различных предметов древних людей, особенно каменных топоров и стрел, у бурят имели раньше особенно большое распространение и сложились в четкие традиционные формы. Как отмечает С.П. Балдаев, «человек, нашедший буудал (стрелу молнии – Б.Ш.), приносит его домой, созывает родственников и с ними вместе обсуждают находку. Затем один из старших родственников совершает омовение буудала тарасуном (молочной водкой) и молоком, потом совершает возлияние – «дуhаалга» – и кладет его на полку юрты около онгонов (онгоны – в шаманской мифологии монгольских народов умершие предки и их духи, тотемные предки, «воплощенные» в материальных предметах – статуэтках, изображениях и др.– Б.Ш.). Нашедшему предлагают обратиться к шаману и поворожить» [2].

Шаман (бөө) ворожит на бараньей лопатке, определяет с какого тэнгрия спущен, почему спущен, счастливый или несчастливый буудал. В условленный день нашедший буудал привозит шамана, собираются родственники. Бөө совершает брызгание тарасуном (хаялга) тому тэнгри, который послал данный буудал, указывает, где нужно поставить столб, совершает омовение буудала, завертывает его в шелк или в другую какую-нибудь материю, шьет из войлока сумку для него. Родственники с хозяином делают столб, обычно высокий, до полутора или до двух саженей, чтобы ребятишки или же чужие люди не вынули и не осквернили святыню семьи.

Затем берут столб и буудал в войлочной сумке, котел тарасуна и идут к тому месту, которое указал шаман. Там разводят костер, совершают брызгание небу, пославшему буудал на землю, кладут богородскую траву, пихтовую кору и буудал в углубление столба, закрывают специально сделанной дощечкой в виде задвижки. В выкопанную яму ставят столб и утрамбовывают со всех сторон. Шаман у столба заклинает так:

В юрте со стенами
Будь ханом,
В юрте с углами
Будь бурханом,
В юрте с дымом
Будь заяном.
(Заян – хранитель дома и домочадцев).

Потом все садятся и выпивают принесенный тарасун, причем разговаривают исключительно о буудалах улуса и рода.

В отличие от предбайкальских, у забайкальских бурят особого культа, посвященного нахождению буудалов в виде шаманского призывания с приглашением шаманов, очищения, омовения, молитв, обращенных к ним, не было. В основном к буудалам относят каменные, нефритовые, медные и бронзовые орудия древних людей: топоры, ножи, кинжалы, пестики, скребки, наконечники стрел и копии, а также женские украшения, хозяйственные предметы: котлы, котелки, чашки или просто камни, напо-

минающие грубое подобие человека, животных, зверей, насекомых, птиц и пр., найденные в различных местах. Если западные буряты относили к буудалам также нефритовые, медные и бронзовые орудия, то восточные буряты отдавали предпочтения только каменным орудиям. Кроме этого, до начала XX в. у хоринских бурят сохранился своеобразный погребальный обряд. Людей, убитых молнией, хоронили другим способом. По шаманским представлениям, пораженный громом считался избранником тэнгри и его хоронили как шамана: одевали в оргой (головной убор шамана – Б.Ш.), отвозили в шаманскую рощу, где и оставляли на особо устроенном помосте, что по-бурятски называется «арангалха», или «аранга гаргаха». Аранга устраивали в сосновом бору, вдали от кладбищ, и только на сосне. Запрещалось, например, устраивать аранга на лиственнице. Существует мнение, что молния обычно может ударить в лиственницу, и люди во время грозы стараются не приближаться к тем местам, где растут лиственницы. Рядом с аранга клали пищу и ставили молочную водку. Такой обряд погребения в Забайкалье заимствован от шаманов, когда их хоронили особым способом аранга.

Легенды и предания бурят тесно связаны с мифологией. В бурятской мифологии всеми небесными явлениями, прежде всего, громом и молнией управляет божество по имени Хухэдэй – Хухэрдэй Мэргэн. Он по своему желанию может послать на землю дождь, снег, а также молнию. Через специальное зеркало (толи) он наблюдает за жизнью на земле. При помощи своих небесных стрел он может уничтожить злого духа, обитающего на земле, и может наказать человека, приносящего зло людям.

Все эти примеры говорят о том, что люди издавна признавали большую силу молнии. Они приписывали ей даже волшебные свойства, которым подвластно все. И не случайно в легендах, преданиях и мифах бурят эти силы связываются с небесами, которые могут и покровительствовать, и наслать беду на землю, разрушить все нежелательное им своими всесокрушающими стрелами.

Еще одно явление природы – затмение луны и солнца буряты связывают с мифическим чудовищем Арааха – Архан. В улигерах есть мифологические мотивы о появлении чудовища Архан «из брошенной ханом Хирмасом головы Атай Улана, которая повисла между небом и землей и с разинутой пастью гоняется за солнцем и луной» [3].

В народе бытуют и легенды о названном чудовище. Одна из таких легенд приведена В.Ш. Гунгаровым. Она была записана «В сомоне Баянула Хэнтэйского аймака МНР от сказительницы Адлибэшын Ешэнхорлоо, бурятки по национальности, родители которой – выходцы из Агинского округа Читинской области…

По этой легенде, чудовище Арааха выпил из сосуда весь аршаан – напиток бессмертия, приготовленный богами для людей. Затем он наполнил сосуд своей мочой и поднялся на небо. Бог Ошорвани увидел Арааху и своим грозным оружием ошор (ошор, вачир – алмаз, жезл, скипетр, при помощи которого отгоняют злых духов, демонов) отсек ему голову. Тело его упало на землю, а голова так и осталась на небе. В великой ненависти к людям она гоняется за солнцем и луной, чтобы проглотить их и этим самым уничтожить все живое на земле» [1; С. 100].

Многие старики говорят, что Арааха не может навсегда проглотить солнце или луну. Эти небесные светила, проглоченные чудовищем, через некоторое время снова появляются на небе и светят, радуя сердца людей. Во время затмения солнца или луны древние люди прибегали к различным действиям, якобы способным отпугнуть это чудовище. Они ударяли в медные котлы палками, чтобы было много шума, звона. Все это сопровождалось криками и молитвами людей. Мужчины угрожали Араахе топорами, вилами, женщины – ножницами и шилами.

В бурятском мифе вопрос о бессмертии Архана решен довольно просто. Атай Улан, глава 44 злых восточных тэнгриев, как небожитель бессмертен. Поэтому и голова его, отделенная от туловища, по трактовке мифа превращается в бессмертное чудовище Архан. Из других его конечностей, упавших на землю, появляются чудовища в образе различных мангатхаев и других темных и злых сил, угрожающим людям. Против них в защиту людей в улигерах обычно выступают баторы во главе с Гэсэром. Их подвиги прекрасно воспеты в неувядаемых творениях бурятского народа, в таких улигерах, как «Гэсэр» и других крупных произведениях устного народного творчества.

На основе данного материала можно сказать, что затмение солнца и луны нашло своеобразное объяснение в сознании древних людей. Архаические произведения устного поэтического творчества бурят в образной художественно-фантастической форме передают мифологические образы, являющиеся отражением этих конкретных явлений природы.

Не менее интересными, по нашему мнению, являются легенды и предания, которые донесли до нас мотивы, рассказывающие о хозяевах рек, гор, местностей (эжинах). Их, по народному воззрению, можно разделить на спустившихся с неба и на тех, которые становятся «хозяевами» после насильственной смерти.

В этом плане интересен мотив «невинно гонимых» девушек, при жизни притеснявшихся мачехой и умерших в результате ее жестокостей и преследований. После смерти эти несчастные при жизни девушки превращаются в духов-заянов, хозяек конкретных местностей. По легендам, они мстят людям, которые в свое время равнодушно относились к их тяжелой судьбе. О трагической жизни таких девушек повествуется в предании «Хозяйки Сахюурты» (Сахюурт ын сабдагууд). «Одна из девушек, преследуемая жестокой мачехой, умирает голодной смертью в глубокой яме. Другую девушку, согласно преданию, привязали по наущению мачехи к спине трехгодовалого свирепого быка и отпустили, и она погибла мучительной смертью. Они обе превратились в духов-заянов (сабдак) и стали хозяевами местности Сахюурта, которая расположена в семи километрах от с. Куорка Кижингинского района Республики Бурятия. Считалось, что они отличаются свирепым нравом и могут принести людям большие несчастья. Поэтому раньше ежегодно верующими людьми приносились жертвоприношения этим двум заянам-сабдак, чтобы задобрить их» [3; С. 104]. Сабдак (хозяин местности), по утверждению стариков, это люди, умершие неестественной смертью и ставшие впоследствии эжинами.

Таким образом, в легендах и преданиях, как мы видим, немаловажное место занимают религиозно-культовые представления. Они отражены, главным образом, в представлениях и культах, связанных со случайными находками различных предметов, в погребально-поминальных традициях и обычаях, в мифологических образах, которые отражают те или иные явления природы и в мотивах, рассказывающих о хозяевах рек, гор, местностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гунгаров В.Ш. Отражение мифологических воззрений в легендах и преданиях хори-бурят / В. Ш. Гунгаров // Традиционный фольклор бурят: сб. ст. / БИОН БФ СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1980. – С. 98.
2. Балдаев С.П. Избранное / С.П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1961. – С. 208.
3. Абай Гэсэр. Вступ. ст. подгот. текста, пер. и коммент. к нему А.И. Уланова. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. – С. 301.

УДК 316.6

И.Б. Ачитаева, психолог-инспектор ГОУ СПО
Читинская специальная средняя школа милиции
МВД России

ПРАВОМЕРНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ДЕСТРУКТИВНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ»

Научные интересы: психология взаимоотношений малых социальных групп; психологическое обеспечение учебно-воспитательного процесса образовательных учреждений МВД России; использование тренинговых психотехнологий в процессе обучения и воспитания курсантов и слушателей

В статье предлагается рассматривать деструктивные взаимоотношения как вариант неблагоприятного развития группы. Проведен анализ терминов, используемых в науке для описания нарушений взаимоотношений в малых социальных группах. Представлено определение деструктивных взаимоотношений в малой социальной группе ■

I. Achitaeva, Public Educational Establishment of the Secondary Vocational Education «The Chita Special Secondary militia school of the Ministry of Interior of the Russian Federation»

RIGHTFULNESS OF THE USE OF THE TERM «DESTRUCTIVE MUTUAL RELATIONS IN THE SMALL SOCIAL GROUPS»

In the article it is offered to consider destructive mutual relations as a variant of adverse development of the group. It is given the analysis of the terms used in a science for the description of the violations of mutual relations in the small social groups. Also the definition of the destructive mutual relations in the small social group is presented ■

* * *

Проблема деструктивных взаимоотношений в малой группе в настоящий момент носит дискуссионный характер и рассматривается специалистами разных отраслей знаний: психологами, педагогами, социологами и философами. При всем различии взглядов на данную проблему ученые единодушны в одном: деструктивность в поведении человека и во взаимоотношениях с другими людьми ношениях с другими людьми является негативным социально-психологическим явлением. Семантический анализ позволяет утверждать, что среди признаков понятия «деструктивность» важнейшими являются «разрушение» и «изменение структуры объектов» [9; 39-41.]. Применение прилагательного «деструктивные» при характеристике отношений между людьми оправдано, так как в

качестве объектов, подвергающихся разрушению в процессе таких взаимоотношений, выступает малая социальная группа и личности, составляющие эту группу. В целях преодоления негативных социально-психологических явлений в малых группах необходимо уточнить понятийный аппарат, раскрывающий суть этих феноменов и определить сущность понятия «деструктивные взаимоотношения».

Изучение деструктивных взаимоотношений тесным образом связано с проблемами позитивных и негативных явлений в динамике малых групп. Некоторая оценочность термина «деструктивные взаимоотношения» многократно усложняет проблему, так как границы позитивного-негативного, благоприятного-неблагоприятного, нормального-ненормального весьма условны. Изучение основных подходов к проблеме деструктивных взаимоотношений в отечественной и зарубежной науке показало, что нарушения взаимоотношений с одинаковыми признаками обозначаются разными терминами.

Для раскрытия сути явлений, содержащихся в понятиях «третирование», «травля», в разных языках применяются такие термины, как mobbing, bossing, bullying, harassment, hazing. По мнению автора термина «буллинг» (bullying, от bully – хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник) Д. Ольвеуса (Olweus), «человек подвергается третированию, когда по отношению к нему неоднократно и в течение длительного времени производятся негативные действия со стороны одного или более других людей» [8; 149-150.]. Буллинг в непосредственной, прямой форме выражается в виде открытого физического насилия (битье, порча, отбирание и перемещение в неизвестном направлении личных вещей), в вербальной форме («обзывательства», дразнилки и распространение гнусных сплетен), а в косвенной включает в себя способы исключения и социальной изоляции объекта третирования (бойкот, остракизм). Жертва буллинга в силу разных обстоятельств не способна эффективно защитить себя и постоянно находится в напряженном, запуганном состоянии. Такое явление как «буллинг» стало международным социально-психологическим и педагогическим термином, за которым стоит множество социальных, психолого-педагогических проблем, существующих в школьных, трудовых, военных коллективах и группах осужденных.

Х. Лейман использовал другое понятие – «моббинг» (от англ. «to mob» – приставать). Под моббингом понимается «психологический террор» на рабочем месте, который включает «систематически повторяющееся враждебное и неэтичное отношение одного или нескольких людей, направленное против другого человека, в основном одного» [2]. Моббинг – это отношения жертвы и преследователя. По мнению одного из авторов книги «Моббинг: эмоциональное насилие на рабочих местах в США» Н. Дэвэнпорт, моббинг и буллинг – схожие понятия. Однако моббинг – это, прежде всего, «коллективный психологический террор, травля в отношении кого-либо из работников со стороны его коллег, подчиненных или начальства, осуществляемые с целью заставить его/ее уйти с места работы», а буллинг обозначает преследование жертвы «один на один» [2].

Разновидностью моббинга/буллинга можно назвать хейзинг (от глагола «to haze» (амер) – зло подшучивать, особенно над новичком; пугать, изнурять, бить) – это «ритуализированное приставание, жестокое обращение или унижение, с требованием выполнять бессмысленные задания, иногда как средства инициации и вступления в определенную группу» [3]. Различают физический (телесный) и психический (символический) хейзинг. Часто он имеет сексуальную окраску, поэтому носит латентный характер. Это явление в литературе описывается применительно к армейским подразделениям, гим-

назиям для мальчиков, кадетским корпусам и спортивным командам. Хейзинг принято считать аналогом неуставных взаимоотношений в российской армии. Некоторые исследователи настаивают на схожести его с проявлениями домашнего насилия.

Анализ основных подходов к исследованию моббинга/буллинга в зарубежной науке показал, что агрессивные проявления имеют место в отношениях людей, деструктивно влияют на индивида, группу и результаты их деятельности.

Проблемы моббинга/буллинга изучались также и отечественными специалистами. И.С. Кон предпринял попытку систематизировать имеющийся зарубежный опыт по проблеме буллинга в различных малых группах. Н.П. Романова рассмотрела сущность моббинга в трудовых коллективах и возможности антимоббингового управления. В.М. Поздняковым представлен взгляд на проблему моббинга в коллективах органов внутренних дел. А.А. Баева, Н.М. Иовчук и А.А. Северный, М.М. Кравцова, Д.А. Кутузова, Н.Г. Россоха, Г.В. Ярославцева исследовали проблемы насилия в образовательном пространстве, травли (моббинга) в ученических и педагогических коллективах средних школ. В последние годы проблема «травли» активно обсуждается российской общественностью, высказываются различные мнения, в том числе оправдывающие унижения личности в армии и в ученических коллективах. Результаты анализа исследований травли, моббинга и буллинга позволяют сделать вывод о том, что эти явления – разновидности агрессии, отражающие отношение одного или нескольких человек к так называемой «жертве».

Отечественные исследователи пытались разработать понятийный аппарат, раскрывающий сущность нарушений взаимоотношений в группах, но понятийного единства до сих пор нет. А.А. Бодалев, Н.В. Гришина, И.А. Зимняя, Я.Л. Коломинский, В.Н. Куницына, В.А. Лабунская, А.К. Маркова, Р.С. Немов, В.Н. Панферов, А.Н. Сухов называют подобные отношения «плохими», «негативными», «отрицательными», «дефектными», «деформациями отношений» и т.д.

Понятие «деструктивные взаимоотношения» наилучшим образом объясняет перечисленные социально-психологические явления, происходящие в малых группах, их деструктивный потенциал. Деструктивные взаимоотношения разрушают гармоничное взаимодействие в малой группе, изменяют структуру взаимосвязей субъектов в группе, которая обусловлена мотивационными, поведенческими и когнитивными компонентами, влияют на членов группы и результаты индивидуальной и совместной деятельности.

Впервые термин «деструктивные взаимоотношения» был использован Н.Н. Обозовым в его классификации межличностных отношений. Все отношения он разделил на два типа: конструктивные и деструктивные. Деструктивные взаимоотношения – это результат патологии, дезадаптации личности. По мнению Н.Н. Обозова, индивиды для взаимного участия в удовлетворении аномальных потребностей друг друга, поиска объектов для этого, объединяются в группировки, которые имеют жаргонные названия – «кореша» [7; 119].

Понятие «деструктивные семейные отношения», «деструктивные взаимоотношения» употребляется в науке при изучении созависимых семей, в которых один или несколько членов семьи страдают болезнью, алкогольной или наркотической зависимостью [6].

Следует разграничить социально-психологический и психолого-педагогический подходы в изучении деструктивных отношений. Социальная психология интересуется поведением человека не как организма, а как участника взаимодействия с другими людьми. Группа трактуется как арена взаимовлияний, как целостность, складывающаяся из взаимных контактов, семья – это

первичная группа, состоящая из непосредственно взаимодействующих личностей.

Определение деструктивных взаимоотношений в семье, предложенное А.И. Тащёвой, используется в работах Е.В. Куфтяк и Е.В. Титовой. По определению А.И. Тащёвой, «деструктивные взаимоотношения – это взаимоотношения субъектно-объектного характера, отличающиеся явным доминированием одного из партнеров, сниженным уровнем доверительности в общении, выраженной одно- или двусторонней неудовлетворенностью качеством взаимоотношений, физическим и/или нравственным страданием одного из партнеров. При этом обе стороны, втянутые в деструктивные взаимоотношения, испытывают психологический дискомфорт и душевные страдания» [Цитата по 4; 67].

Исследования Ю.В. Гусева показывают, что чаще деструктивные взаимоотношения возникают в группах, из которых практически невозможно уйти. У враждующих партнеров существует «объективная необходимость находиться в одном коллективе» [1]. И. Ялом в работе, посвященной групповой психотерапии, использует термин «деструктивные взаимоотношения», понимая под ними всеобщую несдержанность и неограниченность в выражении чувств [10; 328]. Г.В. Ярославцева дает определение деструктивных отношений в педагогическом коллективе школы: «это такие отношения, которые вызывают негативные эмоции у взаимодействующих субъектов, провоцируют их взаимную неприязнь и агрессивные реакции (пока еще без конфликтного взаимодействия), разрушают устойчивость сложившейся структуры межличностных отношений и социально-психологического климата коллектива, затрудняют совместную деятельность» [11; 87.].

Подведем итог сказанному. Реальная малая группа представляет собой динамическую систему, в которой функционируют индивиды с различными психологическими особенностями, интересами, способностями, с различным уровнем культуры и коммуникативной компетенции, с разным положением в групповой иерархии, а также с разным уровнем социально-психологического статуса ее членов. Можно утверждать, что в малой группе существует весь спектр отношений людей друг к другу, неизбежны противоречия между индивидами, между индивидом и группой, поэтому деструктивные взаимоотношения объективно существуют. Признание факта распространения деструктивных взаимоотношений в малых группах является исходной позицией в определении сущности данных взаимоотношений.

Анализируя сущность деструктивных взаимоотношений в малой группе, мы рассматриваем противопоставление конструктивности – деструктивности социально-психологических явлений, происходящих в ней. Сущность деструктивных взаимоотношений заключается в том, что это вариант неблагоприятного, ненормального развития группы. В процессе развития деструктивных взаимоотношений в группе происходит разрушение системы межличностных взаимоотношений группы, системы распределения функций между членами группы, системы социально-психологических статусов, системы коммуникаций между членами группы, происходит изменение норм поведения, ценностей членов группы и др. Разрушаются структуры позитивных, конструктивных взаимосвязей психологических субъектов группы. В деструктивных взаимоотношениях присутствует нарушение морально-правовых норм общения и взаимодействия, жесткое доминирование, психологическое и физическое насилие. К деструктивным взаимоотношениям следует причислить неуставные взаимоотношения в воинском подразделении, травлю в учебном классе, нарушения взаимоотношений в семье, конфликтность в трудовом коллективе, моббинговые ситуации в профессиональных группах и т.п.

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных исследований нарушений

взаимоотношений в малых группах позволяет сформулировать определение деструктивных взаимоотношений в малой социальной группе. Деструктивные взаимоотношения – это отношения, не соответствующие моральным принципам общества и требованиям нормативных документов, регулирующих поведение членов группы. Они характеризуются неудовлетворенностью качеством взаимоотношений, превосходством некоторых индивидов, проявляющемся в психологическом и физическом насилии, ведущем к физическим и/или нравственным страданиям одного или нескольких членов группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев Ю.В. Культура общения http// www. sociology.mephi.
2. Дэвэнпорт Н. Эмоциональное насилие на работе. http://www.psyfactor.org/lib
3. Кон И.С. Челябинская трагедия: социально-антропологический комментарий. http://www.sexology.narod.ru
4. Куфтяк Е.В. Совладающее поведение в семье, регулярно применяющей физические наказания детей: дисс. канд. психол. наук / Е.В. Куфтяк. – Кострома, 2003.
5. Лукашевич Н.П. Социология труда / Н.П. Лукашевич. – К., 2001.
6. Майер Ф. Выбираем любовь (Борьба с созависимостью) / Ф. Майер, П. Минирт, Р. Химфелт // Пер с англ. А. Имашева. – М.: Триада, 2004. – 320 с.
7. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений / Н.Н. Обозова. – Киев, 1990.
8. Социальная психология агрессии / Б. Крэйхи. – СПб., 2003.
9. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке: дисс… д-ра филол. наук / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2002.
10. Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии / И. Ялом. – Спб., 2000.
11. Ярославцева Г.В. Психолого-педагогический тренинг как средство коррекции межличностных отношений в педагогическом коллективе школы: дисс… канд. пед. наук / Г.В. Ярославцева. – М., 1999.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 517.51

И.В. Романова, к. социол. н., декан факультета довузовского и дополнительного образования, ЗИП СибУПК

СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ ЖИЗНИ»: ПОНЯТИЕ, РАЗВИТИЕ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Научные интересы: социальная геронтология, гендерология, социальные проблемы женского одиночества

Дано философское и социологическое толкования понятия «образ жизни». Описаны основные этапы его развития. Показано, что данная категория позволяет использовать системный подход к анализу жизнедеятельности общества, социальных групп и индивидов. Рассмотрены основные составляющие, входящие в категорию «образ жизни» ■

I. Romanova, dean of faculty of pre-high school and additional education, ZIE SibUCU (Zabaikalye Institute of Enterpreneurship of Sibirean User Cooperation University)

SOCIAL CATEGORY «WAY OF LIVING»: NOTION, DEVELOPMENT, COMPONENTS

There are philosophic and sociological definition of the notion «way of living». There are also main stages of its development. It is proved that this category allows to use systems approach concerning activity of society, social groups and individuals. The article considers the main components of the category «way of living».

* * *

Категория «образ жизни» широко используется представителями различных дисциплин, связанных с изучением общественной и культурной жизни людей: экономики, социологии, социальной психологии, геронтологии, истории, теории культуры и т.п. Сегодня это понятие функционирует как социально установившаяся научная категория. Возрастание интереса к социокультурной жизнедеятельности людей в связи с их образом жизни обусловлено как общественно-практическими, так и научно-теоретическими факторами.

Актуальность изучения образа жизни людей в современных условиях связана, прежде всего, с практикой целенаправленных социокультурных изменений. За время существования каждого общества постепенно происходит становление, а затем развитие специфичных для него форм экономической, политической, культурной жизни людей. Изменение условий жизнедеятельности членов

общества влечет за собой изменение способов ее организации, т.е. образа жизни. Иными словами, можно говорить о чертах и особенностях образа жизни, специфичных для изучаемого общества [1].

Обратимся к трактовке понятия «образ жизни», приведенного в энциклопедической статье Г.Е. Глезермана. В ней сказано, что это понятие применяется в социальных науках для характеристики условий и особенностей повседневной жизни людей в том или ином обществе. Образ жизни определяется существенными чертами и особенностями определённой общественно-экономической формации. Так, например, говорят о буржуазном образе жизни, о социалистическом образе жизни. Внутри данной формации, в свою очередь, различают особенности образа жизни того или иного класса, социального слоя, городского и сельского населения. Все существующие в обществе социальные различия – между классами и социальными слоями, между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда, между квалифицированными и неквалифицированными работниками – находят своё отражение в их образе жизни.

Это даёт основание говорить о различных видах (или подвидах) образа жизни внутри каждого общества, причём некоторые из них могут находиться даже в отношении противоположности друг к другу (например, при капитализме паразитический образ жизни буржуа, особенно рантье, и образ жизни трудового человека; городской образ жизни, сельский образ жизни и т.д.).

Образ жизни охватывает все существенные сферы деятельности людей: труд, формы его социальной организации, быт, формы использования людьми своего свободного времени, их участие в политической и общественной жизни, формы удовлетворения их материальных и духовных потребностей, вошедшие в повседневную практику нормы и правила поведения. Поэтому на образе жизни сказываются не только экономические отношения, но и общественно-политический строй, культура и мировоззрение людей. В свою очередь, образ жизни людей оказывает решающее влияние на их образ мыслей.

В развитии категории «образ жизни» можно выделить несколько этапов. Её возникновение и формирование происходило в 20-60-е гг. XX в. в рамках философии. Среди ведущих исследователей в данной области можно отметить В.И. Левыкина, Л.В. Сохань, В.И. Толстых. Обобщённое понимание, выработанное философами, состоит в следующем: образ жизни можно определить как «устоявшиеся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности их общения, поведения и склада мышления в сферах труда, общественно-политической деятельности, быта и досуга» [2]. Однако на сегодняшний день, несмотря на широкое смысловое содержание и большие познавательные возможности данной категории, она практически не используется в философском анализе. Причина такого положения дел, видимо, состоит не столько в недостатках самой концепции образа жизни, сколько в особенностях её применения в советское время. В советский период «образ жизни» преимущественно выступал как понятие операциональное, применяемое для сопоставительного анализа двух противоположных социальных систем – социалистической и капиталистической, причём результаты такого сравнения часто были некорректны. Как замечает А.А. Возьмитель, «изучение проблематики образа жизни было начато и развивалось долгое время под знаком усиления идеологической борьбы» [3].

В последние годы произошли существенные изменения во взаимоотношениях между официальной властью и наукой, последняя стала гораздо менее идеологизированной.

С 60-х гг. прошлого столетия началось активное изучение образа жизни социолога-

ми (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, И.С. Мансуров). В отличие от психологии, концентрирующейся на отдельном индивиде, субъектом категории «образ жизни» для социолога выступают преимущественно большие социальные общности (народы, социальные классы, социально-профессиональные группы, общности по типу поселения и другие). Как правило, в социологических исследованиях рассматриваются такие обобщённые показатели, как «уровень жизни», «качество жизни», «социальное благополучие», преобладающие ценности, стереотипы социальной группы и т.д. [4].

Образ жизни – понятие отечественной социологии, характеризующее конкретные социокультурные интерьеры (типичные формы, способы и механизмы) жизнедеятельности социальных субъектов. Термин активно использовался на протяжении 70-х – начала 80-х гг. и практически исчез из научного оборота во второй половине 80-х гг.: он использовался как понятие прикладной социологии для фиксирования реальных результатов исследований, выводивших на уровень повседневной жизни индивидов (как определенной целостности или отдельных ее достаточно автономных подсистем типа комплекса потребностей) [2].

Образ жизни в марксистской социологии – интегральное общественное явление, в котором проявляются производственно-технические, экономические, социальные, политические, социокультурные и идеологические процессы, происходящие в обществе.

Это самостоятельная и очень важная категория. Она позволяет использовать системный подход к анализу жизнедеятельности общества, социальных групп и индивидов, объяснить качества его диалектического развития. Методологической основой такого понимания образа жизни служит известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса, писавших в «Немецкой идеологии», что «... способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это – определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством – совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды – это зависит, следовательно, от материальных условий их производства». В сходном смысле классики марксизма-ленинизма нередко употребляли и понятие «уклад жизни», которое можно рассматривать как совокупность объективных компонентов «образа жизни».

В зарубежной социологии сложилась иная традиция. Образ жизни определяется как часть, сторона культуры, которая считается более фундаментальным понятием. Современные социологи, в основном, согласны с тем, что понятие культуры гораздо шире, чем понятие «образ жизни».

Традиции, обычаи, нормы поведения, нравы и ценности составляют основу как культуры, так и образа жизни. Разница лишь в том, что понятие «культура» выражает возвышенную, духовную сторону этой совокупности элементов, а «образ жизни» – повседневную, материально-практическую сторону. Любую культуру можно рассматривать как традиционный образ жизни, выраженный в специфическом наборе обычаев, институтов и артефактов. Разнообразие культур выражает разнообразие образов жизни.

Образ жизни людей описывает структуру мышления и поведения, т.е. ценности, верования и правила поведения, формы экономической деятельности, условия труда и быта, состояние религиозной и культурной жизни, образование, экологию и многое другое. Образ жизни – это общая формула каждодневного бытия личности, типичные, часто практикуемые нормы поведения людей,

способ их деятельности в труде и быту, в производстве и потреблении как материальных, так и духовных ценностей.

Образ жизни выражает одновременно типичное и специфическое. Он отражает не культурное наследие, а текущую жизнь, не столько материальные артефакты, сколько социальные нормы, обычаи, ценности простых людей. Образ жизни – это заведенный порядок, или уклад жизни: привычка рано вставать или поздно ложиться, курить натощак, одеваться дома во все старое, покупать продукты на оптовом рынке, а не в магазине, по выходным бегать в лес или каждый день делать зарядку, читать перед сном и многое другое.

Культура и образ жизни настолько увязаны друг с другом, что порой их невозможно разделить. Специалисты утверждают, что корни культуры лежат в повседневном опыте людей, который строится на коллективных привычках, правилах и нормах поведения. Последние, образно говоря, представляют собой строительные кирпичики и культуры, и образа жизни.

Нередко происходит смешение понятий «образ жизни» и «условия жизни». Между тем, «условия жизни» – по существу, все опосредующие и обуславливающие образ жизни факторы, определяющие его или сопутствующие ему. К их числу следует относить материальные, социальные, политические, духовно-нравственные, культурные и другие условия, а также природные условия, которые, не являясь определяющими, оказывают на образ жизни влияние, часто достаточно существенное. Условия жизни – это материальные и нематериальные факторы, воздействующие на образ жизни; образ жизни – деятельность, активность людей, которые определенным образом реагируют на условия жизни.

В интегральную категорию «образ жизни» входят такие понятия, отсутствующие в культуре, как уклад жизни, уровень жизни, качество жизни, стиль жизни. Эти понятия получили самое широкое распространение, некоторые из них могут применяться при условии их правильного, научно обоснованного толкования. Обобщающая категория «образ жизни» включает четыре составляющие, совместное использование которых позволяет достаточно полно ее охарактеризовать:

1) социально-экономическая (количественный аспект) – уровень жизни;

2) социально-психологическая – стиль жизни;

3) социально-экономическая (качественный аспект) – уклад жизни;

4) социологическая – качество жизни.

Категория «уровень жизни населения» является одной из важнейших социально-экономических категорий и используется в научной литературе, в правовых и нормативно-хозяйственных документах. Под уровнем жизни понимаются обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей. Так понимается и благосостояние.

Выделяется четыре градации уровня жизни населения [5]:

1) достаток (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека);

2) нормальный уровень (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил);

3) бедность (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как низшей границы воспроизводства рабочей силы);

4) нищета (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддержать жизнеспособность человека).

Повышение уровня жизни (социальный прогресс) составляет приоритетное направление общественного развития. При

этом за критерий социального прогресса принимается благосостояние народа [6]. Особую значимость этот критерий приобретает в социально ориентированной рыночной экономике, где центральной фигурой становится человек.

Важнейшими составляющими уровня жизни выступают доходы населения и его социальное обеспечение, потребление им материальных благ и услуг, условия жизни, свободное время.

Условия жизни можно укрупненно разделить на условия труда, быта и досуга. Условия труда включают санитарно-гигиенические, психофизиологические, эстетические и социально-психологические условия.

Условия быта – это обеспеченность населения жильем, его качество, развитие сети бытового обслуживания (прачечных, парикмахерских, ремонтных мастерских, прокатных пунктов и т.д.), состояние торговли и общественного питания, общественного транспорта, медицинское обслуживание.

Условия досуга связаны с использованием свободного времени людей. Свободное время – часть внерабочего времени, предназначенная для развития личности, более полного удовлетворения социальных, духовных и интеллектуальных ее потребностей.

Возможны три аспекта изучения уровня жизни: применительно ко всему населению; к его социальным группам; к домохозяйствам с различной величиной дохода.

Важную роль в изучении уровня жизни населения играют социальные нормативы как научно обоснованные ориентиры направленности социальных процессов в обществе. Различают следующие социальные нормативы: развития материальной базы социальной сферы, доходов и расходов населения, социального обеспечения и обслуживания, потребления населением материальных благ и платных услуг, условий жизни, состояния и охраны окружающей среды, потребительского бюджета и др.

Непосредственное отношение к уровню жизни имеет потребительский бюджет, суммирующий нормативы потребления населением материальных благ и услуг, дифференцированные по социальным и половозрастным группам населения, климатическим зонам, условиям и тяжести труда, месту проживания и т.д. К основным социальным нормативам относятся минимальная заработная плата и пособие по временной нетрудоспособности, пособие по безработице для трудоспособных лиц, минимальные трудовые и социальные пенсии для пожилых и нетрудоспособных граждан, инвалидов, минимальные стипендии учащимся, регулярные или разовые целевые пособия наиболее уязвимым в материальном отношении группам населения (многодетным и малообеспеченным семьям, матерям-одиночкам, престарелым и др.).

В совокупности они образуют систему минимальных социальных гарантий, выступающих как обязанность государства обеспечить гражданам минимальные размеры оплаты труда и трудовой пенсии; право на получение пособий по социальному страхованию (в том числе по безработице, болезни, беременности и родам, уходу за малолетним ребенком, по малообеспеченности и др.); минимальный набор общедоступных и бесплатных услуг в области образования, здравоохранения и культуры. Стержень социальной политики – прожиточный минимум, и с ним должны увязываться все остальные социальные стандарты и гарантии.

Существующие нормативы отражают современные научные представления о потребностях людей в благах и услугах – личных потребностях. Однако последние не следует абсолютизировать, так как они всегда изменчивы, что затрудняет их количественную оценку. Личные потребности отражают объективную необходимость в определенном наборе и количестве материальных благ и услуг и социальных условий, обеспечивающих всестороннюю деятельность

конкретного человека. Личные потребности подразделяются на физиологические (физические), интеллектуальные (духовные) и социальные [5].

Физиологические потребности являются определяющими – первого порядка, поскольку выражают потребности человека как биологического существа; в их составе насущными, первичными, выступают потребности в пище, одежде, обуви, жилище, отдыхе, сне, двигательной активности и т.д.

Интеллектуальные потребности касаются образования, повышения квалификации, творческой деятельности, порождаемой внутренним состоянием человека.

Социальные потребности связаны с функционированием человека в обществе – это социально-политическая деятельность, самовыражение, общение с людьми, обеспечение социальных прав и т.д.

Интеллектуальные и социальные потребности относятся к потребностям непервой необходимости и удовлетворяются после того, как наступает определенная степень удовлетворения первостепенных потребностей. Прямой оценки они не имеют, хотя во многом зависят от состояния культуры в обществе, общего уровня и качества жизни населения.

Различаются рациональные (разумные) и иррациональные потребности. Первые отвечают научным представлениям о потреблении благ и услуг, необходимых для поддерживания здорового образа жизни человека и гармоничного развития личности. Это общественно полезные потребности, плохо поддающиеся количественной оценке. Их можно определить условно с помощью рациональных норм и нормативов (кроме рациональных норм потребления продуктов питания, устанавливаемых на основе данных науки о питании). Иррациональные потребности выходят за рамки разумных норм, принимают гипертрофированные, иногда извращенные формы, в частности, по отношению к питанию.

Внешней формой проявления личных потребностей выступает потребительский спрос населения, хотя и количественно, и качественно он отличается от действительной потребности. Различают общий потребительский спрос, объем и структура которого соответствуют объему потребления населением материальных благ и услуг, и платежеспособный спрос на них, отражающий платежеспособные возможности населения.

Рассматривая следующую составляющую – стиль жизни – интегральной категории «образ жизни», следует отметить, что она не нова для социологии. Категория «стиль жизни» разрабатывалась еще социологами классического периода развития социальной мысли, в частности, М. Вебером, представлявшим стиль жизни как критерий социальной дифференциации, фактор, интегрирующий данную социальную группу и одновременно выступающий барьером, препятствующим переходу из одной группы в другую [7].

В современных словарях под стилем жизни понимают определенный тип, стандарт, отличную черту, характерную манеру поведения людей, субъективную сторону человеческой деятельности, выражающуюся в мотивах, формах и ориентациях решений, поступков, повседневном поведении индивида, его семьи, социальной группы или слоя. «Жизненный стиль» (или «стиль жизни») – исторически изменчивая и исторически обусловленная категория, прошедшая путь трансформации от единого стиля жизни архаических обществ, характеризовавшихся естественной целостностью жизнедеятельности людей, к множеству стилей современного общества. Закономерности диверсификации поведения людей имеют универсальный характер в любом из обществ. Стили жизни в неоднородном обществе всегда многозначны.

Понятие «образ жизни» некоторыми буржуазными социологами подменяется понятием «стиль жизни», который рассматри-

вается как объект индивидуального выбора человека. По мнению американского социолога А. Тофлера, для века научно-технической революции характерно возрастающее разнообразие стилей жизни. «Поэтому иностранец, попадающий ныне в американское, английское, японское или шведское общество наших дней, должен выбирать не из четырех-пяти основных классовых стилей жизни, но буквально из сотен различных возможностей» [8]. Другие буржуазные социологи утверждают, что растущее единообразие образов жизни (и богатые, и бедные якобы одинаково одеваются, курят одни и те же сигареты и т.д.) ведёт к стиранию классовых антагонизмов.

За внешней противоположностью этих точек зрения скрывается стремление отделить образ жизни от классовой принадлежности людей. Между тем, в обществе, расколотом на антагонистические классы, нет и не может быть единого образа жизни. Здесь, по словам В.И. Ленина, «у каждого общественного слоя свои «манеры жизни», свои привычки, свои склонности» [9].

Существует ряд причин, по которым необходимо изучать стиль жизни как самостоятельную научную категорию, среди таких причин следующие:

– во-первых, в одних и тех же условиях, при одинаковом уровне жизни люди организуют свою жизнь различными способами;

– во-вторых, люди не всегда действуют под давлением обстоятельств, «бросают вызов обстоятельствам, поступают вопреки или ориентируются в своих поступках не на обстоятельства, а на определенные ценности» [10].

Как субкатегорию, конкретизирующую категорию образа жизни, рассматривают стиль жизни А.П. Бутенко, А.С. Ципко, В.П. Киселев. Они считают, что стиль жизни – это «поведение личности, определяемое ею в соответствии с собственными потребностями и установками в пределах объективных возможностей, создаваемых типом и видом образа жизни» [11].

Многомерность понятия «стиль жизни» и широкий диапазон феноменов, составляющих его, породили множество классификаций жизненных стилей на основе самых разнообразных критериев, но все они соотносимы с личностными характеристиками (конформность, индивидуализм, агрессивность, альтруизм и т.д.), что указывает на специфику категории «стиль жизни» по отношению к стилю деятельности. При классификации последнего используются параметры, являющиеся характеристиками деятельности (результативность, эффективность, соотношение ориентировочных и исполнительских действий и т.д.).

Понятие «стиль жизни» обладает большей эвристической значимостью, так как позволяет значительно углубить понятие «образ жизни», детально рассмотреть влияние внутренних психологических факторов на развитие способа жизни личности и зафиксировать многогранность повседневного поведения людей в рамках единого для них образа жизни.

Понятие «стиль жизни» применяется для обозначения характерных специфичных способов самовыражения представителей различных социокультурных групп, проявляющихся в их повседневной жизни: в деятельности, поведении, отношениях. Показателями стиля жизни являются особенности индивидуальной организации приемов и навыков трудовой деятельности, выбор круга и форм общения, характерные способы самовыражения (включая демонстративные черты поведения), специфика структуры и содержания потребления товаров и услуг, а также организация непосредственной социокультурной среды и свободного времени. Это понятие тесно связано с общекультурным понятием моды.

Следовательно, стиль жизни – не составная часть образа жизни, а воплощение последнего на уровне личности, – это одна из конкретных его форм, посредством которой образ жизни доводится до реального

воплощения в действительность через индивидуальность личности. Отличие образа от стиля жизни и заключается в удельном весе индивидуального в них. Поскольку само существование стиля жизни основано, прежде всего, на индивидуальности, данное явление имеет право на изучение только в том случае, когда обеспечиваются реальные условия для осуществления индивидуальности в процессах жизни, когда можно говорить о сформированности высшего уровня индивидуальности – внутреннего мира личности, мира ее потребностей, ценностных ориентаций, представлений о людях и самой себе, когда уровень субъектности позволят сделать выбор из альтернативных путей жизни собственного.

Нами разделяется подход Е.Г. Пчелинцевой [12] к определению данной категории, согласно которому «стиль жизни семьи» – компонент образа ее жизни, характеризующий поведенческие особенности повседневной жизнедеятельности людей и их семей (в частности, ритм, интенсивность, темп жизни), а также социально-психологические черты быта и взаимодействия между людьми, которые нередко выражают национально-этнические и социально-профессиональные черты социальной общности, группы.

Категория «стиль жизни семьи» выполняет не только функцию дифференцирующую, выделяя, во-первых, вариантное в образе жизни, но одновременно обобщающую, в частности, обобщение касается группы, определенного множества людей, одинаково ведущих себя, использующих общие, единые способы жизнедеятельности; во-вторых, стиль жизни семьи отражает не один из видов ее деятельности, а особенности ее образа жизни в целом; в-третьих, стиль жизни является научной категорией, которая фиксирует не единичное, случайное, а отражает устойчивое, повторяющееся в способе жизнедеятельности семьи на протяжении длительного отрезка времени.

К факторам, конструирующим жизненные стили семьи, Е.Г. Пчелинцева относит условия бытия, традиции и содержащиеся в них явные или латентные правила интерпретации, оценки жизненных феноменов, а также институциональные образования, характерные для доминирующих групп. При этом исходим из того, что ценности, нормы, каноны влияют на поведение людей лишь в той мере, в какой члены общества их активно разделяют либо пассивно признают. Она также считает, что мощным фактором стилевой дифференциации является ускоряющийся сегодня процесс глобализации.

Понятие «уклад жизни» характеризует конкретные исторические социально-экономические и политические аспекты культуры, в рамках которой разворачивается образ жизни ее носителей. В качестве показателей уклада жизни выступают характер собственности на средства производства, характер экономики, социальных отношений, ведущих идеологий, политической системы и т.п. Важнейшее значение имеет здесь также показатель урбанизации (соотношение городского и сельского населения).

Понятие «качество жизни» подразумевает степень удовлетворения потребностей и запросов более сложного характера, не поддающихся прямому количественному измерению, и выполняет социально-оценочную функцию по отношению к категории «образ жизни». К показателям качества жизни относятся характер и содержание труда и досуга, удовлетворенность ими, степень комфорта в труде и быту (включая качество жилых, производственных помещений и окружающей предметной среды); степень удовлетворенности личности знаниями, общественной активностью и саморазвитием, степенью реализации существующих в обществе моральных и нравственных ценностей. Сюда можно отнести также показатели средней продолжительности жизни, заболеваемости, естественного прироста населения, его демографической и социальной структуры [5].

Таким образом, обобщающую категорию «образ жизни» можно определить как систему наиболее существенных, типичных характеристик способа деятельности, активности людей, в единстве их количественных и качественных сторон, являющихся отражением уровня развития общества.

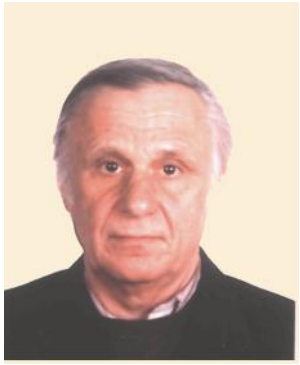
Таким образом, категория «образ жизни» обозначает организованную совокупность процессов и явлений жизнедеятельности людей в обществе. Понятие отражает повседневную жизнь людей и служит для выявления соотношения установившихся, типичных и изменчивых, индивидуальных характеристик жизнедеятельности различных людей в определенных областях культуры.

При определении категории «образ жизни» важно подчеркнуть ее интегративный характер по отношению к таким понятиям, как «уклад жизни», «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни». Эти понятия раскрывают и конкретизируют содержание категории «образ жизни» при различных уровнях анализа социокультурной динамики [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Е.М. Некоторые вопросы категории "образ жизни" («уровень жизни», «качество жизни») по материалам зарубежной социологической литературы // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах. Тезисы докладов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – С. 47-49.
2. Толстых В.И. Образ жизни: Понятие, реальность, проблемы / В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1975. – 184 с.
3. Возьмитель А.А. Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки. – 1991. – № 1. – С. 85-91.
4. Резник Ю.М. Стратегия жизни / Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов. – М.: Наука, 2002.– 370 с.
5. Социальная статистика: учебник / Под ред. чл.-кор. РАН И.И. Елисеевой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 480 с.
6. Основы изучения человеческого развития / Под ред. Н.Б. Баркалова и С.Ф. Иванова. – М.: Права человека, 1988.
7. Вебер М. Хозяйство и общество // М. Вебер. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 575.
8. Toffler A. The Future shook. – L., 1970. – p. 306.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 25. – С. 342.
10. Бестужев-Лада И.В. Содержание и структура категории образ жизни // Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни. – М., 1979. – С. 15.
11. Бутенко А.П. Социалистический образ жизни (методологические проблемы исследования) / А.П. Бутенко, А.С. Ципко, В.П. Киселев. – М., 1975. – С. 20.
12. Пчелинцева Е.Г. Динамика стиля жизни семьи в период трансформации российского общества: дисс… канд. социол. наук: 22.00.03 / Е.Г. Пчелинцева. – Саратов, 2005. – 158 с.

МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА



УДК 517.51

Ю.Г. Абакумов, к. физ-мат. н., профессор каф. «Информатика, вычислительная техника и прикладная математика», ЧитГУ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОПЕРАТОРАХ $\frac{3}{2}M_n^{[1](1)} - \frac{3}{5}M_n^{[1](2)} + \frac{1}{10}M_n^{[1](3)}$

Научные интересы: функциональный анализ, теория приближений, философские вопросы математики

Выясняются некоторые свойства аппроксимирующих операторов

$$L_n^{(1,2,3)}\left(f(t),x\right)=\frac{3}{2}M_n^{[1](1)}\left(f(t),x\right)-\frac{3}{5}M_n^{[1](2)}\left(f(t),x\right)+\frac{1}{10}M_n^{[1](3)}\left(f(t),x\right),$$

где $M_n^{[1](k)}$ – тригонометрические операторы Баскакова ■

Y. Abakumov, candidate of phys–math. science, professor of the department of informatics, computing machinery and applied mathematics of Chita State University

SEVERAL NOTES ABOUT OPERATORS $\frac{3}{2}M_n^{[1](1)} - \frac{3}{5}M_n^{[1](2)} + \frac{1}{10}M_n^{[1](3)}$

Find out some properties aproximating operators

$$L_n^{(1,2,3)}\left(f(t),x\right)=\frac{3}{2}M_n^{[1](1)}\left(f(t),x\right)-\frac{3}{5}M_n^{[1](2)}\left(f(t),x\right)+\frac{1}{10}M_n^{[1](3)}\left(f(t),x\right),$$

where $M_n^{[1](k)}$ – Baskakov's trigonometric operators ■

* * *

Аппроксимирующие последовательности операторов (действующих в пространстве 2π-периодических функций) (1) явились предметом исследования в ряде работ [1-4].

$$M_n^{[m](k_1,\dots,k_m)}(f(t),x)=\frac{2^{m-1}\prod\limits_{j=1}^{m}\sin^2\frac{\pi k_j}{n}}{\pi n}\int\limits_{-\pi}^{\pi}\frac{f(t+x)\sin^2\frac{nt}{2}dt}{\sin^2\frac{t}{2}\prod\limits_{j=1}^{m}\left(\cos t-\cos\frac{2\pi k_j}{n}\right)}. \qquad (1)$$

Параметры $m,\ k_j$ удовлетворяют ограничениям

$m>0$ – целое, $0<k_1<\ldots<k_m<\frac{n}{2}$.

В [4] (см. также [5, 6]) получен следующий результат: пусть целое i удовлетворяет условию $0<i\le 2m$, $f(t)\in C_{2\pi}^{(i-1)}$ и существует $c>0$ такое, что для некоторого $x\in(-\infty,\infty)$ $f(t)$ i раз дифференцируема на $[x-c,x]$ и на $[x,x+c]$, тогда для $\rho\ge 0$ выполняется

$$M_n^{[m](k_1,\dots,k_m)}(f(t),x+2\rho n^{-1})=$$
$$=f(x+2\rho n^{-1})+$$
$$+\frac{1}{i!}(-1)^{i+1}\Phi_i(\rho)\left(f_+^{(i)}(x)-f_-^{(i)}(x)\right)n^{-i}+$$
$$+o\left(n^{-i}\right),$$

где $\Phi_i(p)=$

$$=2^i\pi^{2m-1}\prod_{j=1}^{m}(k_j)\int\limits_{\rho}^{\infty}\left(1-\frac{\rho}{t}\right)^i\frac{t^{i-2}\sin^2 t\,dt}{\prod\limits_{j=1}^{m}\left(\pi^2k_j^2-t^2\right)}. \qquad (2)$$

При $i=1$ этот результат получен в [3].

Фигурирующий в определении $\Phi_i(\rho)$ несобственный интеграл сходится лишь при $i\le 2m$. Этим и объясняется ограничение на i.

Операторы (1) являются методами суммирования рядов Фурье. Коэффициенты суммирования для них были найдены В.А. Баскаковым [1]. Приведем аналитическое выражение этих величин:

$$\lambda_{p,n}^{[m](k_1,\dots,k_m)}=$$
$$=1-\frac{p}{n}+\frac{1}{n}\sum_{j}^{m}\frac{\prod\limits_{\substack{l=1\\ l\ne j}}^{m}\left(\cos\frac{2k_l\pi}{n}-1\right)}{\prod\limits_{\substack{l=1\\ l\ne j}}^{m}\left(\cos\frac{2k_l\pi}{n}-\cos\frac{2k_j\pi}{n}\right)}\cdot$$
$$\cdot\frac{\sin\frac{2pk_j\pi}{n}}{\sin\frac{2k_j\pi}{n}}.$$

В.А. Баскаков поставил задачу нахождения операторов, обладающих аппроксимативными возможностями, сходными с возможностями операторов, но имеющих коэффициенты суммирования более простого вида, чем приведенные выше $\lambda_{p,n}^{[m](k_1,\dots,k_m)}$.

В [2] эта задача рассмотрена для линейных комбинаций операторов $M_n^{[1](k)}$ (частный вид операторов (1) при $m=1$). В частности, в [2] исследовались аппроксимативные свойства операторов

$$L_n^{(1,2,3)}(f(t),x)=\frac{3}{2}M_n^{[1](1)}(f(t),x)-$$
$$-\frac{3}{5}M_n^{[1](2)}(f(t),x)+\frac{1}{10}M_n^{[1](3)}(f(t),x).$$

Было установлено, например, что операторы $L_n^{(1,2,3)}$ имеют (как и операторы $M_n^{[3](1,2,3)}$) порядок насыщения $O\left(1/n^7\right)$.

В этой работе мы отметим факт, относящийся к операторам $L_n^{(1,2,3)}$.

При $m=1$ обозначим характеристики $\Phi_i(\rho)$ (в данном случае $i=1,2$) операторов $M_n^{[1](k)}$, указывая в обозначении параметр k:

$$\Phi_{i,k}(\rho)=2^i\pi k^2\int_\rho^\infty\left(1-\frac{\rho}{t}\right)^i\cdot$$

$$\cdot\frac{\sin^2 t}{t^{2-i}}\cdot\frac{1}{\pi^2k^2-t^2}dt.$$

Очевидно, что характеристика, аналогичная $\Phi_i(\rho)$, для операторов $L_n^{(1,2,3)}$ (обозначим $\Phi_i^{(1,2,3)}(\rho)$) вычисляется по формуле

$$\Phi_i^{(1,2,3)}(\rho)=\frac{3}{2}\Phi_{i,1}(\rho)-$$

$$-\frac{3}{5}\Phi_{i,2}(\rho)+\frac{1}{10}\Phi_{i,3}(\rho).$$

Следовательно, (для $i=1,2$)

$$\Phi_i^{(1,2,3)}(\rho)=$$

$$=2^i\pi\int_\rho^\infty\left(1-\frac{\rho}{t}\right)^i\frac{\sin^2 t}{t^{2-i}}\left(\frac{3/2}{\pi^2-t^2}-\frac{12/5}{4\pi^2-t^2}+\frac{9/10}{9\pi^2-t^2}\right)dt=$$

$$=2^i\pi\int_\rho^\infty\left(1-\frac{\rho}{t}\right)^i\frac{P(t)\sin^2 t}{t^{2-i}}\cdot\frac{1}{\prod_{k=1}^{3}\left(\pi^2k^2-t^2\right)}dt,$$

где

$$P(t)=\frac{3}{2}\left(9\pi^2-t^2\right)\left(4\pi^2-t^2\right)-$$

$$-\frac{12}{5}\left(\pi^2-t^2\right)\left(9\pi^2-t^2\right)+$$

$$+\frac{9}{10}\left(\pi^2-t^2\right)\left(4\pi^2-t^2\right).$$

Раскрывая правую часть последнего равенства, можно убедиться, что $P(t)=36\pi^4$.

Таким образом, при $i=1,2$

$$\Phi_i^{(1,2,3)}(\rho)=2^i\pi^5\cdot4\cdot9\cdot$$

$$\cdot\int_\rho^\infty\left(1-\frac{\rho}{t}\right)^i\frac{t^{i-2}\sin^2 t\,dt}{\prod_{k=1}^{3}\left(k^2\pi^2-t^2\right)}. \qquad (3)$$

Это выражение совпадает с $\Phi_i(\rho)$ согласно (2) при $m=3$, $k_1=1$, $k_2=2$, $k_3=3$. То есть $\Phi_i^{(1,2,3)}$ совпадают (при $i=1,2$) с характеристиками операторов $M_n^{[3](1,2,3)}$.

Формально (3) можно получить и для $i=3,4,5,6$ (фигурирующий в (3) несобственный интеграл при этих значениях i сходится). Но затруднения возникают ввиду того, что интегралы $\int_\rho^\infty\left(1-\frac{\rho}{t}\right)^i\frac{t^{i-2}\sin^2 t\,dt}{k^2\pi^2-t^2}$ при $i>2$ расходятся.

Вопрос о возможности распространения (3) на случаи $i=3,4,5,6$ остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков В.А. Об операторах класса S_{2m}, построенных на ядрах Фейера // Применение функционального анализа в теории приближений. – Тверь: ТвГУ, 2001. – С. 5-11.

2. Дубровина Т.В. Оценка характеристик, определяющих аппроксимативные свойства тригонометрических операторов Баскакова и некоторых других методов суммирования рядов Фурье: автореф. дисс. … канд. физ-мат. наук. – Красноярск, 2005. – 13 с.

3. Коган Е.С. Некоторые методы получения точных и экстремальных констант в оценках приближения линейными операторами функций классов $Lip_M\alpha$: автореф. дисс. … канд. физ-мат. наук. – Красноярск, 2004. – 15 с.

4. Шерстюк Т.Ю. Приближение операторами Баскакова функций вблизи точек разрыва производных // 6 Всероссийская научно-практическая конференция «Кулагинские чтения» (материалы конференции). – Чита: ЧитГУ, 2006. – Ч. 3. – С. 196-200.

5. Шерстюк Т.Ю. О некоторых характеристиках аппроксимативных свойств операторов Баскакова // Математический анализ и его приложения. Сб. науч. трудов. – ЗабГГПУ. – Вып. 6. – Чита, 2006. – С. 58-61.

6. Шерстюк Т.Ю. О некоторых величинах, характеризующих аппроксимативные свойства операторов Баскакова // Вестник ЧитГУ: Вып. 40. – Чита: ЧитГУ, 2006. – С. 130-136.

УДК 681.3.06

О.В. Колесникова, доцент каф. «Математика, информатика, информационные системы», АТИ ДВГТУ

ОПТИМИЗАЦИЯ ЦЕНОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ИМИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Научные интересы: проведение исследований в области применения математических методов и программного обеспечения для решения микроэкономических задач. В качестве программного обеспечения наибольший интерес вызывает пакет имитационного моделирования MATLAB/Simulink

В работе рассматривается модель производства, хранения и сбыта товара повседневного спроса, оптимизирующая ценовую политику предприятия в условиях олигополии. Приводятся и обсуждаются результаты численных экспериментов ■

O. Kolesnikova, assistant professor of Mathematics, Informatics, Information systems Department, ATI FESTU

PRICE POLICY OPTIMIZATION OF AN ENTERPRISE ON BASIS OF IMITATION MODEL

A model of production, keeping and sale optimized price policy in competition conditions is suggested and researched. Results of numerical experiments are presented and discussed ■

* * *

Решение задач управления экономическими системами часто невозможно без применения методов моделирования. Широкое распространение компьютеров позволяет использовать математическое моделирование для описания большого класса систем, не допускавших ранее такого представления из-за сложностей их структуры и динамики, трудностей вычислительного характера. В связи с этим использование математических моделей экономических процессов приобретает не только теоретическое, но и практическое значение как средства поддержки принятия экономических решений.

Сложность экономических моделей часто не позволяет использовать традиционные методы моделирования. Из-за большого количества параметров и связей аналитические методы моделирования заходят

в тупик, не позволяя найти решение поставленных задач. То же самое можно сказать о численных методах. Несмотря на использование мощных вычислительных машин, численные методы в ряде случаев неприменимы. В этой ситуации особый вес приобретают методы имитационного моделирования, которые позволяют с помощью вычислительной техники имитировать действие реальных систем [2]. Созданные таким образом имитационные модели отражают логику поведения реальных объектов. Анализируя поведение имитационных моделей, действующих в различных ситуациях, можно спрогнозировать поведение реальной системы.

В условиях олигополии на получение производителем максимальной прибыли оказывает влияние наличие конкурентов. Каждый из конкурентов стремится получить наибольший доход. Производитель может влиять на получение дохода изменением цены товара [3].

Исследование поведения производителей в условиях конкуренции можно начать с ситуации, когда предприятию известны цены и темпы выпуска товаров конкурентами. Тогда задача оптимизации заключается в подборе такой цены товара, чтобы предприятие получило максимум прибыли.

Модель производства и продажи товара [1] в условиях конкуренции может быть записана в виде (1)

$$\frac{dz_i}{dt} = u_i - n(c_i)(Y_i - v_i)z_i;$$

$$\frac{dv_i}{dt} = n(c_i)(Y_i - v_i)z_i - k_{1i}v_i;$$

$$\frac{dw_i}{dt} = c_i n(c_i)(Y_i - v_i)z_i - u_i - k_{2i}z_i;$$

$$\sum Y_i = Y;$$

$$c_i \geq 1;$$

$$w_i \to \max,$$

$$i = \overline{1,n}, \qquad (1)$$

где u – темп производства товара (количество единиц товара, выпущенных в единицу времени);

z – количество товара на рынке;

v – количество товара у потребителей (еще непотребленного);

Δw – доход (разность между выручкой и затратами на единицу времени);

Y – емкость рынка;

c – цена товара (c>1, так как себестоимость товара считается равной 1);

k_1 – темп потребления товара;

k_2 – плата за хранение единицы непроданного товара в единицу времени;

n(c) – коэффициент скорости продажи товара.

Параметры Y, k_1, k_2 считаются постоянными. Величины u, c назначаются производителем и могут быть использованы в качестве управляющих переменных. Переменные z, v, w – функции времени и могут изменяться в соответствии с законами рынка.

В такой постановке решение задачи аналитическими методами, по-видимому, не представляется возможным. Применение вычислительной техники и программного обеспечения может оказать помощь в решении задач подобного рода. Такие эксперименты проведены с моделью, построенной в пакете MATLAB/SIMULINK [2].

Модель расчета оптимальной цены товара представлена на рис. 1. С помощью построенной модели можно получить оптимальную величину цены товара в указанных условиях (темп производства, спрос на продукцию).

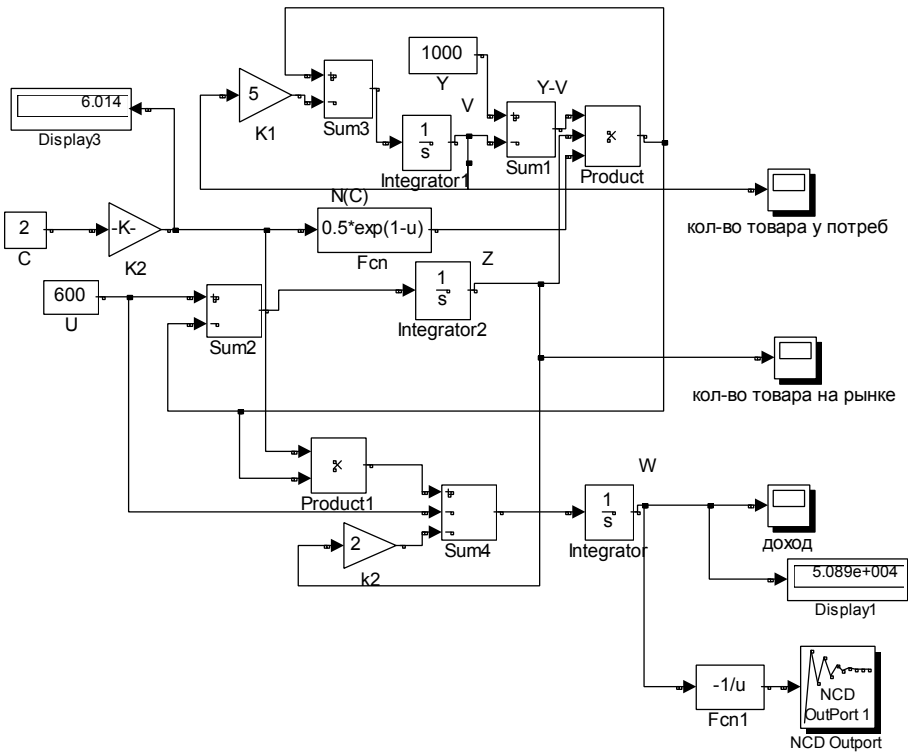


Рис. 1. S-модель оптимизации ценовой политики

Рассмотрение оптимизационной модели установления равновесной цены имеет смысл также начать с дуополии.

Можно предположить, что в ответ на оптимизацию ценовой политики первого производителя второй производитель также попытается оптимизировать свою ценовую политику в новых условиях. При этом предполагается, что цена конкурента известна.

Применяя политику оптимизации цены, конкуренты приходят к ситуации, когда цены на их продукцию становятся практически равными, что соответствует и фактическому равенству доходов. Такая ситуация представлена на рис. 2. Из рисунка видно, что производителю, установившему высокую цену на свой товар, пришлось ее снизить. В то же время, производитель, установивший низкую цену на свой товар, имеет возможность ее увеличить.

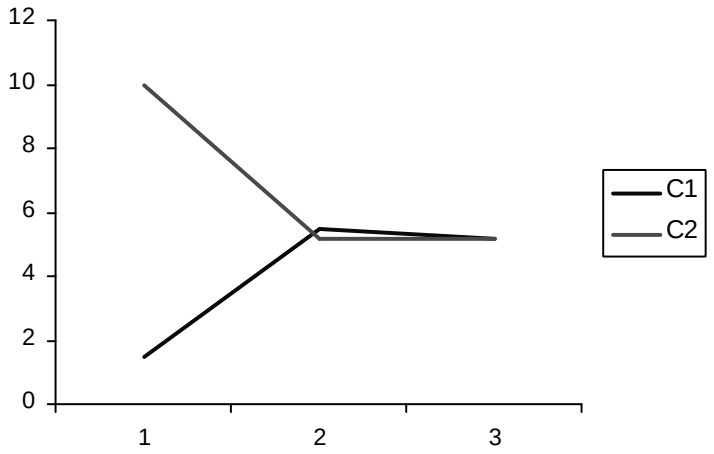


Рис. 2. Установление равновесной цены в оптимизационной модели

При установлении производителями высоких цен на свои товары им обоим приходится ее снижать, так как в данном случае сказывается снижение покупательной способности потребителей товаров. Такая ситуация представлена на рис. 3. Из рисунка видно, что цена одного из производителей практически не меняется, а другого – снижается.

При низких ценах товаров у производителей есть возможность увеличить цену своих товаров и получить еще большую прибыль. Процесс установления равновесной цены для данного случая представлен на рис. 4. Как видно из рисунка, спрос на товары и покупательная способность потребителей из-за низкой цены товаров позволяют производителям увеличить цены на произведенную продукцию.

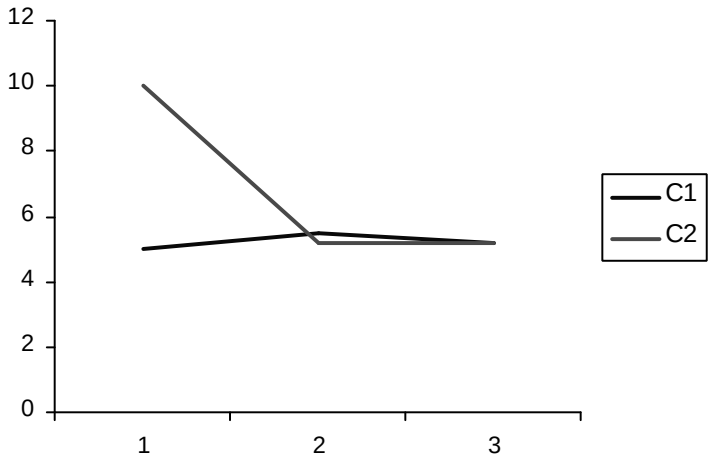


Рис. 3. Установление равновесной цены при высоких ценах товаров

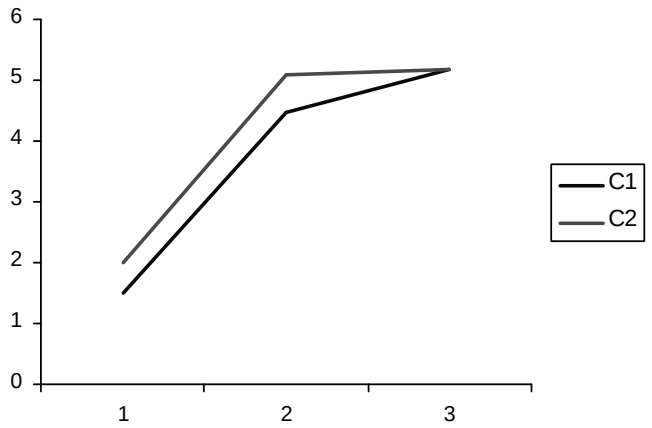


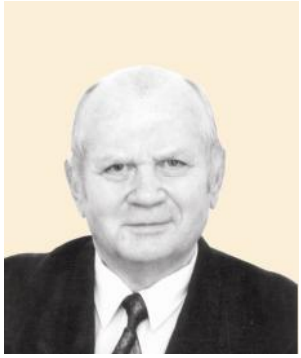
Рис. 4. Установление равновесной цены при низких ценах товаров

Таким образом, для установления равновесной цены производителям достаточно оптимизировать свою ценовую политику. Аналогичные эксперименты были проведены для случая олигополии, присутствия на рынке трех конкурентов. Анализ проведенных экспериментов показал, что использование оптимизационной модели установления цены в условиях олигополии позволяет не только максимизировать получение прибыли всеми участниками, но и установить цену товаров, от которой никому не выгодно отказываться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский А.А. Динамическая модель процесса производства, хранения и сбыта товара повседневного спроса / А.А. Горский, И.Г. Колпакова, Б.Я. Локшин // Изв. РАН. Теория и системы управления, 1998. – № 1.
2. Гультяев А. Визуальное моделирование в среде MATLAB: учебный курс / А. Гультяев. – СПб.: Питер, 2000. – 432 с.
3. Гребенников П.И. Микроэкономика: учебник / П.И. Гребенников, А.И. Леусский, Л.С. Тарасевич // Общая редакция Л.С. Тарасевича. – СПб.: СПбУЭФ, 1998. – 447 с.

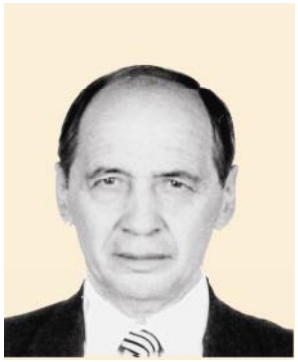
МАШИНОСТРОЕНИЕ И ТРАНСПОРТ



УДК 621.914.2

Н.Я. Смольников, д-р техн. н, профессор каф. «Металлорежущие станки и инструменты», ВолГТУ

Научные интересы: разработка конструкций зуборезного инструмента, совершенствование технологии производства зубчатых колес



Г.Г. Скребнев, к. техн. н., доцент каф. «Металлорежущие станки и инструменты», ВолГТУ

Научные интересы: разработка конструкций зуборезного инструмента, совершенствование технологии производства зубчатых колес

УГЛОВЫЕ ФРЕЗЫ ДЛЯ ОБРАБОТКИ СТРУЖЕЧНЫХ КАНАВОК РЕЖУЩИХ ИНСТРУМЕНТОВ

В статье рассмотрены вопросы повышения производительности обработки стружечных канавок режущих инструментов. Теоретические исследования и опытные испытания отдают предпочтение угловым конструкциям фрез ■

N. Smolnikov, G. Skrebnev, Volgograd State Technical University

ANGULAR CUTTERS FOR TREATMENT OF CHIP GROOVES

This article considers the questions of chip grooves treatment productivity improvement. Theoretical research and experimental tests prioritize angular constructions of cuttings ■

* * *

В металлообрабатывающей промышленности широко применяются различные виды фрез, сверл, метчиков, разверток и др. Одним из важных элементов в конструкции этих инструментов являются стружечные канавки, имеющие фасонный профиль. Изготовление стружечных канавок осуществляется фрезерованием фасонными фрезами. Операция фрезерования трудоемка, поэтому даже небольшое увеличение производительности или повышение стойкости фрез дает значительный экономи-

ческий эффект. Режущий инструмент для обработки стружечных канавок имеет сложный профиль, что приводит к работе различных участков режущих кромок зуба фрезы с неодинаковой нагрузкой.

В случае одновременной работы нескольких участков криволинейной режущей кромки материал в стружку переходит в результате совместных деформаций сдвига и смятия [1]. Анализ показывает, что вершинная режущая кромка имеет наиболее благоприятную геометрию, но срезает слой металла наибольшей толщины и наиболее продолжительное время участвует в работе. Скорость резания вершинной режущей кромки имеет максимальное значение, стружка образуется в стесненных условиях. Все это обусловливает большую нагрузку этих режущих кромок, их низкую стойкость и интенсивный износ. Стружки имеют монолитный вид, когда переход недеформированного материала в стружку происходит только путем сдвига. Тип стружки зависит от вида деформации, если срезаемые слои испытывают наряду со сдвигом смятие, то всегда образуется стружка с разрывом.

При фрезеровании дисковыми фрезами стружечных канавок на режущих инструментах в зависимости от ширины слоя, срезаемого боковыми кромками зуба фрезы, могут образовываться как стружки с разрывом по смежным торцам, так и монолитные.

Рассмотрим интенсивность деформации срезаемых слоев и характер износа зубьев при образовании монолитных стружек. Предположим, что боковые кромки срезают слои одинакового поперечного сечения и толщины, что имеет место у симметричных двуугловых фрез. Тогда направление сбега стружек будет нормальным к режущим кромкам. В связи с малым углом профиля зуба боковые стружки подвергаются одинаково сильным деформациям сдвига. Высокая степень деформации боковых стружек и является одной из основных причин повышенного износа боковых кромок.

Для многих видов инструментов сечения срезаемых слоев неодинаковы. Более широкие и толстые смежные стружки фасонного инструмента отклоняют стружку более тонкую от нормали к режущей кромке. Тонкая стружка сминается и разрывается, направление ее сбега отклоняется от режущего лезвия.

Интенсивная деформация смятия сопровождается и более высокой пластической и упругой деформациями поверхностного слоя. Повышенное давление со стороны поверхности резания на заднюю грань вызывает усиленный износ задней грани этого участка. Таким образом, при образовании стружки с разрывом по торцу создаются исключительно тяжелые условия стружкообразования, приводящие к прорыву режущего лезвия, интенсивному износу его граней, к появлению локального износа.

С целью увеличения стойкости дисковых фрез для обработки стружечных канавок инструментов необходимо снизить до минимума деформацию слоев, срезаемых боковыми кромками зубьев и особенно кромками, срезаемыми тонкие стружки. Это можно достигнуть только за счет изменения схемы резания фрезы, например, согласно предложенной схеме с попеременно нагруженными боковыми сторонами [2].

Дисковые фрезы с попеременно нагруженными боковыми сторонами (см. рисунок) отличаются от обычных тем, что зубья с нечетными номерами 1,3,5,… по окружности фрезы заужены с левой стороны, режут вершинами и правыми боковыми сторонами. Зубья же с четными номерами 2, 4, 6,…заужены с левой стороны и режут вершинами и левыми боковыми сторонами, причем боковые стружки срезают слои удвоенной толщины. Представленная фреза работает по попеременно нагруженной схеме резания, которая обеспечивает лучшие условия стружкообразования.

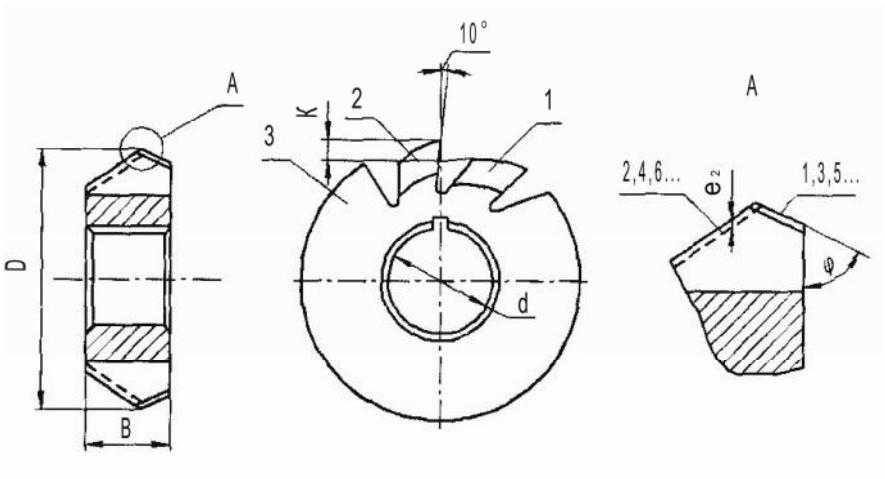


Схема дисковой фрезы попеременно нагруженной схемы резания

Перевод фасонных фрез на новые схемы резания не всегда может быть оправдан. Все зависит от профиля зуба фрезы. Наиболее эффективно работают схемы с перераспределенными нагрузками, когда режущие кромки образуют небольшие углы с радиусом фрезы и срезают широкие тонкие стружки. При увеличении углов и толщины деформация сдвига в слоях, срезаемых кромками обычной фрезы, снижается, и преимущества применения новых схем существенно уменьшаются, при этом очевидно, что при определенном сочетании угла с шириной среза фрезы с новыми схемами резания не будут иметь преимущества, и их применение станет нецелесообразным. Чтобы ответить на вопрос о целесообразности применения фрез с попеременно нагруженными боковыми сторонами, были проведены эксперименты по определению стойкости сил резания и высоты шероховатости для двуугловых фрез как симметричного, так и несимметричного профиля. Эти фрезы являются представителями большого класса фрез для обработки стружечных канавок различных видов инструментов. Кроме того, они могут считаться представителями других видов фасонных инструментов, содержать как прямолинейные, так и радиусные участки режущих лезвий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведицков С.Н. Высокопроизводительное зубонарезание фрезами / С.Н. Медведицков. – М.: Машиностроение, 1981. – 104 с., ил.

2. Патент 2131796, Российская Федерация, МПК[7] С1 В23F21\16 Фреза Н.Я. Смольников, А.З. Сахаров, К.Е. Маринченко по заявке № 98103070 от 16. 02. 98.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И МАТЕРИАЛЫ

УДК 621.878

Ю.А. Геллер, к. техн. н, доцент
каф. «Теоретическая механика», ЧитГУ

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПАРАМЕТРОВ РЫХЛИТЕЛЯ С АККУМУЛЯТОРОМ ЭНЕРГИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗРУШЕНИЯ ГРУНТА

Научные интересы: динамика механических систем

В статье представлен анализ ранее выведенной математической модели, устанавливающей зависимость параметров аккумулятора энергии и рабочего органа на энергетические показатели процесса.

Установлены параметры, влияющие на диссипативные потери в материале упругой связи и в зонах контакта опорных витков упругого элемента с опорными поверхностями аккумулятора энергии.

Рассчитан коэффициент диссипативных потерь в зоне контакта рабочего органа с грунтовым массивом.

Установлены рациональные режимы ведения земляных работ, соответствующих внешним условиям.

Определена рациональная область параметров рабочего органа и аккумулятора энергии, соответствующая рациональному использованию рыхлительного оборудования ■

J. Geller, Chita state university

RESEARCH OF INFLUENCE OF PARAMETERS OF THE MACHINE ON FOR DESTRUCTION OF A GROUND WITH THE ACCUMULATOR OF ENERGY ON EFFICIENCY OF DESTRUCTION OF A BASIS

In clause the analysis before the deduced mathematical model establishing dependence of parameters of the accumulator of energy and a working body on power parameters of process is submitted.

The parameters influencing on dispersion of loss in a material of elastic communication and in zones of contact of basic coils of an elastic element with basic surfaces of the accumulator of energy are established.

Factor dispersion of losses in a zone of contact of a working body with an earth file is designed.

The rational modes of conducting earthen works appropriate to external conditions are established.

The rational area of parameters of a working body and accumulator of energy appropriate to rational use the machine on for destruction a ground ■

* * *

$$A_{рас}=\frac{\pi\left(\alpha_{пр}+\alpha_{г}\right)F_0^2\left[\dfrac{2\pi V_n\sigma_{см}\sin\alpha\sin\left[90-\dfrac{(\alpha-\rho-\rho_0)}{2}\right]K_V K_C}{H\tau_{ср}ctg\left[90-\dfrac{(\alpha+\rho+\rho_0)}{2}\right]\sin\left[90-\dfrac{(\alpha-\rho-\rho_0)}{2}\right]}\right]}{\left[\dfrac{1}{3}(3m_1+2m_2)\right]^2\left\{\left[\dfrac{3(m_1g+m_2g+cL)}{(3m_1+2m_2)L}-\left(\dfrac{2\pi V_n\sigma_{см}\sin\alpha\sin\left[90-\dfrac{(\alpha-\rho-\rho_0)}{2}\right]K_V K_C}{H\tau_{см}^{n}ctg\left[90-\dfrac{(\alpha+\rho+\rho_0)}{2}\right]\sin\left[90-\dfrac{(\alpha-\rho-\rho_0)}{2}\right]}\right)^2\right]^2+\left[\dfrac{6\left(\alpha_{пр}+\alpha_{г}\right)\pi V_n\sigma_{см}\sin\alpha\sin\left[90-\dfrac{(\alpha+\rho+\rho_0)}{2}\right]K_V K_C}{(3m_1+2m_2)H\tau_{ср}^{n}ctg\left[90-\dfrac{(\alpha+\rho+\rho_0)}{2}\right]\sin\left[90-\dfrac{(\alpha-\rho-\rho_0)}{2}\right]}\right]^2\right\}}. \quad (1)$$

Для исследования влияния параметров рыхлителя на эффективность разрушения грунта воспользуемся зависимостью, выведенной ранее [1],

где $\alpha_{пр}$ – приведенный коэффициент упругих потерь, обусловленный диссипативными потерями в системе, Н*с/м;

$\alpha_{г}$ – коэффициент вязкого сопротивления грунта, Н*с/м;

$V_п$ – скорость подачи рабочего органа, м/с;

$\sigma_{см}$ – напряжение смятия, возникающее в зоне контакта передней грани ножа с грунтовым массивом в момент нарушения предельного напряженного состояния, мПа;

$\tau_{ср}^{n}$ – напряжение среза, соответствующее нарушению предельного напряженного состояния грунта по площадке сдвига грунтового элемента, мПа;

α – угол резания, град.;

ψ – угол наклона площадки скола, град.;

ρ_0 – угол внешнего трения, град.;

ρ – угол внутреннего трения, град.;

F_0 – максимальное значение усилия резания, Н;

L – длина вылета штанги стойки, м;

H – глубина резания, м;

m_1 – масса зуба, кг;

m_2 – масса штанги;

c – жесткость упругой связи, Н/м;

K_v, K_c – коэффициенты, учитывающие соответственно влияние скорости и жесткости упругой связи на размер скалываемого элемента.

Прежде чем проводить анализ выражения (1), необходимо рассмотреть вид и значение диссипативных потерь, определяющих коэффициенты сопротивлений в уравнении. Диссипативные потери рабочего органа рыхлителя складываются из внутренних неупругих сопротивлений (гистерезисных потерь) упругих элементов, подвижных звеньев рабочего органа, внешних потерь в узлах крепления упругих элементов, а также диссипативных потерь, возникающих при движении рабочего органа в грунте. Внутренние потери в материале упругих элементов можно определить исходя из коэф-

фициентов поглощения материала

$$\psi' = \Delta E / E, \quad (2)$$

где ΔE – необратимые потери энергии в материале за цикл;

E – полная энергия цикла.

Для стальных элементов при напряжении сдвига $\tau_{сдв}$=100...135 мПа, ψ'=0,005...0,01 [2].

Экспериментально установлено [2], что необратимые потери энергии в материале, в основном, определяются амплитудой перемещения. В этом случае

H_{max}=F/2; F=CH_{max};

$$\Delta E = \psi' C H_{max} / 2, \quad (3)$$

где H_{max} – максимальная деформация упругого элемента, м;

C – линейная характеристика упругого элемента, кН/м;

F – упругая сила, кН.

В реальных механических системах причиной гистерезисных потерь являются не только внутренние потери энергии упругих элементов, но и конструкционные потери в заделках винтовых пружин. Указанные потери, если нет отрыва опорных витков, вызываются, в основном, их трением об опорные поверхности за счет поворота витков относительно друг друга. Если предоставить опорным виткам свободно поворачиваться вокруг оси пружины, то при нагружении ее осевой силой витки повернутся относительно друг друга. При наличии трения между опорными витками и опорными поверхностями при периодическом нагружении пружины, что имеет место в упругой системе рыхлителя, на опорных витках могут возникать знакопеременные моменты сил трения, влияние которых на затухание может оказаться значительно большим, чем влияние внутренних потерь в материале упругих элементов аккумулятора энергии.

Согласно [2, 3], относительный угол поворота опорных витков цилиндрической пружины растяжения-сжатия при отсутствии трения определяется выражением

$$\theta = \frac{\pi P D_0^2 \sin\alpha_0}{2}\left(\frac{1}{C} + \frac{1}{B}\right), \quad (4)$$

а момент Мо, необходимый для предотвращения поворота опорных витков на угол θ, равен

$$M_0 = \frac{P D_0 (C - B) \sin\alpha_0}{4\left(B \sin^2\alpha_0 + C \cos^2\alpha_0\right)}, \quad (5)$$

где P – осевое усилие кН;

D_0 – средний диаметр пружины, м;

i_0 – число рабочих витков, шт.;

α_0 – угол подъема витков пружины на оси прутка, град.;

C, D – вспомогательные характеристики.

Для пружин круглого сечения

$$B = \frac{\pi d^4}{64} E; \quad (6)$$

$$C = \frac{\pi d^4}{32} G, \quad (7)$$

где d – диаметр прутка, м;

E – модуль упругости при растяжении-сжатии, мПа;

G – модуль упругости при сдвиге, мПа.

Момент трения об опорные поверхности равен

$$M_{тр} = \frac{P \rho D_{оп}}{2}, \quad (8)$$

где ρ – коэффициент трения материала пружины по материалу опорной поверхности;

$D_{оп}$ – диаметр опорной поверхности, м.

В зависимости от конструкции пружины и соотношения D_0 и $D_{оп}$ возможны случаи знакопеременного перемещения концевых витков по опорным поверхностям, что также приводит к дополнительному затуханию и увеличению затрат энергии. Эти потери зависят от многих факторов и требуют анализа в каждом конкретном случае.

Поскольку учесть все параметры, влияющие на затухание колебательного процес-

са рабочего органа представляется сложным, определение диссипативных сопротивлений рабочего органа проводилось опытным путем с записью процесса свободных колебаний на осциллографическую ленту с последующим определением коэффициента поглощения ψ' и декремента затухания δ, связанных между собой следующим соотношением [2]:

$$\psi' = 2nT = 2\delta\ , \qquad (9)$$

$$\delta = \ln\frac{a_i}{a_{i+1}}, \qquad (10)$$

где n – постоянная, зависящая от материала и типа конструкции;

T – длительность одного колебательного цикла, с;

δ – логарифмический декремент затухания;

a_i, a_{i+1} – последовательные пиковые значения кривой колебаний, мм.

При $a_i = 30$ *мм*, $a_{i+1} = 26$ *мм*; *T=0,33 с* (указанные значения получены при обработке результатов записи процесса свободных колебаний на осциллографическую ленту) $\delta = 0{,}143$; $\psi' = 0{,}286$.

Предположим, что потери энергии в материале равны потерям энергии в системе, представленной в виде упруго-вязкой схемы [3]. Тогда

$$\Delta EH_{\max} = \pi\alpha_{пр}\omega H^2_{\max}\ , \qquad (11)$$

где $\alpha_{пр}$ – эквивалентный коэффициент вязкости системы.

Принимая во внимание выражение (3), получим

$$\alpha_{пр} = \frac{C\psi'}{2\pi\omega}. \qquad (12)$$

При жесткости упругой связи *C = 15 кН/м;* ω *=25* c^{-1}, $\alpha_{пр}$ *= 27,3 Н*с/м.*

Для определения коэффициента вязкости, возникающего в зоне контакта рабочего органа с грунтом, принималось во внимание, что диссипативные потери в грунте начинают возникать с момента скола грунтового элемента и, в основном, определяются трением ножа о боковые поверхности канала при обратном ходе рабочего органа. На основании проведения серии из шести равноточных опытов с заданной величиной надежности $\alpha = 0{,}9$ и относительной погрешностью ε_{α_0} *=10 %* на супесчаном грунте влажностью 20 % при температуре -5 ^{0}C последовательные пиковые отклонения составили $a_i = 30$ *мм*, $a_{i+1} = 5{,}2$ *мм*; *T = 0,54 с*, $\delta = 1{,}752$, $\psi' = 3{,}504$. При жесткости упругой связи *C=15 кН/м;* ω *=25* c^{-1}, $\alpha_{пр}$ *=334,61 Н*с/м.*

Эксперименты проводились на лабораторном стенде, моделирующем натурный образец в масштабе 1:5 [4, 5]. Для перехода от результатов, полученных при экспериментальных исследованиях, на натурные значения коэффициента диссипативных потерь $\alpha_{пр}$ необходимо определить масштабный коэффициент $K_{\alpha_{пр}}$. Значение коэффициента $K_{\alpha_{пр}}$ определялось из условия подобия как производная линейного масштабного коэффициента, масштаба сил и времени [6]

$$K_{\alpha_{пр}} = \frac{K_l^3 * \sqrt{K_l}}{K_l} = 55{,}9.$$

С учетом выбора оптимальной глубины резания, равной *H = 0,2 м*, приведенный коэффициент диссипативных потерь составил $\alpha_{пр}$ *=18704,55 Н*с/м.*

Для обеспечения высокой производительности процесса разработки при минимально возможных затратах энергии необходимо, в соответствии с тяговыми параметрами машины, соблюдать рациональные режимы ведения земляных работ, соответствующих внешним условиям. Основной характеристикой, объединяющей изложенные условия, для рыхлителей с аккумулятором энергии является частота образования эле-

ментов грунтовой стружки p.

Как показали теоретические исследования [7], p зависит не только от механических свойств грунта, таких как угол наклона площадки скола ψ, напряжение среза τ_{cp}^{n} и смятия $\sigma_{см}$, но и от скорости подачи рабочего органа $V_п$, глубины резания Н. Графические зависимости частоты скола элементов стружки p от внешних характеристик процесса представлены на рис. 1...3.

Основным параметром внутренней характеристики механической системы «рыхлитель – аккумулятор энергии – рабочий орган» является собственная частота рабочего органа k. В [1] было отмечено, что k функционально связана с приведенной массой рабочего органа $m_{пр}$ жесткостью упругой связи C и длиной штанги стойки L, определяющей вылет вершины зуба рабочего органа относительно оси подвеса.

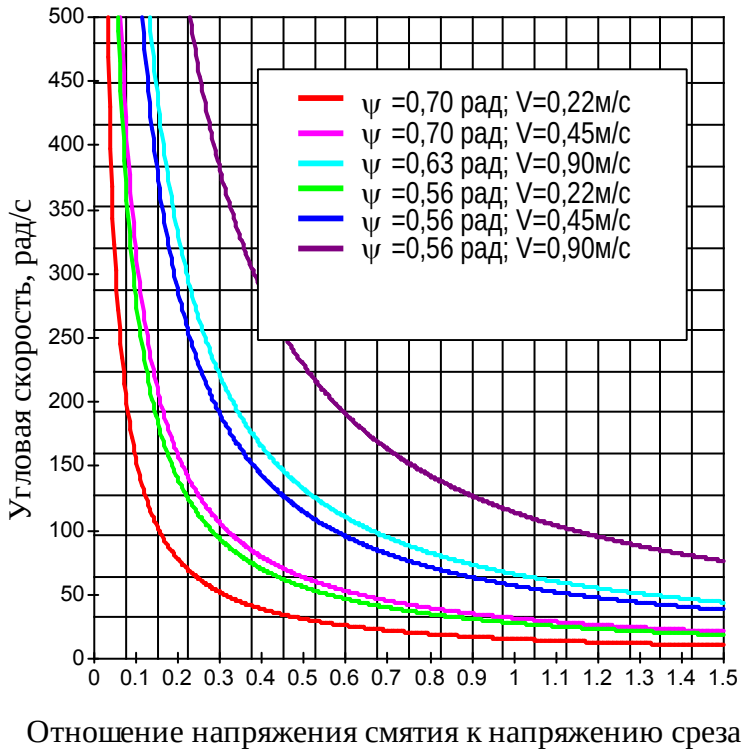


Рис. 1. Зависимость частоты образования грунтовых элементов от отношения $1/(\tau_{ср}/\sigma_{см})$

Связь между частотой скола грунтовых элементов р, собственной частотой колебаний рабочего органа k и энергией, передаваемой в грунт, определяется выражением (1). От того насколько р и k согласованы между собой, зависит эффективность процесса разработки грунта.

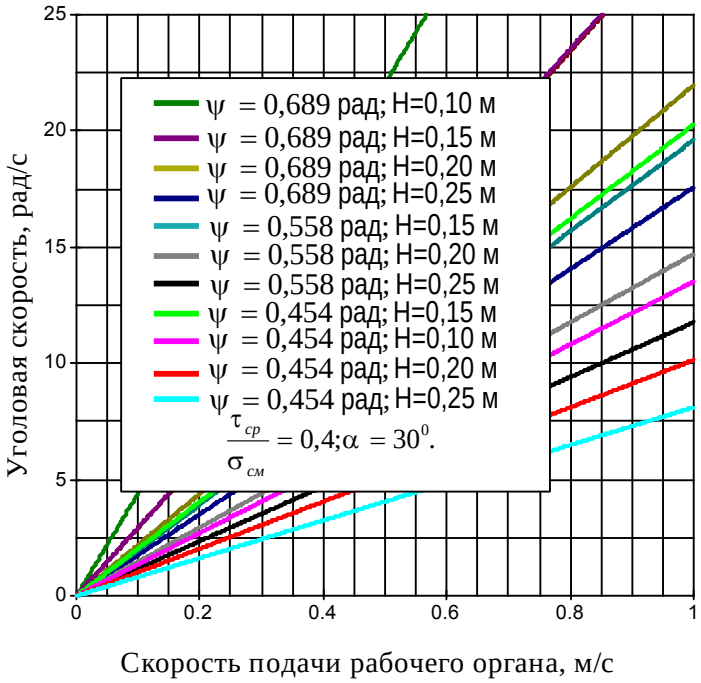


Рис. 2. Зависимость частоты образования грунтовых элементов от угла наклона площадки скола

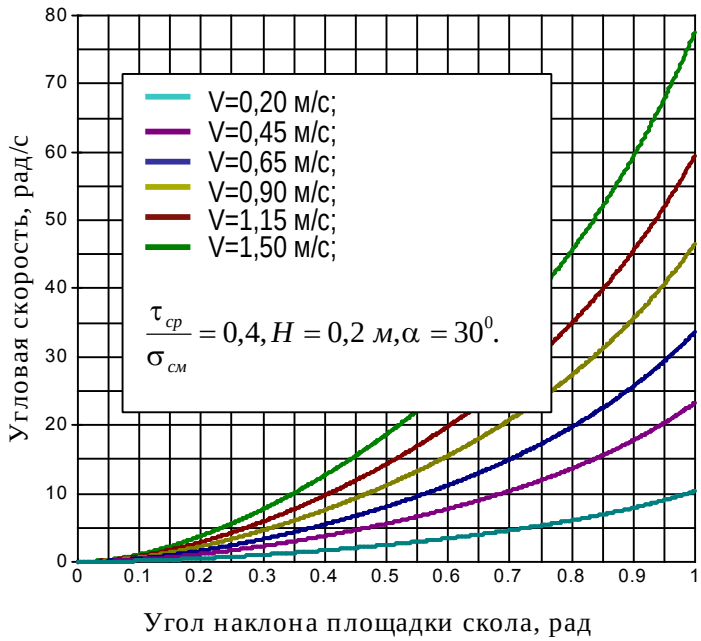


Рис. 3. Зависимость частоты образования грунтовых элементов от скорости подачи рабочего органа

На рис. 4...8 представлены характерные зависимости энергии, передаваемой в грунт, от анализируемых параметров. Например, при массе рабочего органа $m_1 = 500\ кг$, $\alpha_{пр} = 10\ кН*с/м$ $p = 8{,}1 c^{-1}$, $F = 100\ кН$ (см. рис. 4), энергия, передаваемая в грунт, в режиме согласования частот составляет $A = 80\ кДж$.

При $p = 15{,}6\ c^{-1}$ с и оставшихся без изменения остальных параметрах $A=44{,}5\ кДж$, а при $p = 20 c^{-1}$ $A=26{,}3\ кДж$, что соответственно на 44,4 и 71,6 % меньше, чем при частоте колебаний $p = 8{,}1 c^{-1}$.

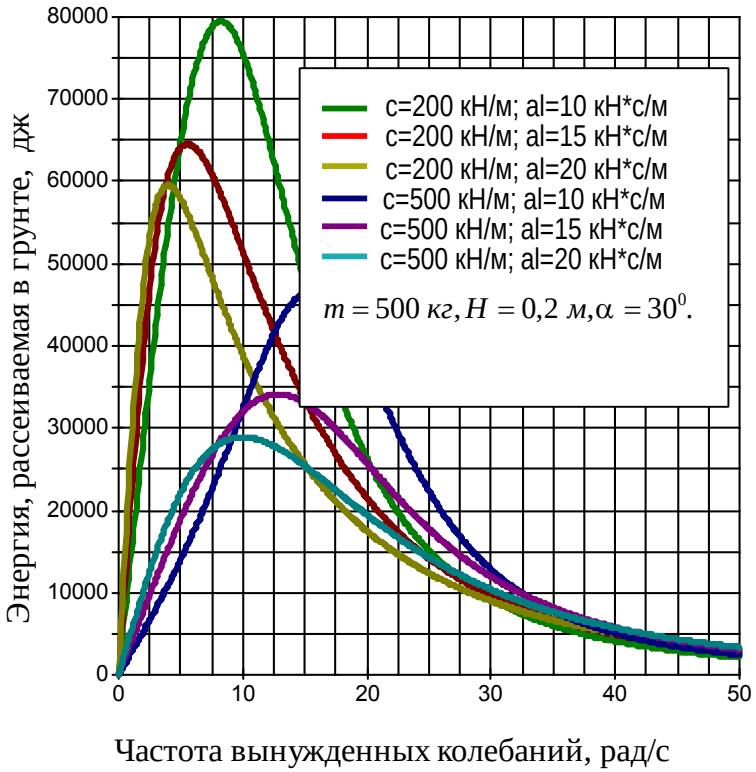


Рис. 4. Зависимость энергии, рассеиваемой в грунте, от частоты вынужденных колебаний

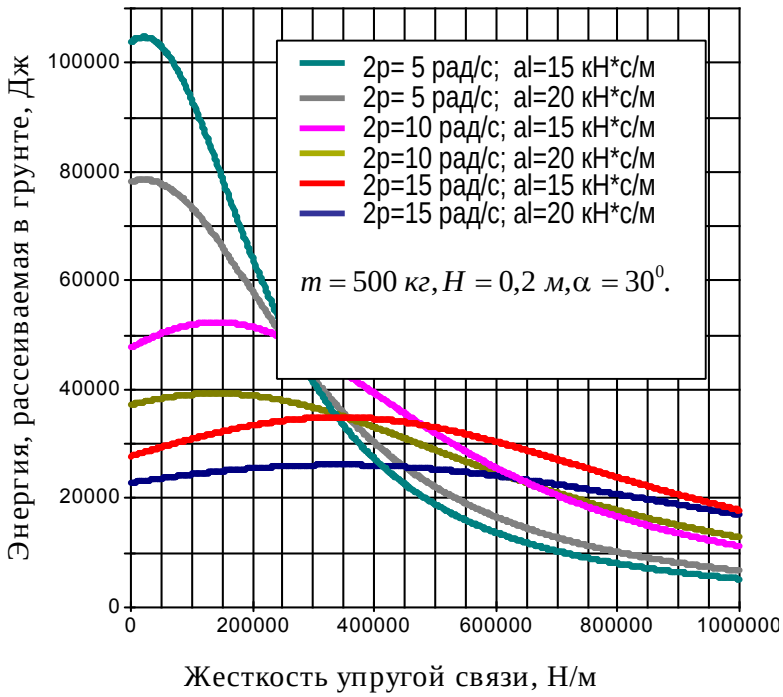


Рис. 5. Зависимость энергии, рассеиваемой в грунте, от жесткости упругой связи

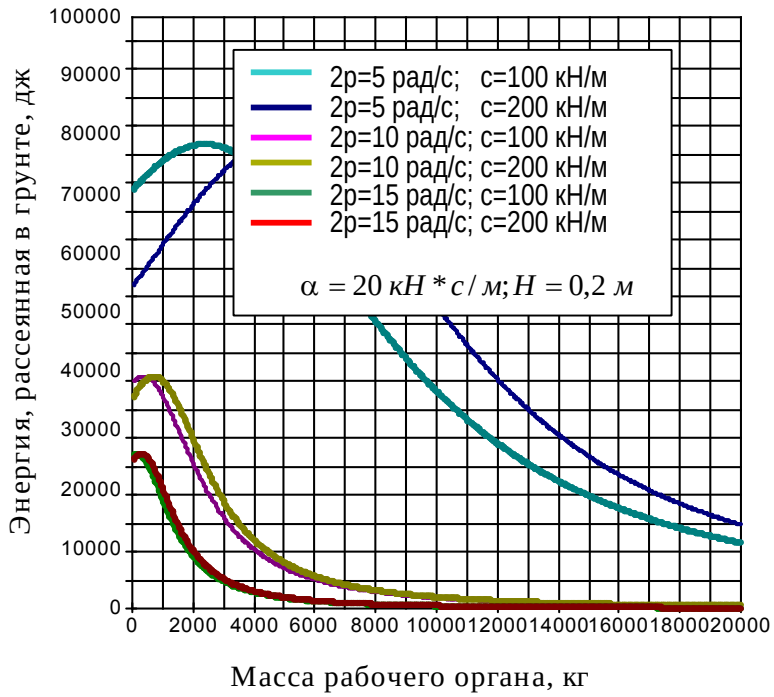


Рис. 6. Зависимость энергии, рассеиваемой в грунте, от массы рабочего органа

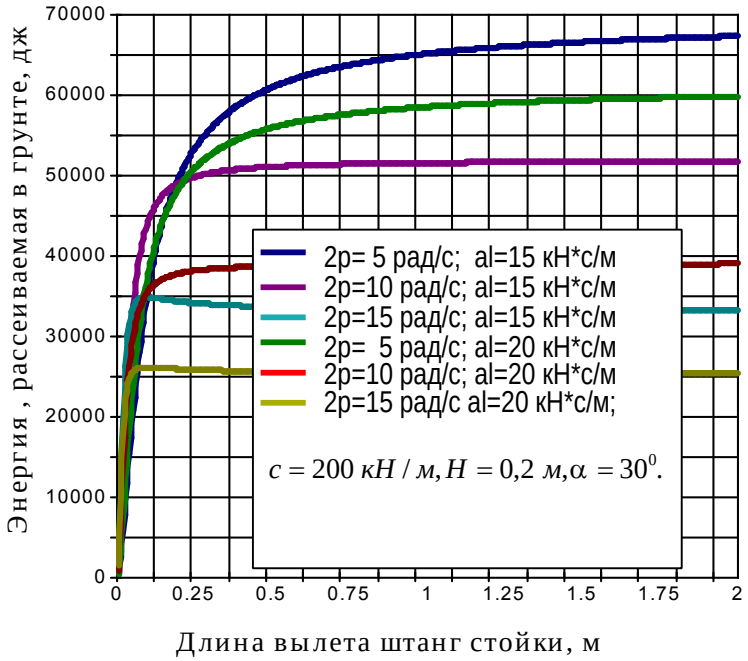


Рис. 7. Зависимость энергии, рассеиваемой в грунте, от длины вылета штанг стойки

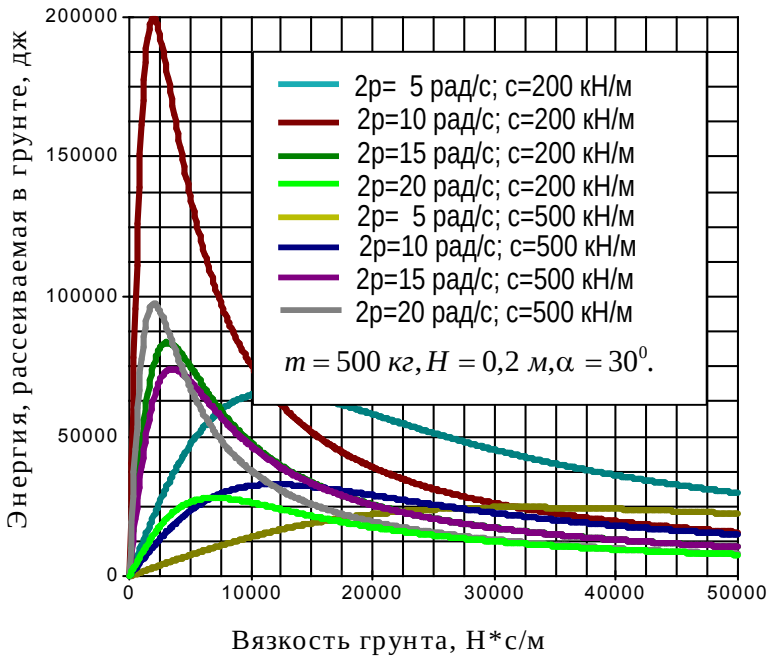


Рис. 8. Зависимость энергии, рассеиваемой в грунте, от его вязкости

С переходом области согласования параметров k и p в зону более высоких частот максимальная передача энергии за один период колебания рабочего органа также смещается. Например, при массе рабочего органа

$m_1 = 500\ кг, \alpha_{пр} = 10 кН*с/м$,

$p = 15{,}6\ рад/с$, $F = 100\ kH$ (см. рис. 4) энергия, передаваемая в грунт в режиме согласования частот, составляет *A=46,8 кДж*. При $p = 8{,}1\ c^{-1}$ и оставшихся без изменения остальных параметрах *A=24,8 кДж*, а при $p = 20\ c^{-1}$ *A=37,7 кДж*, что соответственно на 47,0 и 19,4 % меньше, чем при частоте колебаний $p = 15{,}6\ рад/с$.

Увеличение жесткости упругой связи (рис. 5) или уменьшение массы рабочего органа (рис. 6) приводит к снижению передачи энергии в грунт за один период колебаний. Но если сравнить работу, совершенную за одинаковый промежуток времени, то она (не учитывая сил внутреннего сопротивления системы) останется равной.

Вылет вершины зуба относительно оси подвеса рабочего органа (в пределах реальных размеров штанг стойки) практически не оказывает влияния на передачу энергии в грунт. Например, при массе рабочего органа

$m_1 = 500\ кг,\ p = 5\ рад/с,\ \alpha_{пр} = 20\ кН*с/м$

(рис. 7) на интервале изменения длины штанг стойки 0,5…1,5 м разница между количеством энергии, передаваемой в грунт за один период колебаний, составляет не более 6,5 %. При $p = 15\ рад/с$ и оставшихся без изменения остальных параметрах эта величина составляет не более 0,7 % от первоначального значения энергии.

Изменение вязкости грунта (рис. 8) влечет за собой изменение энергии, рассеиваемой в грунте. Причем на зависимость указанных параметров существенно влияет частота скола грунтовых элементов р. На пример, при частоте скола грунтовых элементов $p = 5\ рад/с$ и жесткости $c = 200\ kH/м$ максимальная энергия, рассеиваемая в грунте, приходится на вязкость грунта $\alpha_{пр} = 11{,}9\ кН*с/м$ и составляет $A_{\max} = 65{,}8\ кДж$. С увеличением частоты р и оставшихся без изменения остальных параметрах максимальная передача энергии смещается в зону уменьшения вязкости. Так, (при $p = 10\ рад/с$ и $c = 200\ kH/м$) максимальная передача энергии приходится на вязкость грунта $\alpha_{пр} = 2{,}0\ кН*с/м$ и составляет $A_{\max} = 199{,}6\ кДж$. Превышение критического значения частоты р приводит к смещению максимального рассеяния энергии в зону более высокой вязкости. Например, при $p = 20\ рад/с$ $A_{\max} = 27{,}9\ кДж$ и приходится на $\alpha_{пр} = 7{,}0\ кН*с/м$.

Из приведенного анализа следует, что основными параметрами, влияющими на энергетические показатели процесса, являются жесткость упругой связи и масса рабочего органа, причем величина массы рабочего органа ввиду сложности управления (рис. 9) выбрана постоянной. Упругая связь при этом выполняется регулируемой по жесткости и усилию поджатия, в соответствии с условиями эксплуатации рыхлителя в реальных условиях.

Таким образом, анализ процесса взаимодействия рабочего органа рыхлителя с мерзлым грунтом при передаче энергии через упругую связь позволяет сделать вывод о существенности влияния условий согласования внешней и внутренней характеристик процесса на эффективность разрушения грунта. Это дает основание полагать об ощутимости положительных качеств применения регулируемой упругой системы в реальных условиях, где сила сопротивления грунта разрушению носит периодический характер. Данные условия учтены в конструкциях предложенных аккумуляторов энергии [8, 9, 10].

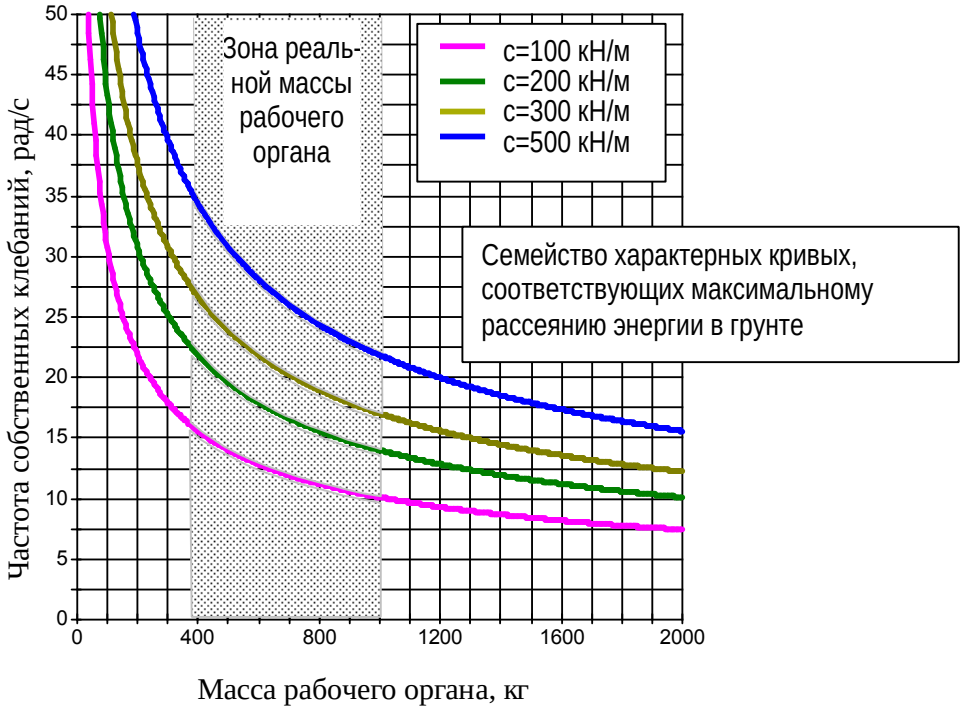


Рис. 9. График определения оптимальных параметров рыхлительного оборудования с аккумулятором энергии

ЛИТЕРАТУРА

1. Геллер Ю.А. Расчетная схема рыхлителя с аккумулятором энергии / Ю.А. Геллер // Вестник ЧитГУ. – № 4 (45). – Чита, 2007. – С. 49-57.
2. Пановко Я.Г. Введение в теорию механических колебаний / Я.Г. Пановко. – М.: Наука, 1971. – 240 с.
3. Анурьев В.И. Справочник конструктора-машиностроителя / В.И. Анурьев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Машиностроение, 1982. – Т. 1. – 576 с.
4. Геллер Ю.А. Стенд для исследования рабочих органов землеройных машин. Патент № 2239689. Зарегестр. 10.11.04.
5. Ахназарова С.А. Оптимизация эксперимента в химии и химической технологии / С.А. Ахназарова, В.В. Кафаров. – М.: Высш. школа, 1978. – 319 с.
6. Баловнев В.И. Моделирование процессов взаимодействия со средой рабочих органов дорожно-строительных машин: учебн. пособие для студентов вузов / В.И. Баловнев. – М.: Высш. школа, 1981. – 335 с.
7. Геллер Ю.А. Влияние аккумулятора энергии на процесс формирования грунтовых элементов / Ю.А. Геллер // Вестник ЧитГУ. – Чита: ЧитГУ, 2005. – № 2 (39). – С. 8-12.
8. Геллер Ю.А., Безручко Н.П., Киричек А.А. Рыхлитель для разработки прочных и мерзлых грунтов. А.с. № 994650. Опубл. 07.02.83 Б.И. № 5.
9. Геллер Ю.А., Киричек А.А., Безручко Н.П. Рыхлитель. А.с. № 1016445. Опубл.07.05.83 Б.И.№ 17.
10. Геллер Ю.А. Рыхлитель. Патент № 1176944. Зарегестр. 08.04.93.

Сведения об авторах

Абакумов Ю.Г. – к. физ-мат. н., профессор кафедры «Информатика, вычислительная техника и прикладная математика», Читинский государственный университет

Акулова И.С. – старший преподаватель кафедры «История, теория государства и права и социология», Магнитогорский государственный технический университет

Ачитаева И.Б. – старший психолог-инспектор, ГОУ СПО Читинская специальная школа милиции МВД России, адъюнкт Академии управления МВД России

Бочарников Е.С. – аспирант кафедры «Политические науки», Кемеровский государственный университет

Букина Н.В. – аспирантка кафедры «Социальная антропология, философия и культура», Читинский государственный университет

Буракова И.С. – старший преподаватель кафедры «Естественные и общенаучные дисциплины», филиала ГОУ ВПО Московского государственного университета, г. Пятигорск

Буянтуева Р.С. – аспирантка кафедры «Конституционное и международное право», Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Геллер Ю.А. – к. техн. н., доцент, Читинский государственный университет

Иванова О.В. – старший преподаватель кафедры «Английский язык», Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской, г. Йошкар-Ола

Киреева Н.В. – ассистентка кафедры «Русский язык», Омский государственный технический университет

Козыкин В.А. – к. филол. н., доцент, заведующий кафедрой «Иностранный язык», Читинский государственный университет

Колесникова О.В. – доцент кафедры «Математика, информатика и информационные системы», Арсеньевский технологический институт, (филиал) ДВГТУ

Лаврентьева Л.Р. – к. филол. н., профессор, Читинский государственный университет

Рассолова С.В. – старший преподаватель кафедры «Безопасность жизнедеятельности», Омский государственный технический университет

Романова И.В. – к. социол. н., декан факультета довузовского и дополнительного образования, Забайкальский институт предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации

Руденко С.С. – заместитель проректора по учебной работе по качеству образования, доцент кафедры «Тепловые электрические станции», эксперт в сфере промышленной безопасности, член-корреспондент МАНЭБ, Читинский государственный университет

Сазонова К.Л. – преподаватель кафедры «Мировая политика и международное право», научный сотрудник Центра изучения проблем мира и разрешения конфликтов факультета международных отношений, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Северова М.С. – аспирантка кафедры «Политология», Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Скребнев Г.Г. – к. техн. н., доцент кафедры “Металлорежущие станки и инструменты”, Волгоградский государственный технический университет

Смольников Н.Я. – д-р техн. н., профессор кафедры “Металлорежущие станки и инструменты”, Волгоградский государственный технический университет

Стетюха В.А. – д-р техн. н., профессор кафедры «Технология деревообработки и сопротивления материалов», Читинский государственный университет

Фалилеев В.А. – прокурор Читинской области, государственный советник юстиции 3 класса

Фирсов О.В. – к. юрид н., заведующий кафедрой «Государственное и муниципальное право» юридического института, Читинский государственный университет

Шойнжонов Б.Б. – старший преподаватель кафедры «Монголоведение», Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского

Аббревиатуры вузов

АТИ ДВГТУ	Арсеньевский технологический институт (филиал Дальневосточного государственного технического университета)
БГУ	Бурятский государственный университет
ВолГТУ	Волгоградский государственный технический университет
ЗабГГПУ	Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского
ЗИП СибУПК	Забайкальский институт предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации
КемГУ	Кемеровский государственный университет
МГПИ	Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской, г. Йошкар-Ола
МГТУ	Магнитогорский государственный технический университет
МГУС	Филиал Московского государственного университета сервиса, г. Пятигорск
ННГУ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ОмГПУ	Омский государственный педагогический университет
ОмГТУ	Омский государственный технический университет
ЧитГУ	Читинский государственный университет

Книгоград

1. Шарапов, А.К. Политический терроризм: содержание, ресурсы, основные формы проявления / А.К. Шарапов. – Чита: ЧитГУ, 2007. – 153 с.

В монографии дан теоретический анализ содержания политического терроризма через призму его определяющей составляющей – насилие. Раскрываемому понятию «насилие» дается развернутая характеристика, оно определяется как деструктивное, политическое, неограниченное, реализуемое террористическими силами в ходе политической борьбы. На основании анализа накопленного и обобщенного информационно-теоретического материала в исследовании раскрыты функции терроризма, дана развернутая характеристика содержания ресурсного потенциала этого сложного социально-политического явления. В предлагаемой читателю работе на основании сформулированных критериев раскрыта поливариантная классификация политического терроризма, его разнонаправленный тип проявления в современной политической реальности. Важной составляющей исследования является наличие словаря, раскрывающего специфические термины и понятия, отражающие содержание политического терроризма.

Монография рассчитана на широкий круг читателей, а также преподавателей, аспирантов, студентов, изучающих проблему экстремизма в разнообразных формах его проявления.

2. Мезенцев, С.В. Экология. Хронобиология. Адаптация / С.В. Мезенцев. – Чита: ЧитГУ, 2007. – 198 с.

Монография предназначена для научных работников, медиков, биологов, экологов, студентов естественно-географического факультета и специальности « Инженерное дело в медико-биологической практике», аспирантов и всех, кому интересны вопросы адаптации человека и животных к условиям Восточного Забайкалья.

Суворов, И.Ф. Влияние ЭДС выбега на электробезопасность в низковольтных сетях: научное издание / И.Ф. Суворов, В.И. Петуров, Д.А. Дейс. – Чита: ЧитГУ, 2008. – 121 с.

В монографии рассмотрены вопросы выбега электродвигателя в низковольтных сетях как с изолированной, так и с глухозаземленной нейтралью. Показана возможность влияния ЭДС выбега на исход электропоражения. Проанализировано влияние устройств компенсации реактивной мощности на величину и длительность существования остаточного напряжения в сети, обусловленного ЭДС выбега.

Книга предназначена для инженерно-технического персонала общепромышленных, горнодобывающих и коммунально-бытовых предприятий, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, занимающихся вопросами проектирования, монтажа и эксплуатации систем электроснабжения объектов и электроустановок, а также вопросами техники безопасности. Материал монографии представляет интерес для аспирантов и студентов вузов, учащихся колледжей и техникумов электротехнического и электроэнергетического профилей.

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилейные даты…… 4

Педагогика

Буракова И.С., ст. преподаватель каф.
«Естественные и общенаучные дисциплины», филиал ГОУ ВПО МГУС
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СЕРВИСА…….. 6

Иванова О.В., ст. преподаватель каф. «Английский язык», ГОУ ВПО МГПИ
ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ПЕДАГОГА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА…….. 14

Руденко С.С., доцент каф. «Тепловые электрические станции», ЧитГУ
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ……. 20

Политология

Бочарников Е.С., аспирант, КемГУ
МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ…….. 30

Сазонова К.Л., ст. преподаватель каф.
«Мировая политика и международное право», ННГУ
РОЛЬ ОПЕРАЦИЙ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ
СТРУКТУРЕ МИРОТВОРЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ…….. 34

Северова М.С., аспирантка, ННГУ
РОЛЬ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ В СИСТЕМЕ
ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ЕС…….. 39

Филология

Киреева Н.В., аспирантка, ОмГПУ
СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «КНИГА»
В УЧЕБНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ……. 44

Козыкин В.А., к. филол. н., доцент, зав. каф. «Иностранные языки», ЧитГУ
СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ…….. 50

Лаврентьева Л.Р., к. филол. н., доцент каф. «Иностранные языки», ЧитГУ
ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВЕРНОСТЬ»
КАК ОСНОВА ДЛЯ ЕГО РАЗВИТИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ…….. 53

Рассолова С.В., ст. преподаватель каф.
«Безопасность жизнедеятельности», ОмГТУ
ЯВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА
В СЛОВЕСНЫХ ОБРАЗАХ ПРИРОДЫ
(на материале описательного речевого жанра в произведениях

русской художественной литературы)…….. 58

Философия

Акулова И.С., ст. преподаватель каф.
«История, теория государства и права и социология», МГТУ
«КОНЕЦ ИСТОРИИ» КАК ЗНАЧИМЫЙ
ЭЛЕМЕНТ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ……. 65

Букина Н.В., аспирантка, ЧитГУ
КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ…….. 69

Право

Буянтуева Р.С., аспирантка, БГУ
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВОБОДЫ
МАНИФЕСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……. 74

Фалилеев В.А., прокурор читинской области,
государственный советник юстиции 3 класса
ПРОВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИИ
ПОДАЧИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ (СТ. 215.1 УК РФ)…….. 80

Фирсов О.В., к. юрид. н., зав. каф. «Государственное
и муниципальное право», ЧитГУ
ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ……. 84

Культурология

Шойнжонов Б.Б., ст. преподаватель каф. «Монголоведение», ЗабГГПУ
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ БУРЯТ В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ…… 90

Психология

Ачитаева И.Б., психолог-инспектор ГОУ СПО Читинская
специальная школа милиции МВД России
ПРАВОМЕРНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА
«ДЕСТРУКТИВНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ»……... 94

Социология

Романова И.В., к. социол. н., декан факультета довузовского
и дополнительного образования, ЗИП СибУПК
СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ ЖИЗНИ»:

ПОНЯТИЕ, РАЗВИТИЕ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ…….. 99

Математика и информатика

Абакумов Ю.Г., к. физ-мат. н., профессор каф.
«Информатика, вычислительная техника и прикладная математика», ЧитГУ
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОПЕРАТОРАХ…….. 108

Колесникова О.В., доцент каф. «Математика, информатика,
информационные системы», АТИ ДВГТУ
ОПТИМИЗАЦИЯ ЦЕНОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ
НА ОСНОВЕ ИМИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ…….. 111

Машиностроение и транспорт

Смольников Н.Я., д-р техн. н., профессор каф.
«Металлорежущие станки и инструменты», ВолГТУ
Скребнев Г.Г., к. техн. н., доцент каф.
«Металлорежущие станки и инструменты», ВолГТУ
УГЛОВЫЕ ФРЕЗЫ ДЛЯ ОБРАБОТКИ СТРУЖЕЧНЫХ
КАНАВОК РЕЖУЩИХ ИНСТРУМЕНТОВ……. 116

Строительные конструкции и материалы

Геллер Ю.А., к. техн. н., доцент каф. «Теоретическая механика», ЧитГУ
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПАРАМЕТРОВ РЫХЛИТЕЛЯ
С АККУМУЛЯТОРОМ ЭНЕРГИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ
РАЗРУШЕНИЯ ГРУНТА…… 119

Сведения об авторах……. 130
Аббревиатуры вузов ……. 132
Книгоград……. 133